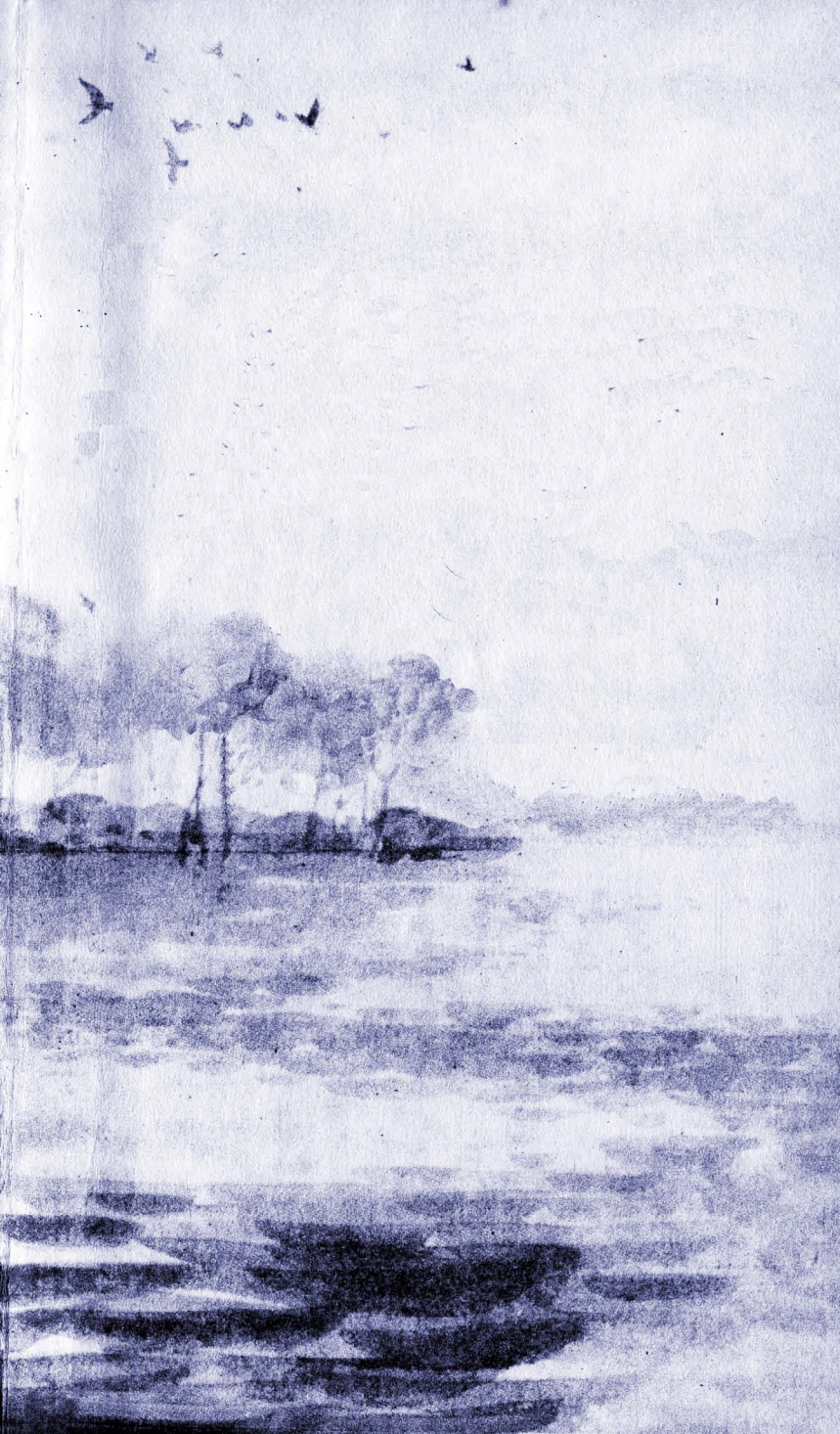

ЛЕОНИД
СЕМАГО

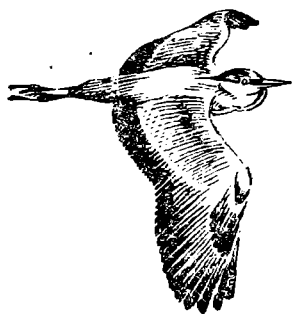
АРИСТОКРАТЫ НЕБА

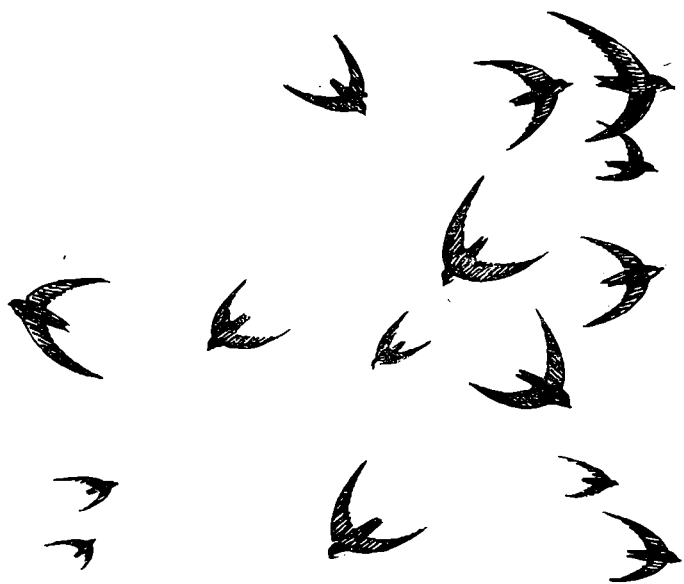

www.dmitriyzhitenyov.com

ЛЕОНИД СЕМАГО • АРИСТОКРАТЫ НЕБА

Леонид
Семаго

АРИСТОКРАТЫ НЕБА.

РАССКАЗЫ
ОЧЕРКИ

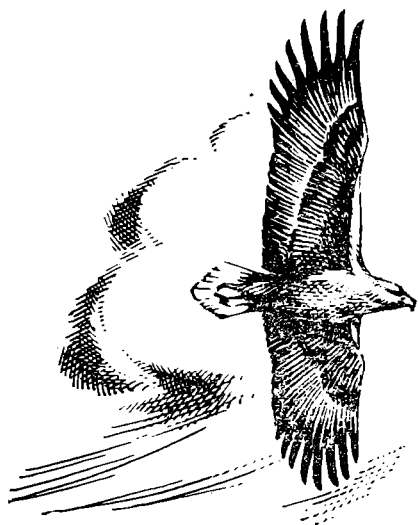
ВОРОНЕЖ
Центрально-Черноземное книжное издательство
1981

P2
C30

РИСУНКИ СЕМЕНИХИНА Н. Д.

С 47212—050 Р—81
М161(03)—81

© Центрально-Черноземное
книжное издательство, 1981.

ОТ АВТОРА

В пойме заповедного Хопра, со всех сторон окруженное лесом, лежит озеро Тальниково. Оно похоже на большое степное озеро, но у него нет берегов. Это утиный рай и главная станция перелетных водных птиц на Хопре, и только орланы-белохвосты, издавна живущие возле озера, знают, какое несметное множество собирается здесь пернатых путешественников. Развернув широченные крылья, парят они в безоблачном сентябрьском небе, а внизу гомонят, плещутся, взлетают и снова опускаются на воду утки. Отдыхая в полете, часами кружат орланы как вершители утиных судеб. Они не охотятся, не

высматривают добычу загодя, не играют, не ищут спасения от какой-то опасности. Они просто летают, и скользит острый взгляд по реке, по другим озерам, по дальним полям. Что им земля? Они — аристократы неба.

Обретя власть над небом, человек и по сей день завидует свободному орлиному полету. Но все реже дается любоваться им, а для многих из нас орел и сокол стали птицами из сказок и легенд. Зато их много в Красных книгах, книгах тревоги за судьбу тех, кто может исчезнуть и не воскреснуть вновь, кого уже считают буквально на шутики. В природе у них нет врагов, но для них опаснее, чем выстрел, простое любопытство, беспокоящее птиц в самые тревожные дни, когда семья в гнезде. Их научились разводить в неволе, но не нашли надежного пути возвращения их природе.

Аристократами неба называли хищных птиц, но я и к остальным отношусь с неменьшим уважением и признаю за ними право на ту же привилегию. Летают ведь и тысячи бабочек, жуков, стрекоз, пчел, комаров, но их полет не вызывает зависти.

Восхитителен и величествен орлиный полет, изящен и легок полет чайки и козодоя, стремителен — чеглока. Не может жить без неба его вешний певец — полевой жаворонок, а стрижа́м земная твердь нужна всего на несколько дней в году. Крошечные пеночки днем не решаются взлететь выше деревьев родного леса, а на перелете ночами летят на высотах рейсовых самолетов. Поэтому и попали в эту книгу беркут и королек, си-зороворонка и угод, свиристель и неясуть, соловей, касатка...

У каждого из них немало достоинств, дающих право на доброе отношение к ним. Для большинства из нас это самое действенное участие в ох-

ране природы. Быть вежливым по отношению к ней и ее созданиям еще не значит не поджечь лес, не бросить в реку тол, не срыть бульдозером бобровую хатку. Оставить на лужайке редкий цветок, полюбовавшись его живой красотой, обойти стороной птичье гнездо, не брать домой черепаху, ежа или дрозденка — это и значит быть добрым и разумным гостем природы.

АРИСТОКРАТЫ

ЗИМНЯК

Редко бывает, чтобы наши степные зимы устанавливались и рано, и с первого раза, и до самого солнцеворота — до «шапки» зимы, не всегда скажешь уверенно — наступила она или нет. Снегопады и морозы сменяются дождями и оттепелями, потом снова пушечными раскатами гремят речные плесы, а из леса, как эхо, несется треск замерзающих стволов. Вот и вчера с утра шел хороший пушистый снег, к вечеру его дождем сбрызнуло из тех же туч, потом вдруг вызвездило к середине ночи, и засвистел студеный ветер над белыми равнинами. И когда утром вставало позднее, тускловатое солнце, его свет словно удвоился от блеска хрупкой и зеркально-гладкой ледяной корки. Пронеслась

к бывшим огородам стайка чечеток, и, кажется, каждая из них видела в ледяном зеркале собственное отражение. С другой стороны снегири пролетели, удивленно присвистывая, как будто впервые видели такое. Но даже голову не повернула в их сторону красивая светлогрудая птица с соколиной осанкой, встретившая солнце с вершины придорожной ракиты.

Смотреть и на зимнее солнце, особенно когда в воздухе ни пылинки, ни искорки морозной, невозможно, даже прищурившись. А уже издали видно, что птица сидит не шурясь. От такого взгляда не ускользает ничто, но начинать охоту еще рано: не любит появляться наверху в эти часы пугливый мышинный народец — единственная добыча мохноногого канюка, или зимняка, — гостя из далеких северных тундр, где сейчас властвует не просто зима, а зима-ночь. Он и прилетает к нам в самое предзимье, и одет по-зимнему, но зимовать все-таки улетает еще дальше, еще южнее. Туда, где снега поменьше, где степей побольше, где охота понадежней. А в лесу ему, кроме как отдохнуть, делать нечего.

Немигающий взгляд, почти по-соколиному крутым, коротким крючком загнут клюв, в оперении много светлого и чисто-белого. Большеголовый, с горделивой осанкой, с полутораметровым размахом крыльев и всегда молчаливый, как немой, зимняк выглядит одним из первых аристократов неба. Он и на самом деле не последняя фигура в орлином семействе, но немного не вяжется с обликом красивой и рослой птицы известность ее как прирожденного профессионала-мышцелова. Всякая иная добыча для него случайна, но в своем деле это настоящий виртуоз.

Охотится зимняк только днем, когда его жертвы, даже не видя никакой опасности, на открытых местах не засиживаются. На такой охоте нельзя подниматься высоко: увидишь больше, но долететь до добычи не успеешь. Высматривать с дерева тоже невыгодно: пока развернешь крылья да повернешь куда надо — полевки и след простыл. Поэтому и летает зимняк на такой же высоте, как и пустельга,

а то и ниже. Неторопливо взмахивает он крыльями и вдруг, развернув белый с широкой черной лентой хвост, будто останавливается в воздухе точь-в-точь на манер пустельги. Ничего не увидев там, где показалось, летит дальше и снова трепещет, присматриваясь к жухлой травяной ветоши или клочьям соломы. При встречном ветре охотиться легче, потому что для остановки надо просто-напросто выравнивать подъемную силу крыльев с силой собственной тяжести. А для таких мастеров парения, как зимняк, это так же легко, как нам идти по ровной дороге.

Однажды мне довелось сопровождать охотящегося зимняка километра два и наблюдать за ним с пяти-шести метров, различая до малейших штрихов весь рисунок оперения и трепетание кончиков перьев в набегавшем потоке воздуха. Хищник без всякого видимого усилия висел над наветренным откосом длинной дамбы на гребне отраженной воздушной волны и внимательно осматривал каждый метр насыпи. Потом скользил дальше и останавливался снова, пока охота не увенчалась успехом.

Я ехал за зимняком на автомобиле, совершенно не докучая ему своим любопытством. Вообще, к автомобилям многие дикие звери и птицы, даже осторожные хищники, относятся почти без страха, словно не видя сидящего внутри человека. Зимняк же не только непуглив и неосторожен, он еще и очень доверчив, потому что у себя на родине он не знает врагов. Тем более совсем незнакомы с наземной опасностью птицы, которым еще нет и года. Вероятно, поэтому красавец зимняк чаще других хищных птиц ни за что ни про что попадает под выстрел горе-охотников.

Осенью эти северяне летят поодиночке, но не теряя из виду своих сородичей в полете. Потом немногие задерживаются по речным долинам до середины зимы, а с первым дыханием весны все как один спешат на родину. От подсыхающих, парующих косогоров уже поднимаются токи согретого воздуха, на них в несколько оборотов спирали ввинчиваются птицы в белесую голубизну до размеров точки. А там, чуть подтянув оба крыла, скользят

дальше с почти самолетной скоростью. Посвистывают на тех косогорах суслики, но зимняков тогда почти не интересует, что происходит внизу, кого там выживает полая вода из обжитых нор. Где-то вместе с тугим ветром обгонят они весну, но не будут поджидать ее, чуть отставшую, а будут лететь, чтобы успеть занять свое место и устроить свою семью. Для этого и летят весной птицы на север.

Не щурясь ни от ветра, ни от яркого солнца, сидит, чуть покачиваясь, на раките зимняк. Видны уже желтые пальцы, охватившие ветку, и, когда между нами остается не более полусотни шагов, он вроде бы нехотя поднимает крылья. Летит навстречу леденящему ветру светлая птица, а по блестящей белизне несется ее голубоватая тень, ныряя в лощины, взлетая на увалы, теряясь в кустах ивняков. Охота началась.

ГОСТИ ИЗ ЗАПОЛЯРЬЯ

В одном январе — из десяти или больше — бывает подобный день. У этого было великолепно все: и золотистая заря, и яркий полдень, и тихие сумерки. Ночью воздух искрился такой густой изморозью, что казалось, будто лунный свет состоит из этого ледяного блеска. К утру он погас, осев на проводах, ветках и даже крышах таким толстым слоем, будто прошел снегопад. Солнце потихоньку стряхивало белую, сыпучую красоту с деревьев и ламповых гирлянд, присыпая немного посеревший снег, затоптанные тропинки в скверах и уже расчищенный асфальт тротуаров. К полудню синева чистого неба сделалась прямо мартовской. На крышах затемнели потеки, зачимкали на карнизах довольные, сытые воробьи, греясь на солнце. Вороны важно и молча сидели повыше, им тоже было хорошо и покойно, дремали, но видели оттуда все и по сторонам, и внизу, и вверху.

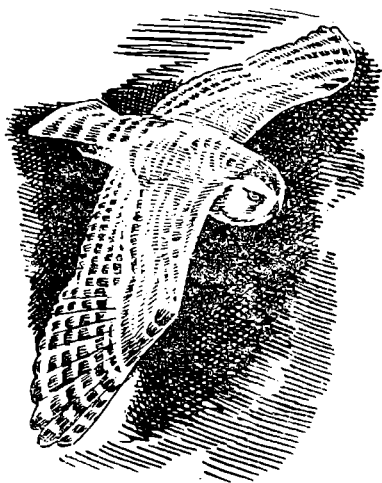
И ничто не предвещало, что от всей этой безмятежности в один миг не останется и следа. Заполотно заорали вороны. Перестали галдеть галки.

Замолчав, кто куда заматались воробьи. И не с одного подоконника, а по всей улице прятались под крыши, в щели и даже открытые форточки. Как от выстрела умчались стаи голубей.

Такой поголовной паники в птичьем мире в городе не бывает, хотя в любой сезон сюда залетают разные хищники с явным намерением поймать воробья, ласточку, голубя. Но перепелятника, например, вороны ни во что не ставят. На неясуть бы они сами набросились покричать, да и то без особой ярости. Тетеревиатник, даже голодный, может злодействовать только на окраине, возле леса. А больше вроде бы и некому в эту пору так перепугать птиц. Да и на воробьев днем неясуть не производит никакого впечатления. Не она и не ястреб навели такой ужас на ворон, воробьев, голубей и даже синиц.

В синем небе играючи летела белая-белая, как утренняя изморозь, короткохвостая птица. Ее широколобая голова едва выдавалась за передний край развернутых крыльев. Почти не взмахивая ими, летела птица на полукилометровой высоте. Поэтому с земли казалось, что высоко-высоко с неплохой скоростью летит необыкновенно тупоносый самолетик странной конструкции и к тому же с абсолютно бесшумными двигателями, сверкая особой покраской под цвет снега.

Только когда птица делала вираж или небольшими кругами поднималась еще выше, становилось ясно, что это не крылатая машина, а живое существо, у которого яркое солнце и чистое небо

возбуждают восторг, понятный не каждому, даже могущему летать. Воздух был недвижим не только внизу, но и во всей необозримой выси, где настоящий самолет тянул прямую иглу инверсионного следа, почти невидимый сам.

Над городскими кварталами носилась и кружила в вышине белая сова, житель далеких арктических тундр, где сейчас еще не кончилась тысячасовая ночь, где висят над снегами звезды и полярные сияния. Потемки ей не помеха, но больше любит день и солнце, которое у нее дома не заходит летом ни на один месяц. Я видел ее в середине лета на морском побережье за Леной, белую издали, как лебедь. Видел, как просто она там охотится: так же, как и ночные совы, ночью.

И полет у нее быстрый, как у филина. Нашим птицам, знай они эту сову, не стоило бы так паниковать.

То кругами, то скользя по прямой и даже возвращаясь назад, как белое видение, растаяла великолепная птица в северной стороне неба, затянутой слабой дымкой. Стало быть, возвращалась уже на родину. Может, охотилась в степях Причерноморья, может, — в предгорьях Кавказа и после солнцеворота повернула обратно, месяца на два опережая весну.

Снова загомонили воробы, расселись по крышам вороны, нервно разворачивая хвосты и всплескивая крыльями,

зазвучали галочки голоса. Кто же из них угадал белого хищника из полуночных краев? Скорее всего, еще осенью, на пролете была у стаи северных ворон встреча с таким же белым охотником-одиночкой, который не ждет темноты, чтобы нападать. И ту встречу каждая из оставшихся в живых будет помнить до последнего своего дня. Какая-то одна из них и подала сигнал тревоги номер один, заставивший всех насторожиться или прятаться без оглядки и промедления, хотя воробьи во дворах так и не видели, где и какая угроза. Зато еще тысячи ворон будут знать теперь, кого следует опасаться при встрече особо.

Второй раз в жизни вижу полярную сову в Подворонежье, зато встречи с ее маленькими земляками бывают почти каждую зиму. С ноября до марта по степным балочкам нашего Придонья кочуют стайки беловато-палевых птиц с манерами овсянок. По выдувам, у дорог, по бурьянам подбирают они мелкие травяные семена. Взлетают не от каждой опасности как невидимки, надеясь на свою защитную расцветку. У них и перед белой совой не бывает того страха, который обуял птиц в городе. Они ее знают давно. Пуночки это.

Их я редко видел в небе днем. Зато в середине зимы, в самые сильные снегопады, не раз слышал с неба звучные голоса пуночек, снежных подорожников. Ничего не видно в белой мгле, а они летят — то ли под низкими тучами, то ли в самих тучах и покрикивают певуче, чтобы никто не отстал.

Пуночки — жители тех же самых тундр, побережий островов Арктики, где живет белая сова. Сова вернется туда пораньше. Но не она, а ставшие к тому времени черно-белыми красавицами пуночки приносят в царство холода весну, как приносят ее жаворонки и скворцы к нам, а кто-то из самых смелых доносит ее до самого Северного полюса.

ЧЕРНОГЛАЗЫЕ СОВЫ

Мягкий, чуть сыроватый снег сыпал, не переставая, с рассвета. Без ветра оседал на каждой веточке, и тоненькие прутики становились толще лыжной палки. Налипал на оленьи рога и взъерошенные спины кабанов. Но к вечеру в воздухе стало посуше, поднялись, а потом и вовсе клочьями понеслись тучи, и остывающий лес залило светом полной луны. Обрадованно завопили за рекой неясyti, угадывая хорошую охоту: при таком свете на искрящейся белизне блоху разглядеть можно, не то что мышь. Но скорее всего был у неясytic другой повод будоражить заполошными криками лесное безмолвие: подошло время начинать семейную жизнь.

Оживает мартовский лес. Раздаются в нем новые голоса, появляются новые следы. Нет тишины и ночами. Не только деревья потрескивают в еще заколдованной дубраве — в весеннем возбуждении кричат серые лесные совы. По голосам легко отличить самца от самки. Его низкий свист издали похож на ауканье заблудившегося в чаще человека. Впервые услышанный этот крик именно так и воспринимается.

Однажды несколько горожан пропустили последнюю электричку, приняв совиные вопли за крики женщины, потерявшей в лесу. Часа полтора кричали они двум разным совам, которые тоже на месте не сидели, и голоса их то приближались, то отдалялись. И чтобы успокоить встревоженных людей, я посвистел по-совиному, а на мой свист неожиданно отозвался третий самец совсем рядом.

Этот крик легко воспроизвести с такой точностью, что весной самец, охраняющий семейный участок, даже при дневном свете полетит отгонять вторгшегося соседа или холостого бродягу. Не пугаясь человека, заглядывая даже через его плечо, он будет следовать, куда ни поманишь, но только до границы собственного участка. Будет присматриваться к месту, откуда раздается вызывающий свист: где же этот непрошенный? В эти минуты он пренебрегает возмущением дроздов, синиц, заря-

нок и зябликов, сопровождающих его на почти-тельном расстоянии.

У всех сов от маленькой сплюшки до великана филина глаза желтого цвета разных оттенков. У неясытей — черные. Выглянет сова из дупла перед вечером — будто две безжизненно пустые глазницы на совином лице, а не глаза. Черный цвет делает взгляд неясыти не очень выразительным, но зато внимательным и беззлобным. (Мне кажется, что и все совы, несмотря на наклонности хищников, птицы довольно добродушные.)

Некоторое представление о совином зрении можно получить, если рассматривать мир через бинокль, не отрывая его от глаз. Приходится вертеть головой или поворачиваться всем телом. Совиные глаза неподвижны, и птице приходится постоянно крутить головой, оглядываясь по сторонам. Поразительна острота зрения. Если добычу неясыть может схватить в абсолютной темноте на слух, то летать в ночном лесу, ловко лавируя в переплетении стволов и ветвей, можно только со сверхотличным зрением.

Найдя удобное дупло, пара неясытей владеет им из года в год, но внутри «дома» хозяйка только самка. Она часто и зимой сидит там с утра до вечера, а супруг устраивается где-нибудь на ветке поблизости. На него-то нет-нет да и наткнется стайка шарящих по лесу горластых соек. Увидев сову, они поднимают такой крик, будто каждую из них рвут живьем на части. В такой ситуации для совы главное, чтобы нервы выдержали, чтобы не взлететь. Тогда будут по всему лесу гонять, а так сами отвяжутся.

В первую очередь в совиные когти, конечно, попадает тот, кто сам ночью не спит, кто сам ночью охотится или пасется: полевки, мыши, чесночницы, ночные жуки и бабочки летом и даже летучие мыши. Неподвижность жертвы не может служить надежной защитой: спящих дневных птиц сова снимает с веток настолько ловко, что те и проснуться не успевают. Несколько зим в самом центре Воронежа неясыть, а, может быть, и пара существовала исключительно за счет нескольких

тысяч воробьев, которые ежевечерне собирались ночевать на пяти тополях перед ярко освещенными витринами большого магазина. Сова дожидалась, пока успокоятся и уснут сварливые соседи, спрятав клювы в перо. Неслышным полетом слетала с крыши, срывала одного из крайних воробьев, не будя остальных, и, мелькнув светло-серым лоскутом в свете фонарей, снова исчезала в темноте, чтобы до утра еще раза два повторить нападение. Но в холодное и снежное начало 1976 года сытое благополучие неясыти было разрушено ее сородичами — ушастыми совами, залетевшими в город целой стаей, начавшей охотиться на тех же воробьев, которые уже не могли выдержать такой атаки.

Молодые неясыти тоже темноглазы и, как все совята, необыкновенно пушисты. Это только совам дано в детском возрасте летать в особом пуховом наряде. И такой нежный у них пух, что ладонь не чувствует его

прикосновения, а рука так и тянется против воли погладить совенка по голове или спине.

А он только пыжится и по-взрослому щелкает клювом.

В середине лета, когда помалкивают неясити-родители, надо дожидаться вечера, чтобы узнать, где живет в это время совиная семья. Лишь только зажгутся первые звезды и исчезнут дневные краски, с высоких деревьев начинает раздаваться чуть силловатый свист. Непромко и размеренно свистят совы, напоминая родителям каждый о себе, и не перестанут, пока сыты не будут. А если бы сидели молчком, то и с совиным зрением не отыскать их в густых кронах. Весь долгий июньский день с самого рассвета будут сидеть тихо и смирно и за восемнадцать часов успеют проголодаться как следует.

В сентябре начинают образовываться совиные семейные пары, и кричат тогда самцы прямо повесенному. Но если в конце зимы и в пору ранней весны ночные клики неяситей делают лес приветливее, оживляют молчаливые чащи, то ночами золотой осени, когда неистово режут благородные олени, эти же звуки придают особую жутковатость и заповедному бору, и приречной нагорной дубраве, и даже маленькому байрачному леску, которых немало на правобережье Дона.

Воду и купание в ней любят, наверное, все птицы. Совы в этом отношении не исключение, хотя мне всего раз довелось видеть, как делает это неясить. Чуть ли не каждое утро на одной из хоперских песчаных кос находил я одно-два совиных перышка, выплеснутые мелкой речной волной. Стояло августовское ведро. Дни были одинаково безоблачны и жарки, и неясити до вечера сидели с полуоткрытыми клювами. Только перо трепетало на горле, словно от непрерывного смеха. Однако вылететь к воде напиться, поплескаться в ней не хватало смелости ни у одной. Зато, как только начинали гаснуть сумерки, на косу с правого и левого берега прилетали две неясити. Может быть, это были птицы одной семьи, еще продолжавшие признавать друг друга. Может быть, река была

пограничной зоной, в которой не на что было охотиться, а можно было купаться на одном пляжке, не выражая никакой неприязни к соседу.

Не удалось подсмотреть, как прилетела и опустилась сова. Казалось, что она возникла из воды, и только потом стала плескаться, как плещется в луже воробей. Намокшее длинное перо отвисало, отяжелев, и птица в темноте выглядела толще, чем была. Через минуту плеск выдал и вторую. Вдоволь накупавшись, каждая улетела в свою сторону охотиться, а на месте купания опять остались узорчатые перышки.

ЗИМНИЕ ИГРЫ ВОРОН

Каждый предвесенний день прибавляет себе по четыре минуты светлого времени. Но все равно коротковаты они в феврале: начинаются поздно, кончаются рано. В последние мгновения ночи, перед рассветом, десятки тысяч ворон, галок и грачей, словно в паническом бегстве, покидают ночевку и разлетаются к привычным местам кормежки. У птиц нет стремления опередить друг друга до света, многие будут еще часа два досыпать на деревьях среди городских кварталов, прежде чем голод заставит спуститься вниз. Но то место, где проводят каждую ночь, надо всеми покинуть еще в темноте и вернуться туда только в конце сумерек, словно сохраняя его в тайне от посторонних. И это строгое правило не смеет нарушить ни одна ворона, ни грач, ни галка.

Птичий завтрак — дело быстрое: кто сыт запасами прошлых дней, кто разжился большим куском и прячет остатки его либо в снег, либо под язык. К полудню уже сидят в полудреме на деревьях, крышах, заборах и просто на снегу, но вскоре какая-то неясная настороженность овладевает воронами: все молчат, но смотрят в одну сторону, где вот-вот что-то случится. И действительно, вдруг по какому-то сигналу вороны поднимаются в воздух и, торопливо набрав метров сто высоты, летят беспорядочной стаей, но все в одну сторону. С ними

изредка увязываются несколько галок, один-два грача.

Обратившие внимание, на птичий переполох обычно предполагают немногое. Кто-то подумает, что это смятение вызвано приближающейся метелью или иной переменной погоды, что подалось, наконец, воронье в свои родные леса, что просто напуганы птицы пролетевшим самолетом. Но, пролетев метров триста-четырееста, вороны, словно спохватившись поворачивают назад и в каком-то радостном возбуждении парами и в одиночку стремительно бросаются к покинутым местам. Издавая негромкое рокочущее карканье, с выкрутасами и логоней друг за другом падают они вниз и снова рассаживаются по деревьям, крышам и антеннам, и снова все молчат, а потом начинают заниматься своими вороньими делами, словно и не было никаких поводов для недавнего беспокойства.

Более тридцати лет присматриваюсь я к жизни и поведению ворон, сотни раз видел такие полеты с осени до весны, но так и не обнаружил никакой связи их с погодой ни в ближайшие часы, ни в последующие сутки. Да и случается такой «переполох» в вороньем мире и среди ясного дня, и под низкими тучами, и в оттепель, и в крепкий мороз. Это ни что иное, как самая массовая и распространенная игра, в которой одновременно участвуют сотни птиц из нескольких кварталов.

Весной залюбуешься воздушными играми пары сизоворонок или змееядов, когда птицы крыло в крыло взмывают за облака и падают оттуда, едва различимые из-за скорости. Но скорее это не игры, а танцы в полете. Танцуют на воде чомги и малые чайки, на земле — журавли, в воздухе — хищные птицы. Так что игры вовсе не воронья привилегия. Но если все другие местные птицы исполняют их, как особый брачный ритуал перед началом гнездования, то вороны — всю зиму, будто желая хоть как-то скоротать скучное время вынужденного пребывания в городе. Зимой ворона просто-напросто не терпит одиночества, но и среди тысячной стаи редко обнаружишь пару, в очень сдержанной форме проявляющую супружескую привязанность, ко-

торая может выражаться в неназойливом сопровождении партнера, в защите его от некоторых посягательств со стороны своих же, в простых птичьих ласках, ничем, однако, не напоминающих игру. Я не знаю других птиц, кроме журавлей, вороны и ее недалекого сородича ворона, охочих до игр, не связанных хотя бы как-то с взаимным ухаживанием. И, кажется, ворона занимает верхнюю ступеньку: ни у кого не бывает большего разнообразия в развлечениях, чем у нее. Каждый февральский день на четыре минуты длиннее вчерашнего, и на столько же раздвигаются границы птичьего времени, которое у ворон уходит не только на поиски корма, перепрыгивание лишних кусков, купание в отсыревшем снегу, чистку пера, отдых и обругивание кошек на крышах, но и на разные игры, смысл которых не всегда поддается сколько-нибудь убедительному толкованию.

При несильном ветре вороны чаще всего развлекаются в парном полете, который удобнее на этот раз назвать танцем, а не игрой. Он исполняется над высокими зданиями, береговыми обрывами, карьерами и плотными лесными полосами, от которых отражаются невидимые вихри. Легко, свободно и смело, с явным наслаждением парят и кувыркаются в этих вихрях чернокрылые птицы, то повисая на гребне воздушной волны, то окунаясь в соколином броске в набегающий поток, чтобы через миг без единого взмаха крыльями подняться на ту же высоту. Это именно парные танцы, но пары в них не семейные, хотя движения обеих птиц отличаются согласованностью. Никогда ворона не будет в одиночку исполнять то, что делает в паре. Появление первой же птицы над куполом старой церкви служит приглашением к танцу, и летят к ней соседи с окрестных крыш и дворов, сменяя друг друга. Иные отдаются этой забаве, даже не долетев до места первой кормежки, другие не унимаются до самой полуночи. Но это, наверное, уже дело возраста. Не раз доводилось видеть такое при свете прожекторов над башнями Кремля, куполами Василия Блаженного, надстройками Исторического музея.

В такие же ветреные дни устраиваются настоящие состязания на точность посадки. В них принимают участие обязательно несколько птиц. (Во всяком случае не меньше двух, иначе это уже не будет состязанием.) Вороны одна за другой, соблюдая какую-то очередность, нацеливаются на кончик антенны или громоотвода, планируя на него навстречу ветру. Чем сильнее ветер, тем труднее присесть на кончик шпилья. Кому это удастся, тот не задерживается на месте больше двух-трех секунд, уступая место следующему. Если очередной промахнулся, он повторяет попытку после остальных. Игра продолжается часами, несколько раз сменяются ее участники, и никакой толкотни, ни самой пустяковой ссоры, ни одного нарушения правил. И только если одна задержится на шпиле дольше положенного, ее спугивают без применения настоящих угроз.

Довольно распространена игра, для которой само собой напрашивается конфетное название «Ну-ка, отними!». Выглядит она, как нападение и погоня одной или нескольких птиц за обладательницей куска, рыбьей головы или косточки. Она сама вызывает на это одну-двоих соседок, за которыми увязываются и остальные, бывшие поблизости. Не выпуская куска из клюва, уворачиваясь и меняя направления, удирает от погони ворона, а за ней молча, тесной группой, повторяя все ее маневры, неотступно летят преследовательницы. Если бы заводила действительно хотела спасти свою добычу, она припустила бы с ней подальше, и никто бы за ней не погнался. Многие вороны вечерами летят в общих стаях на ночевку, держа в клюве то, что не успели съесть на месте, и никто из летящих рядом не пытается отнять или заставить бросить.

Кончается игра-погоня чаще всего тем, что закоперщица роняет кусок, за которым пикирует самая первая из погони и ловит его иногда на лету. а став сама обладательницей предмета игры, прячет его в снег или сама вызывает новую погоню. Но бывает и так, что преследовательницы быстро теряют интерес к игре и отстают одна за другой,

а та, которая все начинала, усаживается на столб или крышу и оглядывается прямо-таки с вызывающе-победным видом, ну, мол, чья взяла! И в этой игре никогда не допускается не только ударов, но даже угрожающих движений.

Старинную игру с собакой, ставшую большой редкостью в наши дни, можно увидеть только на городской окраине. В ней три участника: пес и две вороны. Одна должна дергать собаку за хвост, другая — не упустить момент и схватить кость. Остальные птицы, сколько бы их ни было, просто зрители. Вороны затевают игру, когда собака лежит, зажав кость в передних лапах. У птиц тонкий и точный расчет: из такого положения четвероногий партнер, не может мгновенно вскочить и броситься на стоящую против него ворону, которая это прекрасно знает и держится очень смело и самоуверенно. Кость как добыча не нужна никому, на ней ни кусочка мяса, и внутри она пустая. Риск для ворон небольшой еще и потому, что они ведут игру не с любой собакой, а с хорошо знакомой бродячей умной дворняжкой, которая понимает, чего от нее хотят. Она даже не оборачивается на ту, которая дергает за хвост, хотя птица старается изо всех сил. Если бы собака захотела по-настоящему припугнуть ворону, она прежде взяла бы кость в зубы. Игра ее забавляет, и ни она, ни вороны всерьез друг друга не боятся, и относятся зверь и птицы друг к другу совершенно беззлобно, как и полагается в игре. С таким псом воронье безбоязненно роется в одной мусорной куче, но если на пустыре появляется черно-пегий спаниель, все усаживаются повыше и ни за что не спустятся, чем бы их ни соблазняли, пока не убежит домой короткохвостая и длинноухая собака, для которой высшее удовольствие поймать птицу.

В этой игре совершается действие ради достижения определенной цели, хотя вовсе не голод побуждает птиц разыгрывать нападение. У каждой из них есть запас в снегу на том пустыре, и часть его обязательно станет добычей той же дворняжки, но птицы даже не сделают попытки, чтобы защитить его. «Зрители» постигают приемы этой

игры, но вряд ли кому они пригодятся в природной обстановке: затеять подобное с диким хищником можно только рискуя собственной головой. Правда, орлов иной раз дергают за перья, требуя потопливаться и освобождать им место на туше крупного зверя, погибшего от стихии или пули.

Некоторым воронам явно не хватает короткого зимнего дня для всех развлечений. Пожилые, бывалые птицы быстро засыпают с наступлением темноты и даже к фейерверку праздничного салюта относятся безразлично. Такие и садятся вместе, чтобы выспаться, не мешая друг другу. А на других деревьях обязательно найдется кто-то из молодняка, который будет и среди спящих искать себе компанию. Осторожно, бочком подбирается ворона к спящей соседке и тянет ее за перья крыла. Но разбуженная вместо того, чтобы принять приглашение, обиженно кричит и перелетает на другую ветку. Со стороны это выглядит довольно безобидным озорством и совсем не похоже на те скандальные сцены, которые устраивают на общей ночевке домовые воробы, нападающие на соседей с явной озлобленностью. Галок и грачей, сидящих рядом, такие вороны-озорники не трогают, хотя ничем и не рискуют.

Хотя, когда у ворон хорошее настроение, они охотно заигрывают и с другими птицами, даже довольно далекими в родственном отношении. Как-то по раннему πρωволедью на зеркальный лед опустилась отдохнуть стая озерных чаек, среди которых вскоре очутилась и ворона. Она расхаживала, чуть скользя по льду, но с эдаким заносчивым видом, приставая то к одной, то к другой чайке, пока не нашла такую, которая была сама не прочь затеять игру. Ворона подбиралась к ней то с одного, то с другого бока, осторожно тянулась клювом к лапам, словно стараясь ухватить за палец. Чайка, не сходя с места, отвечала тем же. Но вскоре ей наскучило это занятие, а ворона, не находя больше взаимности, улетела и стала гоняться за реюющей в воздухе чайкой точно так же, как гоняется за ястребом, сарычем или коршуном.

Видимо, не всегда нападение на летящего хищ-

ника вызвано желанием овести какие-то старые родовые счеты. Кажущееся ожесточение нападающей вороны не всегда может быть действительным. Но хищник есть хищник, и мотивы напрашиваются сами собой. Однако в отношении таких весьма нередких случаев пока лучше воздержаться от их описания и объяснения в рамках этого рассказа.

Есть у ворон еще несколько игр, в которых они участвуют парами, группами, в одиночку, но ни одна из них не заимствована у других птиц, а придумана ими самими. Это ли не свидетельство вороньей незаурядности!

ЧАЙКИ НАД РАЗЛИВАМИ

На Дону ледоход. Шурша плывет ледяное крошево. Льдины покрупнее толкают друг друга, крутятся в грязной пене их обломки, лезут на берега. А вода прибывает и снова тащит их с собой, все ускоряя первую и последнюю гонку, в которой никто не выигрывает и не доплывает до конца. Несутся в стремительном потоке льдины, и на многих сидят вороны: в эту пору им на реке самая пожива. Но кажется, что воронам просто-напросто нравится лихо катить по водному простору почти с такой же скоростью, как могут летать сами. Другие птицы не видят в этом удовольствия, и не до него сейчас. Плотными стайками летят с той стороны на левобережье скворцы, безбоязненно пересекая разлив; как играя, парами, в одиночку и стаями летят чиби́сы. А выше их, выше гусиных и утиных косяков звенят невидимые жаворонки.

Склоняется солнце к закату, стихает ветер, но и без ветра шумит могучая река. И вдруг в шум потока врзается крик чайки. Короткий и печальный, он сейчас звучит как приветствие вернувшихся. Из белесой дымки со стороны заходящего солнца неровной косо́й шеренгой вылетают одиннадцать светлых черноголовых птиц. Над водой птичий строй рассыпается, и каждая падает к своему отражению, но, даже не коснувшись его клювом, в несколько взмахов набирает снова высоту, оста-

навливается в воздухе и падает снова. Чайки вернулись на Дон! Вернулись на родину!

Без сигнала построились кое-как снова и словно растаяли над холодной рекой, улетая навстречу ледоходу, а льдины стерли с воды последний крик.

Наверное, первыми из наших птиц улетали чайки в прошлом году, но зато и вернулись одними из первых. Почти в один и тот же день возвратились чайки на Неву, Москву-реку и в наше Придонье, потому что прилетают не с юга, не с той стороны, куда улетали, а с запада.

Они только издали выглядят черноголовыми и белыми. Но перо на голове не черное, а цвета хорошо прожаренного кофе. По этой окраске узнают птиц-двухлеток и тех, кто старше. Это их брачный наряд, который не дано носить чайкам моложе двух лет. Концы крыльев черные, а сами крылья и спина цвета чистого дыма. Остальное оперение белое, а клюв, ноги и веки красные. И скромно, и красиво.

В этом наряде прилетели, в нем и улетят. Улетят рано, в середине июля. Но до этого успеют сделать много. Когда утихомирится и сникнет половодье, соберутся и эти одиннадцать, и сотни других на маленьком травянистом островке, с которого водополье смыло остатки прошлогодних гнезд, и построят новые.

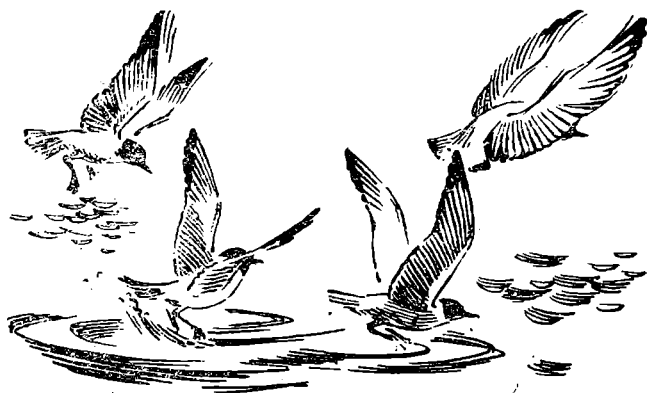
В птичьем мире найдется немного построек проще гнезда чаек, сооруженного только для того, чтобы высидеть, выкормить и вырастить птенцов. Из чего бы и как бы ни было оно сооружено, это только место, куда можно было бы отложить яйца, чтобы под ними не было воды. Вот и соберут птицы, почти не ссорясь друг с другом, всю ветошь, что осталась после разлива, сложат в кучку — и гнездо готово.

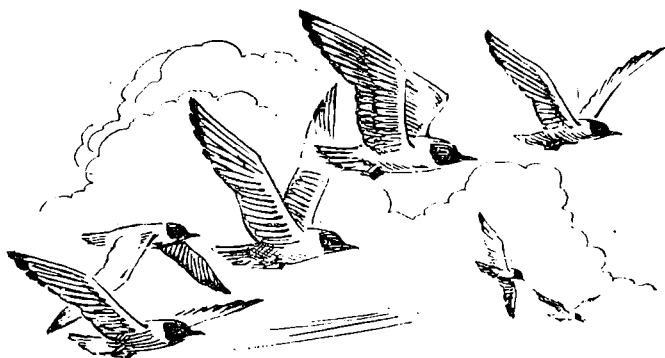
На сухом месте оно едва обозначено, на мокром — это основательная куча, пусть сама сырая, как непросохшая земля: яйца чаек не боятся такой сырости.

Озерные чайки в одиночку или отдельными парами не живут, как и грачи среди сухопутных птиц. И одинокая чайка весной или осенью — это

заблудившаяся чайка или птица-разведчик. В пору насиживания их колония издали кажется россыпью белых водяных лилий огромной величины от сотен сидящих чуть ли не рядом друг с другом птиц. Здесь шумно, но здесь всегда мир, и сюда не посмеет показаться враг. Но зато каждая птица на гнезде готова ежеминутно стащить яйцо из соседнего и подкатить его под себя: инстинкт материнства у озерных чаек сравним в зверином мире, пожалуй, только с инстинктом норок.

Они, как и грачи, позволяют жить в своей гнездовой колонии всем птицам, у которых нет склонности грабить чужие гнезда. Там, где обосновались хотя бы несколько пар их, тут же следом селятся изящные малые чайки, красноглазые ушастые поганки, речные крачки, утки, чибисы, и все живут добрыми соседями, не доставляя друг другу никаких огорчений. И наоборот, нет чаек — и некуда приткнуться тем, кого легко обидеть. Ворона иногда от нечего делать гоняется за чайкой, но попробуй она появиться возле чайчьей общины, когда в гнездах яйца или птенцы-пуховички: погонят так, что второй ошибки в ее жизни не будет. Камышового луня близко не подпускают, хотя его так и тянет туда. Я не раз видел, как в начале зимы ворона ходила среди сидящих на льду чаек, заигрывая то с одной из них, то с другой, и те при-

нимали приглашение. Но когда у чайки гнездо, ее не интересуют ни намерения, ни настроение вороны: это враг, готовый на все.

Эти чайки не рыболовы, и редко увидишь, чтобы взрослая, а тем более молодая птица охотилась за рыбешкой, хотя верного случая не упустят. На охоту нередко и вовсе далеко от воды улетают и ловят там всяких жуков, саранчуков, а то и покрупнее добычу, если попадетсЯ. Быстро узнают, где идет пахота, и выются за трактором белым облаком, схватывая на лету живность прямо из-под лемехов плуга.

Выкормив и вырастив свою тройню до полной пригодности к самостоятельной жизни, родители расстаются с детьми. Не просто расстаются, как грачи: молодняк в одну стаю, сами — в другую. Они улетаются совсем, не беспокоясь больше о судьбе тех, кого защищали, согревали, кормили самоотверженно, терпеливо, с любовью. И уже тогда вниз по Дону, на юг, полетят молчаливые чайки.

Но среди них не будет ни одной птицы из поколения этого года. Оно будет жить поблизости от родной колонии до глубокой осени. Отгорят по берегам кленовые костры, отшелестит листопад, прозрачной и чистой станет речная струя, ночные заморозки будут прохватывать до дна дорожные лужи и напавать забереги потихим местам, пройдет валом северная птица, а молодые чайки оста-

нутя до ледостава. Не замерзнет река, не улетят и они. Одеты тепло, прокормиться, пока мороз не разделил твердой преградой воду и воздух, легко, ночевать на открытой воде безопасно, так и улетать незачем. А теперь Дон, ниже атомной электростанции, не замерзает даже в самые суровые зимы. Однако, как и у скворцов, кто-то из взрослых, одна на сотню, останется с молодыми.

Плывут на льдинах вороны, иногда перелетают друг к другу и ссорятся, как будто это последняя льдина на свете. А из-за высокого берега вылетают одна за другой птичьи стаи. Шумит река. Шумит перелет на разные голоса, а слышнее всех крики чаек. Вот еще одна стая летит над самой водой. Птицы едва не касаются ее глади кончиками крыльев. Каждая будто любит себя. Вода грязная, но небо в ней и птицы чистые.

В ГРАЧИНОЙ ДЕРЖАВЕ

У каждой весны есть два грандиозных явления природы — половодье и птичий перелет. Половодье начинается ледоходом, перелет — возвращением прачей. Нет никакого порядка в хаосе несущихся по речным долинам искрошенных льдин, нет ни порядка, ни строя в бесконечном черном потоке летящих к родным гнездовьям птиц. Снявшись с зимовок, грачиные стаи в пути не выжидают лучшей обстановки. Они уже не могут из-за каких-то заминок отстать от весны, они могут только обогнать ее немного. Летят они первыми из первых, и под их крыльями не цветущая и согревшаяся земля, а заснеженные равнины с редкими проталинами и дремлющие, молчаливые леса.

Весеннее солнце для всех доброе, оно и прачам помогает сберечь немало сил на тысячекилометровом пути. Ведь его лучи, проходя сквозь чистый, без единой пылинки воздух, так нагревают темные места на земле, что над ними в небе поднимаются могучие потоки, остывающие где-то в беспредельной синеве. Авангарды грачиных стай отыскивают в воздушном океане эти возносящиеся

теплые струи, и как только крылья передовых птиц почувствуют силу восходящего течения, над холмом или равниной начинает закручиваться живая спираль, поднимающаяся все выше и выше. Увидев этот маневр, сюда спешат летящие следом отряды, и уже не спираль, а черное облако легко, как бы само собой набирает сотни метров высоты.

Почти не шевельнув крылом, каждая птица в несколько минут превращается в едва различимую точку, которая, выйдя из последнего витка, начинает быстро скользить к горизонту. Приближаются медленно, будто в изнеможении делая редкие взмахи крыльями, а уносятся стремительно, используя даровой запас высоты.

Далеко на западе снялась с места вся грачиная зимовка, и тысячи птиц летят час, два, три и больше, растянувшись на сотню километров. И не видно, чтобы иссякал этот поток. Потом одни останутся, долетев до родного грачевья, или свернут в сторону, другие, не оглядываясь на них, потянут дальше. Так и разольется этот живой поток по мелким ручьям. Пролетают мимо чужих колоний, где всюду идет строительство, где много свободного места и не прогонит никто. Но будто не видят и не понимают таких же грачей. Домой!

Летят молча. Зачем перекликаться, когда все на виду друг у друга, а курс держится правильно. Зато, когда долетят до оставленных с осени гнездовий, начнутся там шумные дни. С утра до вечера и даже в темноте далеко окрест разносятся хриплые грачиные крики: кто-то прилетел холостяком и теперь ему нужна супруга, кто-то не хочет уступать удобное место на дереве, а кто-то хочет завладеть им силой, кто-то не поладил с соседом из-за прутика на гнездо, да так, словно это последняя веточка на земле, кто-то просит внимания, кто-то подает сигнал ложной тревоги, кто-то горланит неизвестно по какому случаю. В этом беспрестанном карканье слышны еще и совсем не грачиные взвизгивания, сильные всхлипывания, какой-то оригинал по-совиному изъясняется да еще сотни воробьев тут же свои дела устраивают. Одним словом, тишина отсюда изгнана надолго.

Никогда эти извечные спутники пахаря не любили глухих лесов и не селились в них. Самая сельская птица грач: десяток осокорей и кленов на маленьком кладбище, несколько ветел по берегу прудика или саврасовских берез у околицы — вот и все, что было нужно шумливой общине. Грач заслужил хорошее отношение к себе и как первый из первых гонцов весны, и как надежный защитник полей, и как одна из самых миролюбивых птиц и по отношению друг к другу и к прочим пернатым, кроме записных грабителей чужих гнезд. Да и то таких не бьют, а просто гонят прочь, когда в гнездах яйца или еще беспомощные птенцы.

Теперь-то грачам селиться стало куда вольнее, не то что сто лет назад. Вдоль железных и шоссейных дорог, а по полям во всех направлениях вытянулись лесные полосы. В этих полосах в Каменной степи год от года вот уже полсотни лет растет и крепнет грачиная держава, в которой, правда, нет ни правителей, ни подданных, в которой галки, кобчики и даже воробьи живут на равных правах с самими грачами и под их общей защитой. Здесь среди тысяч гнезд есть такие, в которых первые прутики давно истлели в труху; от ежегодной достройки они становятся непомерной тяжестью для деревьев, обламывая толстые ветки. Есть и такие, что были сложены первыми поселившимися здесь птицами, а потом служили еще десяткам поколений.

Сюда весной возвращаются только взрослые птицы, которым выводить птенцов. Прошлогодний молодняк прилетит на будущий год, но таких будет немного. Одна весна, холодная и хмурая, и вовсе обездолила большинство грачиных семей, оставив их без потомства. Взрослого двухлетнего грача отличить от тех, что на год моложе, просто: у него на голове словно светлая полумаска. До самых глаз выпадают мелкие перышки, и почти до глаз может вонзить птица клюв в мягкую землю, доставая оттуда пищу.

А в каком городе на Русской равнине не было раньше хотя бы одной грачиной «слободы»? Сколько и какого времени прошло, но настолько сильна

оказалась привязанность черных крикливых птиц к местам, выбранным первыми поселенцами их племени, что и по сей день живут там же. Разрослись города, высокие дома закрыли горизонт, а землю между ними — асфальт; и, чтобы птенцов накормить, приходится улетать туда, куда их предки и не заглядывали. Но никак не хотят грач-горожане переселяться к полям поближе. Занимают новые кварталы и улицы — были бы деревья пригодные — и не обращают внимания, что делается внизу. Вечерами засыпают не последними, по утрам первыми разлетаются за добычей. Других дел не бывает.

Правда, пока в гнездах нет птенцов, можно никуда и не летать. Чем покормить самку, сидящую в гнезде, найдется рядом. Шагает грач, как бывалый, по дворам и улицам, подбирает все, что

годится, и прячет под язык. Приносит супруге кусочки хлеба, кожуру колбасную, кашу. Будут птенцы — им нужна пища понежнее: гусенички, куколки, жучки.

И потом, когда отделится самостоятельной стаей весь молодняк, не будут искать старики где-то тихого временного пристанища, а будут каждый вечер возвращаться в город на ночь. До последнего дня, пока не придется улетать. Но кое-какие пары стали жить в городах безвылетно и зимой в погожие деньки так и сидят в какой-то полудреме у своих же гнезд.

Подсохнут поля, пойдут по ним тракторы, поднимая ранний пар, и полетят за ними грачи, соскучившиеся по вкусной, живой добыче. Уж тут они не пропустят ничего, будь то личинка жука, гусеница озимой совки, полевка или мышь, ну и просыпанное зерно подберут тоже.

БЕЛОКРЫЛАЯ КРАЧКА

Стало уже привычным, что который год не уходят весенние разливы с воронежских лугов у самой верхней дамбы водохранилища. А прежде ведь не бывало такого на наших спокойных реках. К маю входили они в свои русла, оставляя на зеленеющих займищах глубокие старицы. По согретым мелководьям и лужам зацветала калужница, премели дикие лягушачьи хоры, невидимые ночью и незаметные днем, пели белозвездные и красноезвездные варакушки. Потом поднимались в цветении могучие травы, и о половодье напоминали лишь кучи и вороха сплавного мусора, навешанные на пни и кусты ивняка.

А теперь от зимы до зимы, от ледохода до ледостава здесь, как на старом озере: вода, тростник, рогоз, камыш. И для разной водяной птицы, которой прежде и приткнуться как следует некуда было, сам собой получился настоящий рай.

На дне стоячих плесов, как в специальных питомниках, вместо назойливого комарья в несметном количестве плодятся безвредные и безобидные

комары-звонцы. Под вечер их звенящие рои повисают над островками, над дамбой, над береговыми деревьями, то вытягиваясь вверх темными смерчами, то оседая вниз. Красные личинки звонцов — лучший рыбий корм. А самих комаров ловят не только береговушки и стрижи, на них охотится даже озерная чайка. Значит, есть смысл в этой охоте, коль занимаются ею и бывают сыты птицы ростом с ворону.

А когда начинается пролет белокрылых крачек, на мелководьях водохранилища в иные весны собирается столько их, что кажется, будто птиц не меньше, чем комаров. День-деньской реют они над самыми комариными местами, словно забыв, что надо строить гнезда, и только ночью продолжают свой путь, улетая на восток, где по Окско-Донской равнине разбросаны степные озера и болота.

Со стороны птичья охота на звонцов похожа на произвольные состязания, в которых каждая птица хочет показать, как она быстра и ловка в полете. Этим легкокрылым жителям тихих вод все равно: штиль или свежий ветер, дождь или ведро. Только под солнцем они выглядят изящнее и наряднее, но зато в штормовую погоду умеют показать всю свою ловкость и совершенство владения полетом. У белокрылой крачки вес скворца, но ее узкое крыло вдвое длиннее скворчиного, а мастерство полета, наверное, вдесятеро выше. Одного взмаха этими крыльями достаточно, чтобы подняться с воды, изменить высоту, направление и скорость полета, остановиться в воздухе или стремительно броситься вперед.

На степных озерах и болотах, на старых запущенных прудах, на обмелевших старицах белокрылая крачка в гнездовое время не редкость. На травяных мелководьях, среди осоковых кочек устраивают птицы свои простенькие гнезда-плотики, на которых никогда не бывает сухо. На сыром лежат яйца, на сыром вырастают птенцы. Пестрые короткоклювые пуховички умеют плавать чуть ли не с первого дня жизни, но пока в колонии спокойно, сидят на месте. А если опасность близка, спуска-

ются с плотика и незаметно отплывают в сторонку, затаиваясь под травинками, пока не уляжется тревога в птичьей общине. Родители кормят их тем же, что ловят и едят сами, и большинство молодых крачек, по крайней мере до самостоятельной охоты, не знают вкуса даже мелкой рыбешки и не видят ее. К тому же колонии часто оседают на гнездовые там, где в воде нет никакой рыбы.

В июне, когда на ржаных и пшеничных колосьях усядется хлебный жук-кузья, белокрылые крачки быстро узнают, на каком поле его больше, и летают туда, пока оно не будет сжато. Привередливым воронам и сорокам этот кузья приедается очень быстро, а крачки спешат на поля ежедневно. Как опромные черно-белые бабочки, порхают они над полем, снимая с колосьев одного жука за другим. На землю не опускаются, да и ходить они, наверное, или не умеют, или очень быстро устают их короткие, слабые ножки. Их стихия — воздух.

По крайней мере на левобережье Дона колонии белокрылых крачек не селятся два года кряду на одном и том же болотце или озерке. У других птиц, живущих колониями, привязанность к месту так велика, что они не изменяют ему десятки лет, а то и больше, пока оно удовлетворяет их требованиям в устройстве гнезд. И то, что у таких птиц исключение, у белокрылой — правило. Каждую весну стая, которая и на зимовке держалась вместе как одна семья, возвращается на родину. Но это возвращение выглядит так, будто все до единой птицы забыли, где строили гнезда и растили птенцов всего год назад. Да ведь кому-кому, а птицам памяти не занимать, а они даже на охоту не прилетают к родному болоту.

Причина проста. Две-три сотни птиц, чтобы выкормить столько же или даже больше птенцов и прокормиться самим, буквально опустошают окрестности колонии, вылавливая чуть ли не всех пригодных в пищу насекомых: комаров, жуков, бабочек. Поэтому-то и выработался у белокрылых крачек один из самых древних и очень разумных способов природопользования: дать на год-два «отдох-

нуть» тому месту, с которого уже был собран хороший «урожай». Так поступают большие колонии розовых скворцов, а мелкие из года в год гнездятся на одном и том же обрыве, не нанося серьезного урона своей привычной добыче. У нас эти красивые птицы сухих степей — большая редкость, хотя нет-нет да и появляются в самом Подворонежье, но вскоре же исчезают, словно поняв свою ошибку.

К дружному и не очень-то шумливому племени белокрылых крачек всегда тянет других мелких птиц, которым в гнездовое время нужна чужая помощь или защита, чтобы спасти свое потомство. Под их добровольной опекой живут красноголовые нырки, чирки-трескунки. А коль нет крачек, то и совсем необжитым кажется тихое болотце, на котором год назад выросли и взматерели десятки утиных выводков, не ставших добычей ни ворона, ни вороны.

На Волге, Хопре, Дону, Воронеже, Битюге и Усмани перевидел я тысячи тысяч белокрылых крачек, а запомнилась на многие годы единственная давняя встреча с птицей-одиночкой в весенней приаральской пустыне. Поломка машины лишила наш маленький отряд воды, и я шел к дальним холмам в надежде найти в промоинах их подножий хотя бы лужицу. В дрожащем мареве чуть в стороне от ближнего холма у горизонта плясала едва различимая черная точка. А в пустыне даже без миражей немало оптических обманов, бывает, что расстояния до близких предметов кажутся огромными, и наоборот. Сотни через три шагов точка превратилась в птицу, а еще поближе стала знакомой белокрылой крачкой. В черном, как уголь на разломе, пере весеннего наряда, с ослепительной белизны вильчатым хвостом и черно-белыми крыльями крачка, как играя, реяла над гладким голубым зеркалом чистой снеговой воды.

В начале мая пустыню и не назовешь пустыней: неглубокие ложбинки — как ковровые цветные дорожки из тысяч тюльпанов всех цветов, свежий дух от молодой полыни висит над теплой землей, сотни жаворонок поют на разные голоса, и воды достаточно. Но вода эта или соленая, или солоноватая, или как кофе на молоке от неоседающей глиняной мути. А крачка нашла совсем пресное озеро, и, будто дождавшись наконец, кому показать его, улетела. Ушло в глубину голубого зеркала ее изображение и больше не появлялось. Теперь ежегодно, где бы ни увидел я белокрылую и белохвостую птицу, прежде всего вспоминаю ту весеннюю встречу с ее соплеменницей в весенней пустыне.

ОХОТНИК НА ЗМЕЙ

Вошла в свои берега река, зажелтела по остаткам разливов цветущая калужница, зазеленели молодой травой луга. Но земля еще не просохла, и пришлось лечь на бревенчатый настил моста, по которому еще никто не ходит и не ездит на ту сторо-

ну, на займище. Усталость уходила из ног, а вставать не хотелось. Не хотелось отводить глаз от поющего прямо надо мной жаворонка. Но вдруг еще выше этого поднебесного певца в чуть побледневшей синеве невесть откуда появились две светлые птицы.

На полукилометровой высоте, развернув широкие и длинные крылья, они, не снижаясь, кружили друг возле друга. Оттуда до земли не долетало ни звука, но было видно, что это не случайная встреча в пути, а весенняя игра, в которой оба партнера участвовали уже не раз. Видно даже на таком расстоянии, что по крайней мере по размаху крыльев обе птицы роста орлиного, что одна из них заметно крупнее другой. Та, что помельче, — самец. А название обоим — змеяеды. Не каждую весну залетают к нам эти красивые хищники, но особенно редкими стали они после 1969 года, когда в бесснежную зиму на огромной территории вымерзли основные виды их добычи: змей и ящерицы. Правда, ловят они и водяных крыс, и лягушек, и кого-нибудь еще, но все-таки название им дано такое недаром: где нет змей, там не будут жить змеяеды.

Не рановато ли прилетели охотники на змей? Нет. Пока я лежал, снова вылезли на бревна мостика четверо ужей, успокоившихся после испуга. Свернулись кольцами и уставились немигающим взглядом неизвестно куда. Знали бы, кто парил над ними, стоило бы испугаться больше, чем меня. Но не отличаются ни ужи, ни другие змеи дальностью и остротой зрения, поэтому их ловить сверху, наверное, не трудно. Так что змеяеды не прилетят раньше, чем выползут из зимних убежищ гады, а улетать будут, когда не на кого будет охотиться. Не осень и непогода погонят их прочь, а отсутствие добычи. А так наша зима с ее морозами, даже самыми жестокими, была бы не страшна этим птицам.

У всех пернатых хищников чем легче с кормами, тем больше в выводке птенцов. У змеяеда всегда и везде в гнезде только одно яйцо, а стало быть, только один птенец. Тут природой не предусмотрен случай, что где-то змеи могут попа-

даться на каждом шагу, как мыши в мышинные годы. А одного-то птенца пара выкормит при любых обстоятельствах, осматривая за день по несколько километров своих охотничьих угодий. Может быть, у змееедов самое острое зрение, если они могут увидеть с огромной высоты неподвижную добычу, да еще когда ее окраска буквально сливается с фоном.

Глаза змеееда действительно необыкновенны, и их взгляд поражает своей чистотой и неподвижностью. Черный зрачок и ярко-желтая радужка контрастируют друг с другом и так чисты, что глаза кажутся отлитыми из стекла самых лучших сортов. А их неподвижность напоминает совиную, когда оба глаза смотрят только вперед. И чтобы посмотреть в сторону, птица поворачивает туда голову, и ничто не ускользает от этого взгляда.

Небольшое сходство с совами есть еще в одном: в манере носить добычу. Птица хватает змею своими короткопалыми лапами, а потом берет уже убитую в клюв, как сова, и летит к гнезду, словно с обрывком толстой веревки. Когда птенец подрастет, родители приносят ему змей и вовсе необычным способом. Они заглатывают жертву не целиком, а так, что хвост свисает изо рта. Птенец с жадностью схватывает клювом за этот конец и со всей своей силенкой тянет змею из утробы отца или матери, пятась к краю гнезда, а потом принимается за еду.

И когда пара занята строительством, самец тоже все носит в клюве: лалки для основы и ветошь помельче для выстилки. Может быть, действительно такие предметы неудобно носить в короткова-

тых пальцах, хотя когти на них не уступят ястребиным.

Птенца надо обучить всем приемам охоты с воздуха и с присада. Но в конце лета это делать становится все труднее, потому что многие змеи и ящерицы еще в теплые дни покидают поверхность земли до будущей весны. Вот и полетят в сентябре всей семьей к югу, доучивая молодого змеяда в пути, а может быть, еще и на зимовке.

Свободным полетом больших красивых птиц можно любоваться долго. И пока эта пара не стала меньше жаворонков, а потом и совсем растаяла в небе, ни одна из птиц ни разу не взмахнула крыльями, и казалось, что полет для них — игра и отдых. То они почти отвесно поднимались вверх, то, чуть сложив крылья, как огромные соколы бросались стремительно вниз, то снова кружили друг за другом, как в невесомости. И вдруг с огромной высоты, как возглас восторга, донеслось чуть слышное, но явственное «ээй-о!».

МОРСКИЕ ОРЛЫ НАД ХОПРОМ

Озеро Тальниково не похоже на старицы, какие Хопер сотнями закорючек раскидал по своей пойме. Оно круглое, как круглы степные озера, но окружено со всех сторон лесом. У него нет берегов, и только лягушки могут без риска добраться до суши, а птицы предпочитают по воздуху. Как трава на лугу, островами лежит на воде колючий телорез, под которым не везде и карасю протолкаться. Попавший сюда ветер быстро запутывается в гуще двухметровых лезвий рогоза, спешит скорее выбраться на чистое место и улетает, не успев ни волны поднять, ни сшить и разровнять как следует красновато-зеленый ковер ряски, разрезанный на лоскутки утиными дорожками.

Вокруг этого озера много ольхи, и золотая осень выглядит тут бедновато. За ольхой осины стоят, но, чуть пожелтеет на них лист, стряхивают его поскорее без ветра. У ветел никогда не было огне-

вой кленовой яркости. А другие деревья и близко не осмеливаются подступиться к топким берегам озера.

Утиный рай Тальниково. К осени сюда слетается столько утвы, особенно кряквы, что шум взлетающих стай прокатывается над лесом, как шум урагана, и перекрывает гул пролетающих самолетов. Когда повторно линяют селезни перед осенью, надевая многоцветный брачный наряд, сплошной каймой лежит на воде у травяных зарослей утиное линное перо. Сквозь вязкий ил ни веслом, ни шестом не нащупать твердого дна. Вот каково оно, это Тальниково.

Под собственной тяжестью падают с ветел узкие листья, посверкивая под солнцем, едва плывет по воздуху осенняя паутина, плещется среди зарослей и на открытой воде сытая утка, а над озером, как три крылатых сторожа, ходят опромными кругами три белохвостых орлана. В прямую линию развернуты широкие, длинные и почти до черноты темные крылья с растопыренными по концам острыми перьями. Веером развернуты короткие по сравнению с крыльями хвосты, чисто-белые у двоих и как густо заляпанный болотной грязью у третьего. Один из белохвостых покрупнее, другой — заметно поменьше. Парит над прихоперским озером семья морских орлов — орланов-белохвостов — птенец и оба родителя. У старших птиц хвосты такой белизны, что, когда они пролетают под облаком, их длиннокрылые силуэты кажутся совсем жуцыми.

Я вижу этих птиц над Хопром уже более двадцати лет. Кто-то из местных старожилов нашел их гнездо лет сорок назад. И, может быть, эта пара и ее гнездо возле озера Тальникова — единственные до Волги на восток, до Днепра на запад, до мещерских лесов на север. Видел я белохвостов над морем, над пустыней, где и настоящих орлов немало, но над нашими перелесками, полями и реками эти исполины пернатого мира производят особое впечатление на каждого, кто их видит в полете. Они как последние и единственные свидетели прошлого, когда край наш был безлюден и дик,

когда леса, луга, озера и степи были поделены между такими же хозяевами земли и неба, и новым парам не находилось свободного места.

Первое их гнездо я увидел на одном из островов волжской дельты и не мог удержаться от соблазна заглянуть в него. Как перевернутая конна, сидело оно в тройной развилке корявой, но крепкой ветлы. Поблизости не росло ни одного дерева, с которого можно было бы заглянуть в гнездо, а шестиметровой высоты тростник уже в десяти метрах скрывал саму ветлу. Долезть до гнезда оказалось пустяком по сравнению с тем, что стоило взобраться на него.

Гнездо хоперских орланов выглядит еще внушительнее. Попасть в него можно только сверху, потому что ветла, на сучьях которой оно устроено, и на ветлу-то не похожа. Среди тонкоствольных по сравнению с ним ольх стоит, как колонна, дерево, которое под стать двухсотлетним дубам Шипова леса. И держится оно корнями в земле не слабее тех дубов. Прямой неохватный ствол на могучем основании высоко поднял аккуратную крону. И пока здоров этот гигант, у местных стихий даже сообща не хватит сил свалить или переломить его. Со временем, видимо, у него тоже свой особый счет. Такие, как оно, заслуживают право носить собственное имя. Нет в мире другой такой ветлы, поэтому и выбрали ее орланы, не соблазнившись ни громадными осокорями, ни дубами соседней Теллермановской рощи. Они по достоинству оценили крепость и надежность уникальной ивы, соорудив на ней свое гнездо.

Здесь птиц не беспокоит никто: место глухое, диковатое. Упавшие деревья и ветки переплетены цепкой ежевикой. Летом крапива непроходима, в рост человека, комары злые и неустрашимые, под травой, как западни, ямы и промоины, топь. Сюда и волки опасаются забегать, если только нужда не заставит. Только весной стрекодут вокруг огромного гнезда полевые воробьи, втиснувшие в щели дома орланов собственные гнезда. Хозяев они не боятся, а от прочих врагов, разорителей гнезд, защищены надежно. Даже куница не ре-

шится шарить рядом с собственной смертью ради сомнительной удачи.

Частенько под гнездами орланов валяются утиные перья, но мне ни разу не довелось подсмотреть, как охотятся белохвосты на уток. Зато часто приходилось видеть, как могучие хищники подчищают прехи охотников, высматривая в камышах, в густой траве, на воде или в степи безнадежных подранков или убитых птиц. У воды и на воде чаще всего берет добычу орлан: рыбу, которая уже всплыла кверху брюхом, водяных крыс, которых весенний разлив выжил из нор. Заглядывает он и в колонии цапель, когда там птенцы. Но гнезд не прабит, а подбирает упавших, у кого уже нет шансов подняться в гнездо и выжить. Зимой, хотя иногда и повезет поймать зайца, чаще приходится вместе с воронами пробавляться пищей стервятников на какой-нибудь падали. Здесь он хозяин положения и, пока не насытится, не уступит место никому, не обращая внимания даже на то, что нахальное воронье в нетерпении дергает его за хвост.

Орланы не домоседы. Осенью и зимой они где-то странствуют, не показываясь возле гнезда неделями, уверенные, что в их отсутствие никто не посмеет посягнуть на занятое место. В это время семья продолжает существовать в том же составе, в котором она жила в гнезде. Дети уже сами могут взять то, что

им полагается и что могут. Они уже не выпрашивают кусок у родителей. Разлетаясь в разные стороны на километры, они умеют быстро находить друг друга.

В конце ноября, когда замерзло наше водохранилище, но зима еще не успела выгнать с него последних уток, лысух и чаек, стали попадаться на глаза белохвосты, то старый, то молодой. Никогда их не видели вместе: кочуют всяк себе бродяги-одиночки. Но однажды старый орлан, сидевший нахохлившись на льдине, вдруг подобрался весь и, широко раскрывая клюв, трижды крикнул в пасмурное небо. А через несколько секунд рядом с ним уже укладывал крылья упавший с неба молодой. Глядя на птиц, легко было догадаться, что это не случайная встреча соплеменников, а одна семья. Птенец посидел минут десять и улетел к лесу. Но не успела редкая пелена начинавшейся метели скрыть его силуэт, как на льдине снова сидели два орлана — оба с чисто-белыми хвостами и светлыми головами. Расстанутся они лишь зимой, когда на исходе февраля старые птицы вернутся к гнезду, чтобы, подмостив его ветками и другим доступным материалом, отдаться заботам о новом поколении.

По весне надстраивают свои старые гнезда и другие птицы, но в работе орланов виден особый смысл инстинкта. Февральское солнце только на грязных обочинах дорог превращает снег в тоненькие льдинки и сосульки. Чистая снеговая белизна ему еще не поддается. А за долгую зиму на огромном гнезде мог вырасти такой же огромный сугроб.

Но даже если бы снега было совсем мало, все равно на него нельзя класть яйцо: оно остынет, как ни пре́й птица его сверху. Поэтому и кладут птицы новый настил, а последние снегопады и метели уже не страшны.

*

Был у меня молодой ручной орлан, один из трех, сидевших в огромном гнезде. На этом ворохе сучьев и разной ветоши могли бы свободно разместиться четыре взрослых человека, и посередине осталось бы место для самовара. Но в тот раз на одном краю сидел я, поджав под себя ноги, а на другом, — прижавшись друг к другу, три птенца, каждый ростом с гуся. Похищенный быстро привык к людям, бегал за мной по поселку, как собака, терпеть не мог собак любого роста и, если они не уступали ему дорогу, бил крылом, не пуская в ход ни когти, ни клюв. К разным цаплям, бакланам и пеликанам, жившим в вольере, относился равнодушно и при общей кормежке спокойно ждал своей очереди и доли.

Но одна встреча со взрослым орланом чуть не стоила мне жизни. Хищник спустился в густой тростник, чтобы взять упавшую туда молоденькую цаплю, но взлететь из той чащи не смог даже без добычи, не в состоянии сделать полного взмаха крыльями. Бывают такие поступки, в которых раскаиваешься уже через секунду, да поздно. Я схватил орлана за шею, а он меня лапами — за оба запястья, и черные когти с отчетливым хрустом стали впиваться в тело. Получилось как у того охотника, который медведя поймал. Не так пугали клюв и когти орлана, как то, что руки и рукава

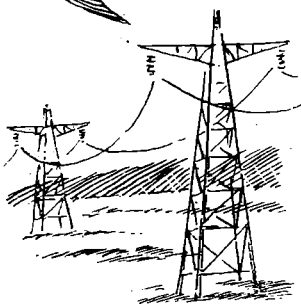
куртки быстро, как буроватым мхом, покрылись комарами. Тысячи их впились в лицо и шею. А орлан, не мигая, смотрел мне прямо в глаза, и в его взгляде не было испуга. Избавила нас друг от друга вода, но мне в тяжелой одежде и сапогах едва удалось избежать удара о рогатую корягу, вокруг которой бурлила грязная пена.

...Греет осеннее солнце землю, уходят вверх невидимые потоки теплого воздуха — не такие уж слабые, жоль, не взмахнув ни разу крыльями, круг за кругом плавают в них огромные орланы.

ГОРЛИЦА

Еще несколько дней назад гонял степной ветер широкую волну по светлому ржаному полю, пригибая к земле потяжелевшие колосья. А вот уже лежат до самого горизонта ровные, как по ниточке, валки, подсыхая под горячим солнцем. Ни пятнышка иного цвета на всем поле, только у дороги каким-то чудом уцелел на щетинистой стерне синий василек. Сидят на серебристых витых проводах где одна, где две-три вместе элегантные горлицы. Сидят неподвижно, не оглядываясь на гудящие автомобили, словно замороженные прелестью полевого цветка, который до этой поры скрывала от постороннего взгляда густая, высокая рожь.

Василек, конечно, ни при чем. Не на него любоваться слетелись на провода птицы. Ведь как аккуратно ни подбирай скошенную рожь, сколько-то зерен упадут из пересохших колосьев на землю. Этого и ждут горлинки, за этим и прилетели они из дальнего леса и сидят терпеливо. Начнется обмолот — и будут ходить за комбайнами: что-то достанется и им. Они никогда не будут выклевывать зерно из целого колоса, даже лежащего на земле. Не то, что воробьи, совершающие дерзкие налеты на еще не пожелтевшее как следует поле. В этом отношении горлинку упрекнуть не в чем: она подберет только то, что потеряно, а больше ни-ни.

Как и все другие голуби, она не тронет ни жука, ни гусеницы, ни дождевого червя или слизня. Ее еда — семена трав, деревьев, кустарников. Она и прилетает к нам с африканских зимовок вместе с соловьем накануне мая, когда уже можно подобрать семена пастушьей сумки, в лесу — выпавшие из сосновых шишек вкусные орешки, семена березы и осины. Да и с прошлой осени остается немало непроросших семян разных сорняков и бурьянов, не склеванных щеглами, коноплянками, чечетками.

Тихо в поле. Только в седых кустиках полыни на обочине пство стрекочет длинноусый кузнечик. А горлицы сидят молча. Но в любом лесочке, в защитной лесной полосе и утром, и в жаркий полдень, когда молчат другие лесные жители, и на вечерней заре раздается их мягкое,

ритмичное воркование «турр, турр, турр...». (Кстати, и научное латинское название горлицы звучит «туртур».)

Воркуют в августе, потому что есть еще гнезда и с яйцами и с маленькими птенцами. А первых птенцов уже не отличить от родителей ни по росту, ни по наряду (только несколько перышек иного цвета), ни по мастерству полета. Полет действительно великолепен. Он не просто стремителен, изящен и легок, но и необыкновенно управляем: на скорости, близкой к ста километрам, птица мгновенно отворачивает от встречного заряда дробы и продолжает лететь по тому же курсу, не изменив ни направления, ни высоту, ни скорость. Она и в лесу может лететь с той же скоростью, как и над лесом.

Ее гнездо в лесу. На ветке липы или клена, на кусте лещины или черемухи наскоро сооружается насквозь просвечивающий настильчик из тоненьких, со опичку, прутиков. Небрежная постройка чуть больше ладони, и не сразу поймешь, на чем держится насидивающая птица. Снизу сквозь прутики отчетливо видны два белых яйца. Не в пример многим прочным и надежным гнездам этот помостик сохраняется годами, и по несколько лет подряд может горлица выводить и выкармливать на нем птенцов. Только изредка в июле для второго выводка они занимают пустое гнездо, которых в эту пору в лесу достаточно.

И вместе с тем горлицы очень свободны в выборе места для гнездования. Как только в молодой лесополосе подрастет удобное для устройства гнезда дерево, горлицы будут тут как тут. И в городских скверах и парках издавна живут эти птицы, и в мае не редкость увидеть на телевизионной антенне токующую горлицу. В лесу токует на суховершинных деревьях, в городе — на антеннах.

В ее оперении нет броских и ярких цветов. И когда пара птиц ходит по лесной дороге, их замечаешь только на взлете: будто широкая белая лента, разорванная посередине, вплетена в развернутый веером хвост. Хлопанье крыльев и эта белая полоса сразу обратят на себя внимание другой гор-

лицы, и не потребуется больше никаких сигналов.

Поздно прилетают горлицы, а улетают рано. Улетят, когда всюду для них будет сверхизобилие корма. Каждый вечер слетаются они со всех полей в какую-нибудь уединенную рощицу, будто условившись заранее собираться только здесь, а потом внезапно исчезнут все сразу, когда дни будут еще теплы и даже жарки. Горлиц не пугают грядущие холода: они их просто не знают, хотя свободно могут переносить самые жестокие морозы наших зим. Просто приходит время отлета. Молодняк вырос и окреп, и делать тут больше нечего. Чайки улетают в середине июля, коршуны — в середине августа, журавли — в середине сентября, хотя и прилетают в наши края к половодью на месяц, а то и раньше, чем горлицы.

КАМЫШОВЫЙ ЛУНЬ

Над водным простором, под голубым с дымкой небом реют светлые чайки. Вроде летят, какая куда хочет. Но если присмотреться к этому непрерывающемуся движению, то в нем угадывается свой порядок: каждая птица выше или ниже, дальше от берега или ближе к нему прилетает с одной стороны, а после удачной охоты каждая возвращается туда же, куда и все. Там среди тихих, пропругих плесов лежат маленькие островки чаек. Там они каждую весну строят гнезда, там растят птенцов, и, наверное, каждая из тех, у которых сейчас дети, там же появилась на свет пушистым пестрым пуховичком.

А там, где чуть ли не бок о бок живут сотни птиц, особенно с птенцами, тихо не бывает никогда, хотя жизнь колонии довольно спокойна. Однако каждый день обязательно приносит несколько больших и маленьких тревог, несколько бед. Выплывет из-за тростников рыбацкая лодка, проскачет меж кустиками угольно-черная норка, невзначай слишком близко пролетит воронья семья, и всякий раз белым облаком взлетают чайки над островками и плесом. За километры слышен общий

крик сотен птиц, и кто не улетел далеко, бросив охоту, спешит обратно.

Самый сильный переполох случается при вторжении в воздушное пространство колонии кого-нибудь из пары камышовых луней, гнездящихся несколько лет кряду в тростниковых зарослях на другой стороне плеса. И с тех пор как поселились рядом с общиной мирных птиц пернатые разбойники тихих вод, они самовольно берут с чаек немалую дань птенцами, и ни разу ни перышка не упало с их собственных глов.

Не раз я восхищался смелым и дружным отпором чаек, если даже сосед-хищник летел стороной, но потом убедился, что, когда лунь устремляется к своей цели, его не остановить ни криками, ни угрозами. Чайку-одиночку он обманывает самым простым приемом: мгновенно останавливается в воздухе и пропускает мимо атакующую птицу, а та, промахнувшись, не повторяет нападения. Когда сразу нападают несколько чаек, лунь делает что-то вроде стремительной мертвой петли и легко выходит из-под атаки. От нападения всей колонии его выручает значительное преимущество в скорости полета. Иной раз самец или самка летят к чайкам, будто специально показать тем мастерство аса.

Способ охоты в колонии не может быть таким же, как нападение на выводок лысухи в тростниках или на плавающих утят. На бреющем полете, набрав предельную скорость, несется ржаво-бурый хищник к птичьим островам. Хозяйки крайних гнезд замечают его слишком поздно, но на сигнал большой тревоги мгновенно взлетают все. И вот уже лунь на той же скорости несется прочь. Пустые лапы поджаты: охота сорвалась. Чайки быстро успокаиваются и снова опускаются к гнездам, словно ничего и не было. Все целы, а враг спасается бегством.

Но буквально через минуту на островах снова переполох. Еще больший. Густым клубом вьются чайки над одним местом, пикируя до самой травы и снова взмывая вверх. На этот раз спокойствие устанавливается не так скоро, и только четыре-пять птиц, видимо соседи, пытаются напасть на

кого-то внизу или по крайней мере прогнать во что бы то ни стало. Вот тогда-то одним взмахом широких крыльев взлетает с островка тот же самый лунь и чуть ли не быстрее, чем в первый раз, мчит над водой, как будто снова не удалось поймать никого. Но летит за ним одинокая чайка, а в лапах хищника зажат ее мертвый чайчонок.

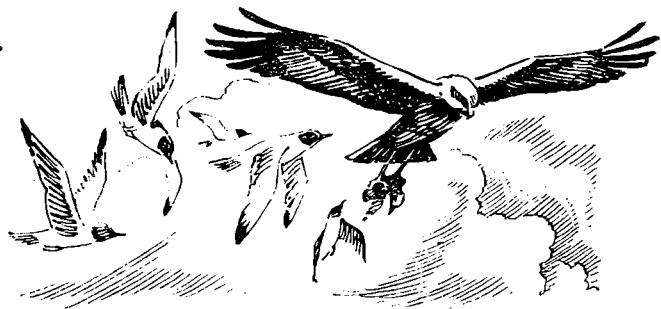
Первый заход луня был самой настоящей разведкой. Надо было наметить жертву, которую некому было защитить в этот момент. Сделать такую разведку на медленном, плавном полете нельзя: могут пощипать самого.

Удрав от разъяренных чаек, лунь сделал второй заход. Словно усыпляя бдительность защитников колонии, он, не набирая высоты, пролетел по замкнутому кругу и снова появился там, откуда его только что гнали. И снова тревожный крик поднимает в воздух население колонии. Но поздно: уже схвачен обреченный птенец, возле которого нет никого из родителей.

Вот тут-то и происходит нечто неожиданное и странное. Лунь не спешит взлететь и стоит на месте, сжимая чайчонок когтями. Не спешит, потому

что живой рослый птенец будет трепыхаться в лапах и мешать лететь, и тогда из самого дух могут вышибить или сбить в воду. Он знает, что всеобщий переполох скоро пройдет, что от одной-двух птиц уйти легко, что только обездоленная пара будет еще гнаться за ним и кричать. Но почему все до единого обитателя колонии с такой яростью бросались на летящего луня, что тот едва успевал уворачиваться, а сидящего среди их

гнезд да еще убивающего их же птенца бояться тронуть?

Так же непонятно ведут себя чибисы: они с остервенением бросаются на ворону, когда она в воздухе. А когда у той хватает сообразительности или смелости опуститься на землю возле их гнезд, она мгновенно становится чибисам чуть ли не другом. Так бывает и у самих ворон, когда они стаей гонятся за ястребом-перепелятником. А стоит тому опуститься на дерево, как все, рассевшись по соседним веткам, словно робеют, и лишь одна с опаской тянется клювом, словно желая хоть дотронуться до одного перышка.

С добычей лунь уже довольно спокойно долетел до своих тростников. Там его гнездо и дети, которые едят мясо и только мясо. Их надо кормить, идя иной раз на явный риск.

Сколько лет живут рядом сотни чаек и эта разбойничья пара, одна. Хотя добычи в этом птичьем раю хватило бы еще для десятка таких же. Но в том-то и дело, что другие сюда не залетают. Получается что-то вроде особой милости луней к мирным птицам, с которых берут ровно столько, сколько надо для себя, не пуская близко других хищников, в том числе и ворон.

Чайчонка унесла самка, а сам черно-сизо-рыжий красавец лунь, как патруль, летал поодаль, не вызывая ни у кого тревоги. Это не его имеют в виду, когда говорят о красивой седине. Седые самцы у других луней: степного, полевого, лугового.

ЧЕРНЫЕ СТРЕЛЫ

В июльский зной, как и в январский мороз, пустеют городские улицы, до вечера закрыты окна наших квартир, и лишь на ночь распахиваются настежь. А ранним утром, будь оно ясным или пасмурным, многие горожане просыпаются не от звонков будильников, не от первых позывных радио и не от рева первых автобусов, а от визга сотен черных стрижей. С самого рассвета чуть ли не над каждым домом кружат визгливые стаи, куда-то исчезают днем и снова в том же составе устраивают по вечерам свои шумливые гонки у тех же крыш. Под крышами, нередко в таких щелях, куда и ладонь просунуть невозможно, их гнезда. По Дону живут они в трещинах и норах меловых обрывов правобережья. А стрижи, что обитают севернее, уже лесные птицы.

Удивительные, загадочные птицы. У прочих пернатых хорошо известны сигналы, которыми они выражают тревогу, приказ птенцам, просьбу, приглашение к семейной жизни, предупреждение непрошеному гостю, готовность к нападению, недовольство соседством, сбор к отлету и многое другое. Стрижи тоже не одноголосы, но трудно сказать, что означает их громкое или тихое взвизгивание, стрекотанье, другие звуки днем и ночью.

Вроде и живут рядом полных три месяца, а вот узнать их поближе никак не удастся. Все, что происходит в гнезде, просто и понятно. Стриж в воздухе — загадка, и, может быть, для объяснения его ночного высотного полета надо искать какой-то парадокс.

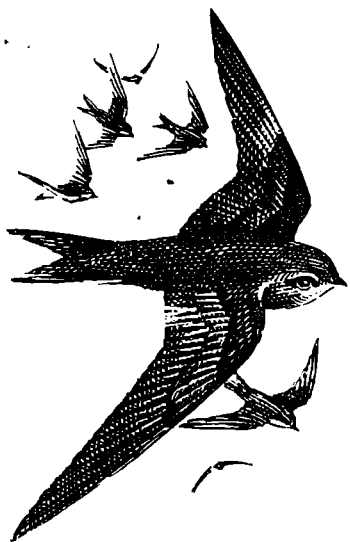
Конечно, создан стриж для воздуха. Видя у слепого и голого птенца мощную и широкую, как ласт, кисть крыла, уже угадываешь в нем будущего неутомимого летуна высшего класса. Иначе как летать стриж и не может передвигаться. В полете проходит почти вся его жизнь. Выросли крылья у стриженка — и ему больше нечего делать в гнезде: он уже полноправный житель неба и неотличим по полету от старших. Его выдает только белова-

тое перо на голове. Будто с кусочком ваты или клочком бумаги в клюве летает птица.

Кажется, все, что находится на земле или в воздухе, но ниже их, чуждо и безразлично им и не заслуживает никакого внимания. Стрижиный полет если не верх совершенства, то очень близок к этому. Птицы плотной стайкой кругами носятся над тесным двором, словно страшась подняться выше крыши, то, мгновенно прекратив гонки, стремительно взмывают ввысь, и вот им уже мало огромного неба. Не сбавляя скорости, проносятся в переплетении уличных проводов, останавливаются на месте и, подняв узкие крылья, теряют высоту в свободном падении, снова начиная разгон почти у самой земли. То мчат над водой, исчезая за гребнями волн, и кажется, что кончики крыльев чиркают по белым барашкам, то неподвижно повисают под высокими тучами, то ходят плавными кругами в потоках нагретого воздуха. Бывает, что взглядом за ними не уследишь, бывает, что весенние пролетные стаи провожаешь пешком несколько километров да еще останавливаешься, чтобы подождать. Смена направлений, повороты просто неуловимы. Когда носятся под грозовым ливнем или градом, создается впечатление, что успевают увернуться от каждой капли, от каждой градины.

Когда, играя, рядом, крыло в крыло мчит черная пара, трудно удержаться от сравнения с дуэтом фигуристов. Но если поразительная согласованность движений последним дается долгими тренировками, то у стрижей ни на что не отводится времени для специальной подготовки. К тому же все фигуры выполняются в трех измерениях, а птичья скорость и темп еще и не снились фигуристам.

На землю стриж никогда не опускается. На землю он только падает и не всегда после этого снова может взлететь в небо. Не раз бывало, что стрижи с разгона влетали в открытые окна университетского актового зала и, ударяясь о стекла противоположной стороны, падали на пол и ползали потом по паркету, пока кто-нибудь не поднимал и снова не

выпускал в окно. Птица быстро оправляется от ушиба, однако короткие ножки не дают приподняться для первого взмаха. Но иногда стриж сильным ударом крыльев о землю подбрасывает тело над землей, а следующим взмахом начинает полет.

Был я свидетелем, как взрослый стриж все-таки ударился о троллейбусный провод и, казалось, бездыханным упал на асфальт. К счастью, крылья оказались целы, и

вскоре птица взлетела с руки, а через несколько секунд я уже не мог отличить ее среди других стрижей. Окажись на месте стрижа любая другая птица, она бы никогда больше не увидела неба. Ведь перепела, дрозды, зарянки, пеночки, мухоловки, камышевки при меньшей скорости полета, ударившись ночью о провод, падают уже мертвыми.

У стрижей нет возможности пережить где-то даже самую скверную погоду, пусть это будет проливной дождь с ураганным ветром, пусть иное несчастье, пусть невыносимый зной: они всегда в полете, эти всепогодные птицы. Улетая на ночь в небо, чтобы возвратиться к земле только на рассвете, они без страха влетают даже в сверкающие молниями тучи, чтобы подняться выше туч. Если стрижу по семейному долгу не надо быть в гнезде, он всю ночь в полете на огромной высоте. Там безопасно, там нет никаких охотников. А расход энергии у этой птицы в полете чуть больше, чем в покое. Днем, в жару, стрижи изредка отдыхают под крышами, но не в гнездах, а чаще и в это время уходят в недостигаемую высь.

Наверное, поэтому в конце лета, когда улетают из города наши стрижи, сразу пустеет небо над городом и никто не видит пролетных северных птиц, хотя летит их немало. Только где-нибудь в поле увидишь иногда охотящуюся у земли стрижиновую стаю и удивишься, как она огромна.

При таком летном мастерстве охота для стрижей, казалось, должна быть сущим пустяком, чем-то вроде забавы, игры. На самом же деле это далеко не так. Насытиться самому не так уж трудно, но чтобы накормить двух-трех птенцов, родителям приходится ловить за день не сотни, а тысячи насекомых. Уж самую что ни на есть мелюзгу вылавливают стрижи: крылатых тлей, самых мелких мушек и мошек, самых мелких жучков. И когда погода портится, когда себя-то прокормить трудно, быстро худеют птенцы в гнездах, но зато потом так же быстро отъедаются снова.

Есть ли у них враги в небе? Есть. Боятся стрижи маленького сокола-птицелова чеглока. Наверное, не всегда спасают от его когтей сильные крылья. Остерегаются они и немного похожего на чеглока кобчика. Когда этот соколог, сам охотясь на насекомых, появляется вблизи стрижиной стаи, она стремительным черным смерчем взвивается вверх, чтобы иметь преимущество в высоте (снизу, даже соколу, нападать труднее).

В гнезде стрижа, конечно, любая кошка может сцапать. Но есть коты, которые ловят стрижей в воздухе. Перед вечером вылезают такие охотники на крыши и ложатся, прижавшись к желобу. Ждать приходится недолго. С визгом, начиная игру, погнался стриж за соседом, и вот их уже полтора — два десятка. Чуть ли не цепляя крыльями друг друга, крича все в один голос, круг за кругом проносятся все ближе к затаившемуся коту. Тот не торопится с прыжком (внизу асфальт) и ловит одного из стаи лапой на лету, как бабочку. И странно: на остальных это как будто и не производит ни малейшего впечатления.

К слову сказать, иногда стрижу приходится и от воробья удирать без оглядки. Бывает такое, когда стриж идет на прямой захват жилого воробьиного гнезда в присутствии самого хозяина. Домовый воробей, отстаивая гнездо, может и скворцу дать отпор не одним только криком.

Зачем стрижу воробьиное гнездо? Не проще ли построить свое? Это пеночка одна за день смастерит гнездо-шалашик и выстелит его изнутри. Поползень в одиночку «оштукатурит» вход в дупло и построит в нем гнездо еще скорее. Стриж ни с земли ничего не подберет, ни с дерева не снимет. Он строит из того, что может подхватить в воздухе. Но в тихие, безветренные дни или в дождливую погоду в воздухе ничего, кроме мух и комаров, не поймашь. И выходит, что тем парам, которые только начинают семейную жизнь, прямо хоть на голый кирпич клади яйца и начинай насиживать.

Года два или три неподалеку от города жил ястреб-тетеревятник, заядлый охотник на голубей

и настоящий благодетель стрижей. Завидев издали поднятую с голубятни стаю чистых или турманов, он набирал высоту и мчал к ней. Если бы он использовал свой ястребиный маневр от земли, голуби ушли бы вверх быстрее его, и их не догнать. А с высоты тетереvyтник нападал на стаю прямо по-соколиному, без промаха, и только облачко мелкого голубиногo пера оставалось в воздухе на месте удара. Стрижи с ближней церкви словно знали, когда будет убит голубь, и мчались как только могли к месту трагедии, ловко подхватывая перья. До земли никогда не долетало ни перышка.

Поэтому ищут молодые, а нет ли под какой крышей хоть чего-нибудь пригодного, лезут в воробьиное гнездо в надежде, что оно пусто. Если один из хозяев на месте, захватчик в ужасе выбрасывается из-под крыши и падает почти до земли, спасаясь таким приемом от взбешенного воробья. Но уж если залез в гнездо, пока воробьиная пара была в отлучке, то положение меняется, и его уже самого боятся. Стрижиные визг и верещание, воробьиное чимканье сливаются в дикий дуэт, но криком в такой ситуации дела не поправить.

В лесу стриж может обездолить любого жителя дупел, лишь бы самому внутрь протиснуться удалось. Пожалуй, только поползень, гаичка и дятелок застрахованы от изгнания, потому что вход в дом каждого узок для стрижа.

Захватив гнездо, стрижиная пара не выбросит чужие яйца, как сделал бы это домовый воробей, но и не будет насиживать их, не будет кормить птенцов бывшего хозяина. Они их тут же убьют своими маленькими лапками. Сила коротких пальцев просто поразительна для птиц такого размера. Взяв стрижа в руку, невольно поморщиться от неожиданной боли, с какой впиваются в кожу крепкие, круто загнутые коготки. Только после такого «знакомства» становится понятно, как может держаться, словно приклеенный, на гладкой стене коротконогий стриж.

Легендой стала верность лебедя. Преданность стрижей друг другу не уступит лебединой, и не сра-

зу скажешь, чья семья крепче. Только у лебедя все понятнее, стриж и в этом отношении — загадка. Пара верна друг другу всю жизнь, и, если живы оба, никого третьего просто-напросто не может быть. Трудно назвать птиц, кроме стрижей, которые бок о бок согревают в гнезде птенцов. Но как находят птицы одной пары друг друга среди сотен и тысяч других, живущих в опромном небе? Живут ли они вместе весь год или только короткие три месяца на родине? Неразлучны во время долгих скитаний над морями и континентами, или встреча происходит весной у гнезда? Будут ли когда-нибудь ответы на эти вопросы?

Любых других птиц можно пересчитать чуть ли не поголовно на гнездовье, на зимовках, на местах линьки, на ночевках. Можно пересчитать в городах и самых безлюдных местах, где и сколько гнездится стрижиных пар. Но обо всем племени черных стрижей можно сказать одно — много, потому что, наверное, не меньше, чем семейных птиц, живет на свете холостого молодняка. Иногда в дождливый июльский день вдруг появится в пасмурном небе, под сплошными низкими тучами настоящая стрижиная сверхстая, без всякого визга, без игр летящая неизвестно куда и откуда. От передних птиц до последних в ней десятки километров, в ширину этот поток тоже немал. А сколько еще таких стай скитается над землей, нигде не останавливаясь и не задерживаясь даже на час!

ПТИЦА СИРИН

Шосейные дороги строятся медленно, годами, и поэтому вдали от городов и сел приходится дорожникам ставить жилье для себя и для будущих зрителей асфальтовых трасс. На Остроужской дороге выбрали для этого отличное местечко у опушки диковского леса и неподалеку от чистого родничка сложили кирпичный дом, а рядом сарай для машин, инструмента и мелкого скарба. Сложили к осени, а уже зимой прилетели из соседнего села первые пернатые постояльцы — воробьи.

Весной парочка касаток слепила в сарае гнездо, засвистел на жестяном флюгерке скворец-одиночка, загудели на чердаке голуби. И мало-помалу на новой усадьбе возникла настоящая колония шумливых и тихих, незаметных и бойких, больших и маленьких четвероногих и пернатых обитателей.

Какие прилетели, какие пришли и даже приползли, а кота, собаку и первого петуха привезли. Было в новом доме немало щелей и укромных мест, в которых мог кто-то жить, не мешая никому. Утро тут начиналось голубиным воркованием, воробьиным чимканьем, щебетом и свистом. Вечером, когда прятались птицы, из-под фундамента вылезала безмолвная и робкая жабья рать, тихонько цыркали невидимые летучие мыши, в сарайчике шуршали лесные сони. И был среди этой разноперой и разношерстной компании если не лад, то какой-то видимый мир.

Но однажды перед заходом солнца из прямоугольной дыры под крышей показалась не точеная голубиная головка, а вроде даже не птичьего облика круглая и глазастая башка сыча. Он посмотрел, не моргая и не шурясь, по сторонам, шагнул на край и, не смущаясь тем, что время еще совсем не совиное, перепорхнул на соседнюю вишню, вызвав небольшой переполох среди воробьев: как-никак сова ведь. Отлетели воробушки в сторонку, а из

дыры уже выглядывала точно такая же желтоглазая голова второго сына, или сиринна.

Когда и как захватила эта нечистая пара голубиное жилье, неизвестно, но прежние хозяева к той дыре больше близко не подлетали. Против своих они бы еще постояли, но при меньшем росте сыч вооружен и смел не по-голубиному. Домовый сыч среди птиц — домосед из домоседов. Он не только живет на своем участке весь год безвылетно, но и не оставляет даже на сутки свое гнездо. Оно ему дом: будь то дыра в стене, щель или нора, дупло или скворечник по его росту. Такое среди птиц редкость.

Что же выгнало сычей под открытое небо еще засветло? Может, охота не удалась прошлой ночью и оба основательно проголодались. Но вообще-то они не боятся света. Если зимой всем мирным и хищным ночным животным времени хватает, то летом дело другое. Когда у сына в гнезде птенцы,

он и в полдень будет охотиться. Спрячется где-нибудь под крышей и высматривает оттуда жука или кузнечика. Схватит добычу — и скорее назад, пока скворцы или кто покрупнее не заметил: убить не убьют, но и в покое не оставят, охоту сорвут.

Сыч больше, чем другие совы, охотится на глаз, а не на слух. Часто сидит где-нибудь, как караульщик, и со стороны его головастая фигура выглядит куцей. Да и в полете видно, что хвост коротковат (чуть длиннее воробьиного). Зимняя добыча — полев-

ки, мыши, хомячки, иногда землеройки, изредка воробья сцапает. То в азарте наловит больше, чем надо, и прячет, вроде про запас, то чуть ли не за двадцать часов ничего не добудет. В морозы сутками не увидишь на снегу свежего мышиного следочка. Куда им с голыми хвостом и лапами выскакивать на такой холод: замерзнут, не успев найти ход обратно под снег. Тогда и приходится или голодать, или самому головой рисковать. А летом ловит даже крупных дождевых червей-выползков (тоже мясо). Это самая беззвучная добыча: кто может услышать, как ползет по влажной земле червь?

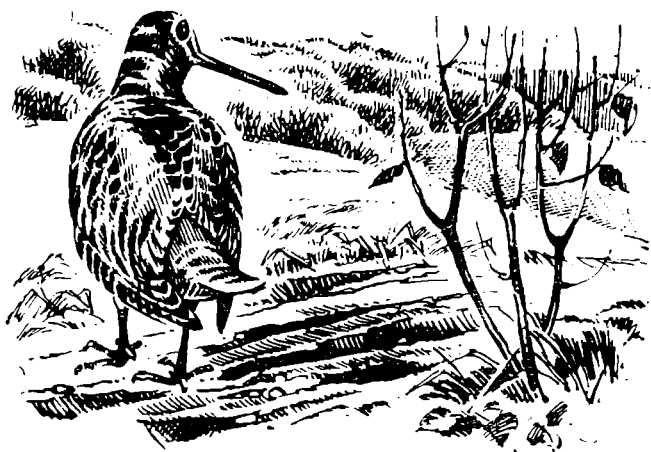
Взгляд у сыча неподвижный, потому что неподвижны глаза. Только об этом не сразу догадываешься, потому что птица приседает или кланяется по-особому, головой крутит, то ли пугая, то ли присматриваясь получше. В этих ужимках что-то похожее на озорство, а взгляд в то же время укоризненно-суровый, но не жестокий и не свирепый. Вообще-то «мимика» у сыча беднее, чем у филина или ушастой совы, и поэтому сычиное «лицо» чаще выражает нечто похожее на испуг или недоумение, хотя при этом сама птица настроена спокойно, миролюбиво, а может быть, даже игриво. У подрастающих сычат взгляд всегда сосредоточенно-серьезный.

Домовый сыч не только сельский житель. Нередко в сумерки, пока не зажглись уличные светильники, удается увидеть его короткохвостый силуэт над центральными кварталами города. А когда опустеют улицы, с высоких крыш слышно, как кричат птицы друг другу, давно угадав приближение весны.

ВАЛЬДШНЕП

Летом у этого лесного болота нет берегов, а сейчас они обозначены узеньким кольцом чистой снеговой воды, окружившей моховую сплаvinу. Середина болотца стала похожа на озерко с реденькими тростниками и парой заблудившихся березок. Лесное окошко мало, но в нем отражаются все до единого деревья, стоящие вокруг. И когда тени от верхушек сосен на этой стороне коснутся подножий своих сестер, растущих на той, а над сухой кочкой начнет плясать табунок комаров-дергунов, начинают колдовать над болотом дрозды. Усевшись на самые макушки, они то призывают кого-то, то трижды подряд задают один и тот же вопрос и сами себе отвечают. Но каждый по-своему.

И по мере того как гасла заря, голоса дроздов словно крепили, становились звучнее, мелодичнее и выразительнее. А с первой звездой один из них выкрикнул что-то такое, что, будто и впрямь вызванные им, закружились над болотцем летучие мыши. Одна за другой они бесшумно и внезапно возникали неизвестно откуда и, часто махая острыми крыльями, носились, кому как хотелось. Выше

деревьев они не взлетали, но и не спускались низко, к воде.

А состязание певцов продолжалось, и тогда другой дважды выкрикнул особое заклинание, в ответ на которое сначала прозвучало высокое «цсси», а потом за голыми вершинами берез прокряхтело «огг... огг...» Этот ворчок тянущего вальдшнепа не способен произнести никто. Даже великий пересмешник скворец не знает, как это делать.

И он вылетел из-за сосен, как опромная, темная, длинноносая бабочка, неторопливо и беззвучно взмахивая широкими крыльями. Прокряхтывая, птица летела, как по струне, совершая свой патрульно-поисковый полет над весенним лесом. Одна из гонявшихся за комариками летучих мышей подвернулась на этой самой струне: резким рывком метнулся вальдшнеп на зверька, потом пугнул другого и снова скрылся за стеной леса. Но в тот же миг донеслось до меня такое же ворчание. Негромкое, недоуменно-вкрадчивое, слышалось оно отчетливо, несмотря на дроздовые рулады и их эхо. Этот даже не обратил внимания на метавшихся перед самым носом летучих мышей, будто и не видел их.

Когда с таким призывом тянущий вальдшнеп летит вдоль опушки или по краю поляны, кажется, он отрешен от всего земного. Бывают среди них

такие счастливы, которые невредимыми пролетают вдоль линии охотников, посылающих к звездам заряд за зарядом. Гремит канонада, а птица, как бесплотный ангел, проносится мимо, не набирая высоты, не ускоряя полета, не учащая взмахов крыльев и не прекращая своего «цссии...», «огг... огг...» Если это не пролетный вальдшнеп и если он останется жив, то будет он ежевечерне до середины июля в ясную и пасмурную погоду облетать свой участок, изгоняя с него всех соперников.

По тому, как первый пугнул летучих мышей, похоже, что он вознамерился остаться и уже считает лесной квартал с болотцем своим. А со вторым он еще не успел встретиться.

Но именно сейчас, пока прозрачен лес, пока нет назойливого и неистребимого комарья, пока не разорались дикие лягушачьи хоры, пока далеко соловьи, так неповторимо обаяние вальдшнепиной тяги под вечерний речитатив дроздов. Без этого сопровождения полет вальдшнепа теряет очень много, как танец без музыки.

Несколько минут тяги проходят, как одна. Ожидая третьего, не замечаешь, что куда-то исчезли силуэты летучих мышей, что уже не дрозды чаруют весну, а кликушествует в лесной чаще неясыть, что в ставшей вдруг бездонной черноте озерка утонули деревья и зажглись немигающие звезды, что таинственными звуками ожило само болотце. Именно звуками, потому что не видно ни морщинки на черном зеркале. Прямо из-под воды со всех сторон слышится непромкое, но четкое ворчание, похожее на похрюкивание или побрякивание. Сливаясь в звенящий оркестровый звук, уносится вверх беспрестанное уканье на одной ноте. И то замирая, то в темпе стремительно бегущего потока икают в воде невидимые существа.

Сейчас хорошо всем и никто не вызывает сострадания. И невольно вспомнил я вальдшнепа в заснеженном лесу. Отшелестел листопад, лег на мягкую землю тяжелый сырой снег, и на лесную дорогу выскакивают только шустрые поползны да расписные сойки: особых встреч такая дорога не сулила. Уже с неделю была открыта охота на круп-

ного зверя. Кто-то из сидевших в кузове автомашины удивленно спросил сам себя: «Вальдшнеп, что ли?» В колее стоял настоящий живой вальдшнеп. Птица вышла на обочину, пропустила машину и снова вернулась на то же место. У всех были ружья, но у всех первой мыслью было: «Что бы дать ему поесть?» Но вальдшнеп не синица: семечек и крошек ему не посыплешь.

Он самым первым из куликов прилетает весной, последним улетает в листопадную пору. Так что, может, и не по ошибке или болезни задержался тот, с дороги. Может, он на следующий день был уже там, где еще теплая земля и никто еще не видел снега.

МИРНЫЕ СОКОЛКИ

По соседству с Усманским бором — небольшой старинный парк. Давно перевалило за сто его дубам, кленам, липам. И на этих липах и кленах издавна обосновалось грачиное племя, настроившее гнезд в каждой подходящей развилке. И новые постройки появляются здесь каждую весну взамен рухнувших, каждую весну оседает несколько пар новоселов, которые тут же вывелись. Редко так бывает, чтобы в своей державе грачи жили одни: чем старше колония, тем больше в ней поселяется других птиц. Здесь удобно и безопасно воробьям, иногда для кряквы найдется свободное гнездо, галки частенько пристраиваются. Ко всякой мирной птице грачи относятся по-хорошему, а скорее всего просто не обращают внимания, занятые своими грачными делами.

И неизвестно, когда по всему свету пристроились к грачам маленькие соколки кобчики. Их гнездовая область почти вся лежит внутри грачиной, потому что никто, как грачи, не обеспечит гнездами не умеющих построить ничего дельного кобчиков. Другим аристократам — чеглоку, пустельге — достаточно сорочьих и вороньих построек, потому что пара от пары близко не живут. Но кобчик и среди соколов, и среди хищных птиц вообще

самый общительный: прилетают одной стаей, гнездятся одной общиной, осенью улетают тоже все вместе. Пара поселяется отдельно где-нибудь на отшибе так же редко, как воронки в стороне от своих. А где найти хотя бы десяти птицам столько свободных гнезд рядом, как не в грачевнике.

Но ведь возвращаются кобчики из Африки поздно, в соловьиное время, когда в каждом пращином гнезде копошатся черномазые, как сажень натертые, птенцы. И сидеть там грачам, пока не поднимутся на крыло и не улетят вместе с родителями на летние кочевки, еще целый месяц, а то и больше, смотря как весна начиналась. Кобчики терпеливо и неназойливо ждут все это время, пока не освободится жилье. Поохотившись немного (сколько самому себе надо), целыми днями сидят среди непрерывного крика голодных птенцов и хриплого карканья взрослых, может быть, уже облюбовав какое-то гнездо, а может быть, не держа ничего на примете: какое освободится раньше — и ладно. Ни с кем, и друг с другом тоже, не ссорятся, никому не мешают, а хозяевам до них и дела нет.

У грачей гнездовые дела совершаются с удивительной согласованностью: иногда в три-четыре дня пустеет колония, и только кое-кто из запоздавших докармливает своих подростков-слетков. Успевают ли кобчики вывести своих? Вполне. Впереди три полных месяца. Причем самых лучших, самых богатых кормами.

Кобчик, хотя и сокол, но обидеть его могут те же сороки, что они частенько и делают, скопом разоряя его гнездо. Поэтому в одиночку жить семье куда опаснее, чем жить небольшой, но колонией. А кроме того, сороки долго после вылета грачат не смеют хозяйничать в пращином городке. Помнят, видно, как гнали их отсюда неприветливые грачи. Одним словом, пращ для кобчика — и опора, и защита, и ничего взамен не требует.

Сам кобчик носит одноцветный темно-серый, как камень аспид, наряд. Красные ноги в ярко-рыжих штанах. Самка немного покрупнее и одета совсем иначе: спина сизоватая, грудь светло-ры-

жая, щеки белые с черноватыми «усами». Соколята в первую осень совсем не похожи на родителей, только «усы», как у матери. На втором году платье взрослеющих кобчиков похоже на родительское, но все-таки выдает возраст не совсем возмужавших птиц. А ежегодная смена нарядов происходит на самом юге африканского континента, где зимуют теплолюбивые соколки.

Чем прокормиться такой ватаге? Кажется, перед кобчиками, как и перед ласточками, такой вопрос не стоит никогда. Летят птицы, как играют, то скользя на крутом вираже, то внезапно останавливаясь в воздухе, вытягивают вперед лапу и, сжав ее, подносят ко рту, не прекращая полета. На игру похоже, на охоту — нет. Реют роем соколки невысоко над землей, схватывают когтистыми лапами летающих жучишек, тут же поедают их. А добыча покрупнее и не интересуется их. С ней надо куда-то сесть, не спеша расклевать — так и от своих отстанешь.

Мышей, полевок, молоденьких сусят кобчики ловят, когда в пнездах птенцы, которых надо растить на хорошем свежем и нежном мясе, а не на жестких жуках или кузнечиках, а потом можно переходить и на них. Всевозможных кобылок, которых к концу лета в низенькой, жухлой травке видимо-невидимо, кобчики ловят довольно проворно пешком. Так что по образу жизни этих хищников можно сравнить с такими певчими птицами, как сорокопуты, а по характеру они даже миролюбивее их. А вот слава о кобчиках до сих пор идет нехорошая, потому что путают их, ни в чем не повинных, с настоящими разбойниками, лишенными намека на благородство, — ястребами.

ТАИНСТВЕННАЯ ПТИЦА

Медленно густеют долгие летние сумерки, постепенно смолкают дневные звуки леса, духота сменяется свежестью вечера. И краски меняются: на красноватых стволах сосен еще держится цвет заката, а зелень крон чернеет прямо на глазах.

Из этой черноты внезапно возникает силуэт летящей птицы: острые крылья и длинный узкий хвост с белыми пятнами на концах, словно с тремя сквозными дырами. Полет совершенно бесшумен и необыкновенно изящен. Ударив крылом о крыло и коротко взвизгнув, птица присаживается на сухой сук и будто сливается с ним. А через мгновение сверху раздается рокошующая, негромкая трель. Скорее не трель, а какое-то переливчатое мурлыканье или лягушачье урчание. На одном выдохе оно тянется двадцать, тридцать секунд, минуту, полторы. Мгновенная пауза — и новая трель звучит еще дольше. Это исполняет свою сумеречную песню таинственная птица — козодой.

Она однообразна, как рокот мотора на постоянных оборотах. У нее нет начала и конца, и она может оборваться на любом месте. Есть в бору такие поляны, куда вечером слетаются пять-шесть птиц, и тогда до темноты со всех сторон несется одинаковое урчание, сливаясь в сплошной рокот хорошо отлаженного механизма, работающего без перебоев. К нему быстро привыкаешь и вскоре перестаешь замечать, как не замечаешь лесную тишину, и непременно пропустишь окончание вечернего «концерта».

Утром только случай позволит увидеть внезапно вспорхнувшую птицу, которая, отлетев немного, снова превращается в сухой обломок ветки, покрытый лишаями. Так, никому не заметная, лежит на пне самка. Собственно, пнеда никакого нет, и под птицей на старой хвое лежат два яйца в бледно-серых и коричневатых пятнах. Ни ямки, ни лишней травинки, ни собственного перышка. Утром и вечером тут тень от сосен, а днем солнце светит, как в широкое окно. Но птица лежит не шевелясь и только едва заметно поворачивается все время клювом к солнцу: в шесть часов утра она, как стрелка, указывает на восток, в полдень — на юг, в шесть вечера — на запад. В пасмурную погоду, не видя светила, козодой немного отстает от его движения.

Днем самка ни за что не оставит яйца ни на минуту, хотя место выбрала такое, которое боль-

ше никому не приглянется. Некому и нечего тут искать, сюда не сворачивают с охотничьих троп ни лиса, ни куница, не заглядывает ястреб. Тут днем жара и густой сосновый дух. И тут живет козодой. Лежит, как дремлет, сливаясь с окружающим фоном. До узеньких щелочек прищурены глаза, но птица видит все вокруг, не поворачивая головы. Разрез больших глаз чуть загибается к затылку, и общее поле их зрения равно тремстам шестидесяти градусам. Полный круговой обзор при полной неподвижности.

Когда зарядит на много часов обложной дождь или налетит грозовой ливень, намокает перо козодоя, и снова он неотличим от мокрой и потемневшей лесной подстилки. А если бы оставался сухим, то стал бы замечен всем уже издали. Летом в сосновом лесу все сохнет быстро, и уже через пару часов и перья, и хвоинки принимают прежний цвет.

За день до появления на свет первого птенца из-под наседки слышится слабенькое, но отчетливое полискивание. Разламывая скорлупу, птенец словно предупреждает мать о своем скором рождении. Через сутки то же самое повторяет второй. Эта разница в одни сутки нормальна для всех козодоев, потому что самка, снеся яйцо, сразу начинает насиживать.

Птенцы козодоя одеты таким густым и пестрым пухом, что не разобрать сразу, где голова: глаза прикрыты, коротенький клювик едва виден. Выра-

стая до взрослой птицы, козодой остается таким же короткоклювым, ростом с кукушку, а клюв, как у ласточки. Но рот огромен. Не рот, а пасть до ушей. И когда самка, пугая врага, распахивает ее с шипением, того оторопь берет. И не каждый хищник, случайно набежавший на гнездо козодоя, решится напасть на мирную птицу, особенно видя такое страшилище впервые.

Птенцы сидят на месте, где вывелись, дня два-три, а потом бесследно исчезают. Их уводит мать, и потом до первого полета они каждый день проводят на новом месте. Только за одной семьей удалось проследить до того дня, пока маленькие козодой не доросли до размеров скворчат-слетков. Сидевшую на яйцах самку окружили низеньким заборчиком из сетки. Ей самой изгородь не была помехой, но птенцов увести было нельзя. Они быстро смирились с таким ограничением свободы и каждый день, пока не сняли сетку, лежали на одном и том же месте.

Ночью с фонариком козодоя проще отыскать, чем днем: его выдают красные немигающие огоньки глаз. Рубиновым цветом светятся они, отражая луч лампочки. Не щурится на свет, не мигает птица, будто слепая, хотя видит в темноте не хуже совы. Возможно, что ее зрение даже острее совиного, ведь добыча у нее та же, что и у летучих мышей. И ловит козодой эту мелочь в такой темноте, когда человеку собственную ладонь трудно различить, и летает, не сбавляя скорости, в густом сосняке. Такое свечение глаз в отраженном свете

намного усиливает ночное зрение. А вот у птенцов, пока они не начнут охотиться самостоятельно, глаза не светятся, как, скажем, у котят до шести-недельного возраста.

Однако есть в этом свечении нечто загадочное. Не прищуриваясь смотрит птица огненным глазом на яркий фонарик, и вдруг в один неуловимый миг словно непрозрачная шторка задерживает птичий взор, и перед нами самый обыкновенный глаз с черной точкой зрачка и коричневой в прожилках радужкой. Еще миг — и снова ярким угольком тлеет немигающий глаз, словно по своей воле выключил и включил козодой собственный фонарик. Подходящего объяснения этому явлению я пока не могу найти.

Летом козодой — лесная птица, а к осени его бесшумный силуэт скользит вечерами над городскими улицами. Усаживаясь на дуги уличных светильников, он высматривает в хороводе ночных бабочек добычу на выбор и, вспархивая на миг, ловит ее без погони и без промаха.

ПЕРНАТЫЙ НОВОСЕЛ

Летнее утро выходит на городские улицы раньше дворников, автобусов и трамваев. Негромко спросонка окликают друг друга воробьи, взвизгивают над крышами стрижи, спустившись с неба. И среди этих привычных звуков слышится негромкое ритмичное стенание: сидит на телевизионной антенне стройная птица явно голубиного склада и глуховатым голосом приветствует новый день. С 1969 года живет в нашем городе кольчатая горлица, до сих пор оставаясь незнакомкой.

Жила она испокон веку на юго-восточных берегах Средиземноморья, как жили по нашим городам сизые голуби, не делая никаких перелетов. А потом что-то непонятное произошло в жизни птицы, и она через Балканы стала заселять Европу, да такими темпами, что это можно назвать взрывом. В некоторых странах ее так и называют — турецкой, а не кольчатой.

Немного найдется птиц более элегантных и изящных, чем горлица. Маленькая точеная головка, идеально обтекаемый корпус, длинный в меру хвост (обязательно с «лентой»), сильные, острые крылья. Такие крылья несут птицу со скоростью около сотни километров в час, поэтому понятно, что и тысяча для такого летуна не расстояние. Особенно красив токовой полет самцов на вечерних зорях. Взвившись с хлопанием, птица останавливается в воздухе и круто опускается на макушку дерева, почти сложив над спиной развернутые крылья.

Оперение кольчатых горлиц не блещет красками: оно по цвету близко к тонкой, сухой дорожной пыли, но чуть с розовинкой. На конце хвоста — широкая белая «лента», на шее сзади — узкое бархатно-черное полукольцо. У токующего самца во время полупоклонов оно становится широким пятном. Может быть, он специально демонстрирует его избраннице, которой невдомек, что у нее и самой есть такое.

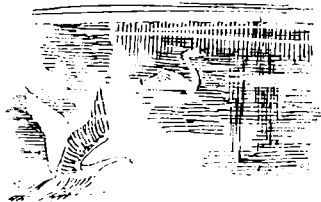
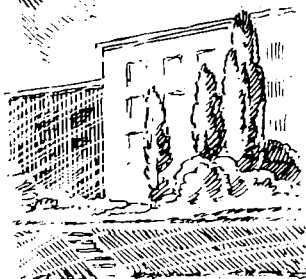
Наряд супругов и детей одинаков, голоса — разные. Голос токующего самца похож на троекратное глухое кукование или стенание, в полете он выкрикивает еще какой-то жужжащий звук, а когда танцует перед самкой, то совсем не по-голубиному вроде взвизгивает. У наших обыкновенных горлиц набор сигналов победнее.

Первую пару пернатых новоселов воронежцы увидели в октябре, после листопада. Сидели они каждый день на одном и том же тополе и никак не хотели покидать парк и город, несмотря на ранние и обильные снегопады преждевременного предзимья. А когда на тополях не осталось ни листика, стало ясно, почему птицы терпели ненастье: вместе с ними на тополе сидели еще две горлицы, но только ростом помельче, хвосты покороче. Есть птицы, которые покидают своих птенцов еще до их первого взмаха крыльев, но этого никогда не скажешь о горлицах. Они вырастили птенцов, а потом вся четверка исчезла, и никто нигде не видел их до весны. На следующий год горлицы воспитали новое потомство и снова куда-то пропали еще летом.

А через два года в один из серых неприветливых дней февраля, в которые даже городские воробьи больше помалкивают, на улице меня остановил совсем не зимний звук. На высоком тополе расселись по веткам кольчатые горлицы, и одна из них токовала. Мы давно привыкли к тысячным стаям зимующих грачей, перестали удивляться песням скворцов в январские сумерки, но никто в эту пору не видел горлиц. Значит, и те никуда не улетали в теплые края, к морю, а собирались вместе и зимовали.

Это доказало, что первые не были случайными, заблудившимися птицами, вынужденно загнездившимися вдали от родины. И через шесть лет после первых в городе не осталось уголка, где бы не было слышно по утрам и днем глуховатое «гуу-гуу-гугугу».

И гнезд находили немало: одно — на вязе, другое — на липе, остальные — на тополях. Тополевая листва скрывает громадные

глыбы грачиных построек, не то что маленькие, в две ладони, просвечивающие настилы горлиц: несколько коротеньких прутиков, уложенных кое-как на ветке. Под сидящей горлицей такого гнезда и не видно. (И как только она потом умещается с двумя подросшими птенцами?) Не очень почитаемый другими птицами тополь оказался чуть ли не любимым деревом птицы-новосела. Правда, и тополей на городских улицах намного больше, чем деревьев других пород.

Однако же когда помотришь, как устроилась парочка горлиц на ночь, станет ясно, что лучше тополя им трудно найти дерево. Птицы садятся на тонкую, с карандаш, веточку, отходящую от ствола под прямым углом. Одна прижимается прямо к коре, другая — к ее боку. Светлое перо горлиц и светлая зимняя кора дерева совсем не контрастируют даже в начинающихся еще слабых сумерках, а позднее горлицы почти сливаются цветом с деревом.

С довоенных лет каждый год по скверам и паркам Воронежа гнездились и гнездятся несколько пар обыкновенных горлиц, настоящих перелетных птиц. Когда появились кольчатые — ни те, ни другие не проявили друг к другу никакого интереса. Но когда кто-то привез и выпустил в город малую горлицу, птицу ростом с дрозда, один из самцов кольчатой сразу обратил на нее внимание и весной предложил союз. Предложение было принято, гнездо было построено, отложены яйца, но в них не оказалось жизни.

Странная птичья семья после этого не распалась, и еще несколько таких же неудач не поколебали верности птиц друг другу.

ОХОТНИК НА МЕДВЕДОК

К рассвету туча глухой шторой, без ветра задернула звездное небо. Зари не было. Серое утро началось дождем, таким мелким и ровным, что спящее озеро оставалось спокойно-гладким. Его капли, как тонкая пыль, едва слышно шуршали по

листве осокорей, ветел и ольх. Потом с их листьев забулькали в воду тяжелые, крупные капли. Потом и сам дождь припустил посильнее. Казалось, что зарядил он на весь день, как и положено обложному дождю. Но вот все чаще стали раздаваться песни зябликов, иволга засвистела, затенькала пеночка. Уплыла или рассеялась без ветра туча, открыв вместо звезд ярчайшее солнце.

С прибрежной тропинки дождь смыл мелкий мусор, и от нее быстро стал подниматься парок. Но вдруг поперек ее, почти по прямой линии, сам собой стал расти валик, словно кто-то невидимый толчками ширял не толстым и не острым прутком. Когда валик придвинулся уже к самому краю и был готов скрыться под листьями густой пижмы, из-за поворота показался удод. Птица шагала, чуть покачивая головкой и сложив хохол, с таким деловым видом и так торопливо, что невольно подумалось: почему идет пешком, а не летит, если так спешит? А последние шаги перед валиком удод уже бежал, словно боясь, что дорога будет перерезана, но внезапно остановился, ткнул клювом в землю и выхватил рослую медведку, которая пробиравась под землей, хотя всякое насекомое перебежало бы тропинку поверху.

Вид у нее не просто внушительный, а прямо-таки устрашающий. Не каждый решится без опаски взять ее пальцами. Это сильное, вооруженное насекомое, похожее скорее на зверька, а не на беззащитного сверчка. Схваченные птичьим клювом толстая гусеница бражника или личинка жука будут лишь корчиться, медведка — сражаться.

Из года в год злодействует на пойменных огородах медведка, грызущая под землей с одинаковым аппетитом и корни помидоров, и корни моркови, капусты, свеклы, молодую картошку и лук. И это злодейство становится видимым, когда уже растение нельзя спасти, когда оно обречено, а самого врага уже и близко нет: где-то грызет новое. И потому, что живет под землей, потому, что ест всех и все, справиться с ней не просто трудно, а почти невозможно. Ни разыскать и ни раскопать всех подземных лабиринтов, где зимой и ле-

том живет медведка, ни переловить, ни отравить, ни другими способами от нее до конца не избавиться.

Но есть на нее охотник, для которого медведка — самая что ни на есть желанная добыча. Ходит быстрыми шажками по огородным грядкам пестрый удод, внимательно присматриваясь к каждому подозрительному месту. Как он узнает,

где роется или грызет медведка, неизвестно. Но только вдруг, сунув в землю тонкий длинный клюв, как пинцетом вытягивает на поверхность рослую медведку. А ведь справиться с этим землероем, гигантом среди насекомых, не просто: сильная, с парой мощных зазубренных лап-лопат, умеющая кусаться, она готова отчаянно сопротивляться.

Только удода это не пугает. Раз за разом бьет он добычу о землю, вышибая из нее дух, обламывая корявые лапы, и, перехватив поудобнее полерек, летит с ней к поселку, к дровяному складу, куда давно никто не заходит. Там к весне осталось всего несколько бревен, корявых, суковатых, трухлявых, ни на что уже не годных. Их и не видно в высокой траве, но в одном из них — гнездо удода. Пустая шестиметровая стволина с дуплом посередине стала просторным домом всему хохлатому семейству. Подойдет удод к дуплу, негромко даст знать, что принес еду, и тотчас оттуда высовывается птенец, хватает медведку и мгновенно скрывается снова. А родитель, как огромная пестрая бабочка, летит обратно к огородам. Когда смотришь на летящего удода против солнца, широкие белые полосы в черном хвосте и черных

крыльях будто разрезают птицу на куски. Белый цвет снизу на просвет не виден, и концы крыльев и хвоста кажутся отрезанными.

Наверное, нет птицы более неприхотливой в отношении места, чем угод. Где только он не селится!

Я встречал его и в самом центре Усманского бора вдали от опушек и полян, и среди кварталов городских новостроек, и в безлюдной казахстанской пустыне, и в чащах волжской дельты, и в десятках других мест. Одни выбирали для гнезда старый, пустой пенёк, другие — свободный скворечник, третьи — чью-то забытую нору, кучу битого бетона, какую-то щель в стене дома, оставаясь везде одинаково осторожными и недоверчивыми.

А именно удода всегда хочется рассмотреть поближе. Привлекает его важная осанка, пестрая окраска и великолепный, с черными кончиками хохол. В полете птица прижимает этот хохол к спине, и его не видно. Но у сидящего удода хохол точно передает настроение птицы: она то разворачивает его наподобие боевого индейского убора, то чуть приподнимает, то складывает так, что он продолжает линию клюва, выражая этим то раздражение, то испуг, то недоумение, то иное состояние. Его хохол — не украшение, а обязательный

атрибут в любом возрасте. У птенца хохол вырастает быстрее, чем крылья и хвост. И молодые удода отличаются от родителей только чуть блеклым окрасом пера, чуть меньшим ростом, голосом, но не хохлом.

Удод, как и кукушка, получил свое название за голос. С апреля и почти до июля там, где живет эта птица, в тихую погоду раздается глуховатое «уп-уп-уп». Тихое вблизи, это «уп-уп-уп» слышно иной раз за километр, как будто птица токует где-то совсем рядом. Повторяя этот призыв, удод беспрестанно кланяется, словно приглашая в свою компанию. И другие крики и сигналы у него тихие, едва слышимые даже вблизи. Когда перекликается семья удода, их голоса неразличимы в шорохе листвы или свисте степного ветра.

Рано приметает удод, чуть ли не по снегу. Еще половодье бушует всюду, медленно тают вытолканные на берега льдины, а уже раздается неведомо откуда глуховатое «уп-уп-уп». Здесь на открытых местах, где потеплее, он ловит свою любимую добычу. Полая вода выжила медведек из-под земли, и одни еще плавают, расталкивая плавучий мусор у берега, другие врылись в мягкую, податливую землю, разрисованную узорами валиков-ходов. Это вовсе не значит: раз закопались — стало быть, спаслись. Охотник уже прилетел!

АРИСТОКРАТ НЕБА

Там, где соединяются русла Воронежа и Дона, обрывистые берега обеих рек пробиты десятками тысячами одинаковых отверстий: десять тысяч норок береговых ласточек для двадцати тысяч птиц. Никто из наших пернатых не селится так тесно в таком числе. День-деньской вьется птичий рой над водой, над цветущим лугом, над прибрежным лесом, смелые улетают подальше. Дела и заботы у всех одинаковые. Сигнал тревоги волной проносится вдоль огромной колонии, и все подчиняется ему одинаково. Так же быстро ко всем приходит успокоение, потому что никакой опасности не бы-

ло, а прилетел с правобережной кручи коршун поискать, не плывет ли где рыбешка кверху брюхом. А далеко над лесом еле различимой точкой быстро планирует другой хищник. Высоко и далеко он, но по скорости видно, что это чеглок.

Вот кого надо бояться ласточкам, и они хорошо знают этого хищника, но он летит стороной, а поэтому и нет повода для нового переполоха. Самая быстрая из птиц в нападении, чеглок без промаха ловит в воздухе любую мелкую добычу, какой бы проворной она ни была. Ведь за той же самой береговушкой в полете взглядом трудно следить, но от нападающего чеглока ее не спасают ни скорость, ни стремительные увертки. Спаситься можно только в норке, но до нее не успеть.

И хотя этот маленький сокол нападает открыто, не из засады, погоня заканчивается за две-три секунды, а когда вместе охотится пара, то и того меньше. Со свистом мелькнут два темных силуэта с почти прижатыми крыльями — и уже, сжав жертву в лапе, хищник летит к лесу, к гнезду. А жуков и стрекоз ловить еще проще. С земли берет добычу редко, но жаворонка не спасает и земля. Камнем падает он, не допев песню, и прямо-таки вжимается между земляными комьями пашни, но через миг его выхватывает оттуда цепкая лапа — и уже не певец, а безжизненный комок пера на чужих крыльях поднимается в воздух. Если и есть в мире птица быстрее чеглока, то это может быть только кто-то из близкой родни.

Плохо пришлось бы береговушкам и прочей пернатой мелочи, если бы чеглоки жили между собой так же дружно, как кобчики. Пара не пустит в свой гнездовой район третью птицу, а семейную пару — тем более. Поэтому и дань, которую они берут с тысячной общины, не так уж велика и заметна: крупная колония береговушек все равно процветает при такой «охране».

Чеглоки как будто и впрямь охраняют ласточек и берегут их покой: они никогда не врываются в самую гущу стаи, чтобы, пользуясь паникой и суматохой, схватить зазевавшуюся или нерасторопную. Они летают и охотятся в стороне от колонии,

так что большинство птиц и не увидит, как погибнет одна соплеменница. А вот те славки, соловьи, пеночки, зарянки, которые живут по соседству с чеглоками, относятся к присутствию прозных соседей, как будто это миролюбивые горлицы. В лесу сокол живет, но никогда в нем не охотится, нет у него ястребиных замашек.

Эти аристократы сами гнезд не строят, но им годятся любые, в которые можно положить три-четыре яйца и насиживать их. Для этого годится и воронье, или старое и заброшенное гнездо коршуна, сойки, сороки, или еще чье-нибудь. Пара будет возвращаться к нему из года в год, пока оно будет держаться на дереве. А не найдут свободного — выгонят прочь хозяев, но без гнезда не останутся.

Наряд чеглока не блещет яркими красками, но это одна из самых красивых птиц. Сверху он как кора черноклена, но только с сизоватым оттенком. Голова почти черная, но горло и щеки чисто-белые. От углов рта назад и книзу — черные перья, как усы. Грудь желтоватая с рядами продольных коричневых пестрин, а ноги словно в рыжих штанах. Разница между самцом и самкой только в том, что она иногда чуть ли не вдвое крупнее супруга, что нормально для всех соколов. Во взгляде круглых черных глаз нет ничего жестокого или злого: этим взглядом супруги, преисполненные теплых чувств, смотрят и друг на друга, и на своих детей, и на добычу тоже. В соколиной осанке сидящей на дозорной ветке птицы нет ничего вызывающего: чуть ссутулившись, сидит на сухом обломке чеглок, словно в раздумье или полудреме, но от его взгляда не ускользнет ничего, даже летящая за триста шагов стрекоза.

С добычей или без нее чеглок подлетает к гнезду открыто, не делая ни малейшей попытки скрыть его местонахождение. А у гнезда обе птицы порой бывают даже чересчур крикливы. Голос — обычный высокий соколиный крик, то частый и резкий, как недовольный, то чуть протяжный, словно с обидой. И, наоборот, в стороне от дома сокол молчалив. Ему ли бояться таких разорите-

лей и грабителей гнезд, как ворона. Любая из них облетит это место стороной, не вызывая неудовольствия чеглока, хотя он чуть ли не вдвое легче ее. Так что громкое «ки-ки-ки-ки...» звучит скорее всего, как предупреждение всем, чье присутствие поблизости просто-напросто нежелательно. И все, к кому это может относиться, прекрасно понимают, где граница опасной для них зоны. Сердце этой птицы недоступно страху. И во взгляде смертельно раненного чеглока нет ни тоски, ни бессилой ярости, ни выражения боли. Спокоен соколиный взор даже в последние минуты жизни.

Сам он, как и все настоящие или благородные соколы, не опускается до грабежа чужих гнезд. И это знают другие птицы. В одной из полос Каменной степи буквально напротив гнезда чеглоков устроил свое чернолобый сороко-

пут. Часто соколиная пара сидела так, что обоим был виден дом соседа, но вели они себя совершенно безучастно к тому, что делалось там. Правда, этого сорокопута при его малом росте даже сорока побаивается. Не пытался нападать чеглок и на взрослых птиц, когда те сами охотились на краю поля.

Пары чеглоков рядом не живут, но весной птицы возвращаются небольшими стаями. Днем их и не видно, а к вечеру, ища место для ночевки, они появляются над лесом. Неторопливым полетом проносятся острокрылые силуэты над зеленеющими макушками берез и осин, не наводя страха на тех, кто уже живет здесь. Не смолкают при виде их дрозды, не обрывают песню зарянки, не бросается прочь токующий бекас.

Я не раз видел, как преследуют перепелятника касатки и как они бывают спокойны при виде чеглока. В чем причина такого доверия или беспечности? Не в том ли, что со своей добычей чеглок не встречается дважды, что каждое нападение удачно и некому поднимать тревогу среди остальных?

Он да еще кобчик прилетают весной самыми последними из хищников, в одно время с ласточками, которых не спеша сопровождают всю дорогу. И ласточки, и чеглок летят днем, и если этот «пастиух» потеряет одну стаю, он легко найдет другую.

Днем летят и золотистые шурки, и стрижи и тоже стаями. Так что голодать не приходится: и добыча в том же небе. От погоды весенний пролет почти не зависит.

Прилетев на место, сокол не спешит с гнездовыми делами: иногда месяц пройдет, прежде чем будет снесено первое яйцо. В этом есть большой смысл: соколята должны появиться на свет и расти тогда, когда птенцы тех же береговушек и других ласточек покинут гнезда. Охота на них и вовсе проста, накормить досыта своих малышей родителям не составит труда.

Соколята в первые дни одеты густым белым пухом. А короткие (пусть крючком) клювики при-

дают им особую привлекательность. Растут они на хороших кормах быстро и в августе, уже обученные приемам соколиной охоты, берут направление вслед за отлетающими стаями ласточек и других мелких птиц.

СИНЕПЕРОЕ ЧУДО

На утренней зорьке теплый речной туман залил широкую долину, затопив все, что в ней стояло, росло, плавало. Но солнце быстро освободило от него и прибрежные кусты ивняков, и широкую гладь старика Хопра, и присадистые копны, и заросли кувшинок и телореза на тихой воде озер. Густая роса миллионами разноцветных искр за сверкала на рыжеватой щетине скошенного луга, на молоденькой зелени отавы, узких листьях ветел. А на макушке высоченного, крутобокого стога засиял, чуть переливая лазурью, кусок чистейшей бирюзы.

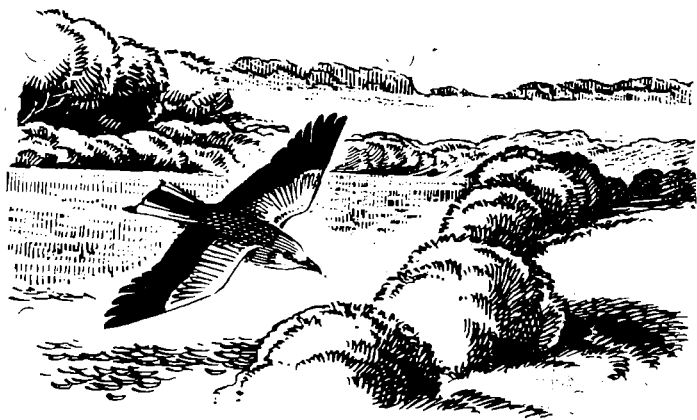
Так казалось издали. Но драгоценности лучше рассматривать вблизи, чтобы вернее оценить их благородство и совершенство. А бирюзовый камень-самоцвет неожиданно развернул два широких крыла и коричнево-черно-синей птицей легко взмыл к сухой вершине столетнего осокоря. Несколько минут посидела там, внимательно поглядывая вниз, и вдруг не слетела, а почти упала в росную траву, снова изумив луг своей великолепной красой. Упала, чтобы схватить едва отогревшегося от ночной прохлады жука.

И началась охота! При каждом броске на добычу, при каждом взлете с земли сверкали и переливались синие краски птичьего оперения, и блеск цветного наряда скрывал его подношенность. Только на фоне чистого, еще без белесой дымки неба немного терялся бирюзовый цвет.

Зато когда птица, мерно взмахивая широкими крыльями, неторопливо летит вдоль темно-зеленой стены ольхового леса или охристо-желтого берегового обрыва, когда видишь ее, освещенную утренним солнцем, у донских меловых бугров, когда она бабочкой порхает над полем спелой пшеницы,

снямая с колосьев цепких хлебных жуков, ее оперение повторяет полную гамму холодной половины спектра от светло-голубого до почти черного, лишь коричневая спина выглядит одеждой с чужого плеча. И трудно поверить, что вся эта непередаваемая ни словами, ни кистью морская синь всего-навсего игра отраженного света, что нет ни в одном пере ни зернышка голубой или синей краски. Поэтому не блекнет, не выцветает наряд синеперой птицы ни под палящим солнцем, ни от времени. Похожие оттенки синего и голубого цветов есть в оперении трех наших птиц: сизоворонки, зимородка и золотистой шурки, и все трое не очень далекая родня друг с другом.

Есть птицы, у которых супружеские отношения пары навсегда обрываются еще до появления птенцов или даже до постройки гнезда. Немало таких, которые расстаются друг с другом сразу же после того, как станут ненужны своим детям. Есть и такие, которые верны раз сделанному выбору всю свою жизнь. Но и у них внешние проявления взаимной привязанности видны всем лишь недолгое время весной. А в остальные сезоны сдержанность становится похожей на отчужденность, и нам кажется, что еще недавно дружные и одинаково заботливые к птенцам птицы одной семьи стали безразличны друг к другу. Но не все очевидное в по-

ведении и отношениях птиц можно принять за действительное.

Давно позади семейные заботы и у пары сизоворонок. Выкормлены птенцы, и каждый из них теперь сам за себя. И только для себя с осокоря или стога высматривает добычу самец. У него теперь есть возможность выбора, и он не развернет крыльев ради какого-то жучка-маломерка. Подолгу сидит не шелохнувшись. Он и свободен, и одинок. И нам никогда не понять, что за чувства владеют птицей в эту пору, накануне ее расставания с родиной.

И вдруг, как вспомнив о чем-то забытом, но очень важном и нужном, он срывается с места и, торопливо набирая скорость, мчит через реку к ше-

ренге столбов, где на проводе виден силуэт еще одной сизоворонки. Так можно спешить только на ссору по поводу нарушения границ охотничьей территории. Но она сейчас не охраняется, и самец, вместо того чтобы прогнать нарушителя или чужака, как-то скромненько опускается на тот же провод рядом с ним. А через мгновение оттуда доносится хрипловато-рокошущее карканье двух сизоворонок. Оно не вяжется с роскошным нарядом птиц, но иных звуков в их голосе, кажется, нет.

Птицы сидели так близко, что если бы развернули крылья, то концы их перьев легли бы друг на друга. А в грубоватых звуках утреннего дуэта слышалось не раздражение или неприязнь, а явная нескрываемая нежность. Покаркав, как поприветствовав друг друга, обе сизоворонки вскинули головы вверх, словно вытянувшись в струнку, а из чуть приоткрытых клювов раздалось негромкое и уже совсем ласковое курлыканье или воркование.

Внезапно самец, оборвав свою песню, взлетел по крутой спирали вверх и, закончив виток, сильно качаясь на крыльях, снова опустился на провод, но уже слева от самки. Потом снова то же воркование, но уже по очереди. И снова самец взлетает на такую же высоту и, по-соколиному сложив крылья, черно-голубой молнией мелькает перед самкой. А она, словно убедившись, что ничего не изменилось, что она не забыта и не покинута, спокойным полетом направляется к придорожным тополям, где ей, наверное, больше нравится охотиться и отдыхать.

При этой встрече тихим августовским утром не было совместного весеннего полета крыло в крыло, когда синим птицам мало синего неба. Но, вне сомнения, это был один из семейных ритуалов, который был повторен и в следующие дни. Птицы встречались то в одном, то в другом месте и, словно дав одна другой заверения в верности, разлетались снова в разные стороны до следующего дня. Значит, не распалась семья. Наверное, и улетят, и весной вернутся вместе, будто и не расставались ни на минуту.

Самец любил охотиться на лугу на длинноусых зеленых кузнечиков.

Когда лето перевалит через свою вершину и мало-помалу начнут укорачиваться дни, а жара, наоборот, даже у реки в полуденные часы становится зноем, тогда по зарослям полыни, «божьего дерева», по рослому чернобыльнику, по ивнякам, увитым цветущим повоем, начинают стрекотать эти самые кузнечики. Много их не бывает нигде, но, когда начинают стрекотать все, число их на слух определить невозможно, ибо все сливается в сплошной звон. Крупное насекомое травяного цвета трудно разглядеть даже с острым птичьим зрением, и сизоворонка с удобного места сначала долго прислушивается, то так, то этак наклоняя голову, словно наслаждаясь приятным для себя звуком, пока на слух точно не определит травинку, на которой сидит длинноусый музыкант, и он становится ее добычей.

Жаль только, что не одними жуками, кобылками и кузнечиками довольствуются сизоворонки. На Дону я видел, как птица несла к гнездовой норе змейку, в Шиповом лесу — как прикончила землеройку, на Воронеже — как вытащила из скворечника одного за другим весь скворчиный выводок. Правда, ограбление чужого гнезда получается у сизоворонок вроде бы случайно. Специально она не ищет гнезд своих пернатых соседей, как ворона, сделавшая грабеж чужих гнезд своим основным занятием.

Хотя спина у сизоворонок коричневая, как скорлупа спелого лесного ореха, сидеть на открытом гнезде в таком наряде, который чуть ли не сам собой светится, было бы рискованно, да и белизна яичной скорлупы видна даже в полной темноте. Поэтому гнездится синеперая птица или в просторном дупле, или в норе на обрыве. В прибрежных столетних осокорях таких дупел немало, а вот норы даже в твердых меловых стенах приходится рыть самим. Эта работа нелегкая, зато в мелу норы служат не одному поколению сизоворонок, а иногда и другим птицам: галкам, стригам, сычам.

Под слабым утренним ветерком шелестит сухим листом подмороженная кукуруза. Каким-то блеклым и бесцветным стало зеленое поле после первого же заморозка. По краю его, где кукуруза уже скошена, выщипывая уцелевшую траву и подбирая подсохшие листья, медленно бредет стадо. Между коровами на бреющем полете снуют сотни касаток, ловят мух, от которых коровы отмахиваются хвостами. За чуть пожелтевшей березовой полосой, как два опромных корабля, высятся две скирды пшеничной или ржаной соломы. На гребне одной сидит темная птица, ростом заметно покрупнее вороны. Перо коричневое, а на груди будто светлая манишка, густо заляпанная крупными пятнами. Сидит как изваяние, с осанкой гордеца и вдруг быстро планирует на широких крыльях в высокую стерню с явным намерением схватить кого-то когтистыми лапами.

Удался или нет бросок, не видно с дороги, но только когда сарыч снова поднялся в воздух, за ним увязались две трясогузки и, проводив его до ближайшего столба, уселись сами на проводах рядом, покачивая длинными хвостиками. Так ко всем хищникам относятся: пока сидят, никто из мирных птиц на них вроде и внимания не обращает, а стоит только крылья развернуть, как сразу находятся такие, кто спешит словно досадить за старое. Писк трясогузок, конечно, не приведет такого в смятение. Но чаще за ним начинают гонять ворона или грач, которым больше делать нечего.

Смотришь, как раз за разом бросается ворона на парящего сарыча, и удивляешься его долготерпению. Легко уворачиваясь от нападений, он поднимается все выше и выше, не отстает и ворона, усиленно махая крыльями, которые у нее заметно короче, чем у сарыча. Но достаточно одного угрожающего движения хищника — и настырная преследовательница удирает к своим. Но чаще сарыча избавляет от нее высота, которой ворона, кажется, побаивается или, может быть, робеет, оставаясь один на один с хищником так далеко от зем-

ли. У зверей такого, чтобы заяц за лисой или олень за волком гонялись, не увидишь.

А сарычу высота нипочем: подняться выше облаков и совсем исчезнуть в синеве неба, ни разу не взмахнув крыльями, ему ничего не стоит, будто обладает птица антигравитацией.

Но с такой высоты сарыч не охотится, потому что его добыча бегают по земле: бегают полевки и мыши, скачут кобылки, коники и прочая саранчовая родня. И еще не совсем известно, кому отдается предпочтение. Иногда этот солидный с виду хищник так увлеченно бегают по дорожной обочине за насекомыми, что даже не взлетает от проносящихся мимо автомобилей. По утренней прохладе, пока у коников нет дневной прыти, он так набивает ими желудок и особенно зоб, что и в полете издали видно, как оттопыривается на шее перо.

Сарыч и все другие канюки известны как самые заядлые мышеловы. От мелких грызунов, а не от птиц, ящериц и кузнечиков зависит благополучие их рода: сколько птенцов будет в гнезде — три, один или ни одного. Но вот наступает осень и начинается пролет. Остаться даже при сверхизобилии корма нельзя. Потом и лететь будет трудно, когда совсем остынет воздух. А снежную зиму не пережить ни одному. Нет, морозы им не страшны. Но даже неясны вымирают от голода, когда мыши благоденствуют под снегом, месяцами не показываясь на поверхности. Впрочем, совы-то еще могут ловить под неглубоким снегом на слух, а сарыч на такое не способен: он охотится только на глаз, высматривая добычу или в полете, или сидя на скирде, на дереве, на столбе.

Но стал хищник от простого сидения на столбах переходить к патрулированию шоссе и полевых дорог, обратив в свою пользу рост автомобилизма. Ведь с середины лета на дорожные обочины слетаются ватажки воробьев, которым тут живется сытнее, чем где-либо. К этому же времени и автомобилей становится больше не только на магистральных шоссе, но и на проселках. В селах сбивают они на взлете зазевавшихся голубей, на

мостах и дамбах — молодых трясогузок и чаек, у придорожных обрывчиков — береговушек. Одних — днем при солнце, других — ночью, слепя светом фар. Чаще всех, наверное, воробьи гибнут и стрекозы. И сарычи не отказываются от такой легкой добычи, а, наоборот, ищут ее или, может быть, даже приглядывают за воробьиной стайкой и ждут, когда те вместо того, чтобы в сторонку отлететь, полетят перед ма-

шиной, пересекая ей путь. Пока воробьиный молодец научится избегать столкновений, немало его попадает к сарычу в свежем виде.

Один из лучших парителей поднебесья, сарыч уверенно чувствует себя и в лесу, легко, почти по-ястребиному, летая между стволами и без замешательства выбирая нужную дорогу. На охоту от гнезда улетает далеко и надолго, потому что часто гнездо находится в центре лесного массива, где охотиться трудновато. А птенец, если он один, сидит в это время на крепком помосте с видом мудреца и терпеливо ждет, когда отец или мать принесут корм.

У сарыча, если бы не клюв крючком, не острые, как заточенные, когти, облик был бы совсем не хищный. Тем более, что сидит иногда прямо повороньи. Взгляд карих глаз не суровый и не злой. Голос — вовсе просящий свист, за который и называли канюком: будто канючит птица, выпрашивая что-то. Вроде не взрослый сарыч кричит, а изголодавшийся вконец слеток-подросток, не умеющий сам поймать даже лягушку.

У этой птицы во всем видна особая степенность,

присущая сильным. Но раз в году она не скрывает своего восторга, выражая его в подоблачных играх. Высота и скорость весеннего парного полета, кружение и стремительное пикирование птиц, когда они кажутся даже меньше ласточек, не сразу позволяют узнать в них сарычей. Расстояние скрадывает окраску оперения, и на белом облаке или в синеве видны лишь черные силуэты, но скорость соколиного броска воспринимается как раз лучше всего издали.

Искусство планирующего полета у сарыча выше, чем у большинства птиц его клана: скопы, луня, коршуна и даже орла. Давно перестало быть загадкой величественное парение огромных хищников и птиц помельче в могучих токах нагретого у земли воздуха. На гребне воздушной волны в ветреный день даже ворона может лететь де-

сятки километров вдоль обрыва или плотной стены леса, ни разу не взмахнув крыльями. Используя лишь силу ветра, носятся над штормовым океаном длиннокрылые буревестники и альбатросы, не поднимаясь, однако, на большую высоту и все больше удаляясь в ту сторону, куда бегут волны. Канюк может подняться до заоблачной выси и лететь навстречу свежему и даже сильному ветру, когда воздух над равниной так же холоден, как и земля, и нет никаких восходящих токов и струй, не тратя на полет по крайней мере видимых усилий. Правда, для этого мало врожденного умения летать, нужен еще и немалый опыт.

Даже угадав намерение сарыча лететь против сильного ветра, видя упорство, с которым птица начинает полет, невольно сомневаешься в успехе попытки. Явно тяжелы и напряженны частые взмахи широких крыльев, канюк словно старается только удержаться в воздухе, не завалиться в вихрях набок, не опрокинуться на спину. У короткокрылых скворцов, уток и даже дятлов такая задача решается просто: они мчат напрямую, расходуя, видимо, немалую энергию. А канюка, хотя он и набирает понемногу высоту, с каждым взмахом ветер немного сносит назад.

Но в какой-то момент хищник круто поворачивает под ветер и, словно отказавшись от тщетной попытки, несется в обратную сторону, чуть снижаясь и опережая ветер. А затем так же неожиданно следует новый разворот, и птица в набегавшем потоке на развернутых крыльях круто взмывает вверх, останавливается в воздухе и снова скользит назад, а разогнавшись, делает новую «горку». Но она уже не машет крыльями, а только чуть складывает их или разворачивает на полный размах, поднимаясь на каждом витке все выше и выше. А там, почти по-соколиному подтянув крылья к туловищу, сарыч до предела уменьшает лобовое сопротивление и стремительно скользит навстречу ветру. Потеряв запас высоты, хищник так же просто и легко снова уходит в поднебесье уже едва заметной точкой, а затем и вовсе теряется среди белых громад облаков.

ЗИМНИЙ СКИТАЛЕЦ

Еще не кончился снегопад, а напористый ветер уже порвал и погнал прочь низкие тучи, кое-как отряхнул с деревьев снеговые шапки, наломал сосновых веток и улетел, словно забыв о наших краях. Днем на поляны, просеки, в редколесье заглядывало ненадолго солнце. Обласканные его скупым теплом, в полудреме лежали на бугорке олени, вполголоса щебетали зимние пересмешницы сойки, позванивали у кордона синичьи колокольчики, а по краю крыши росли понемногу тоненькие сосульки-коротышки. Но по ночам под пугающие вопли неясителей здесь злодействовал жестокий и тихий убийца мороз. Трещал лед на реке и озерах, трещали стволы деревьев, падали с веток птицы, не успев раскрыть крылья, коченели олени, не успев дожевать стружку коры и даже закрыть глаза. Легкая добыча доставалась утром лесным стервятникам — ворону, кабану, да и лисе тоже.

В те дни и забрел в старый бор отощавший к середине зимы олень-одиночка. Тут и летом-то две травинки рядом не растут, а сейчас и вовсе еды никакой: сосны как колонны, по низинам — березы как хлысты, под снегом опавшая хвоя да сухой торф. Может, и растет где кустик вереска, да попробуй найти его под снегом. Не хватило сил у зверя добраться даже до просеки: лег и больше не встал.

Это был уже стареющий олень. Рога были короче и тоньше, чем года два-три назад, поистерлись зубы, ломкой и тусклой стала шерсть, быстрее, чем прежде, наступала усталость. В осенних боях его пощадила судьба: был сбит только один отросток с правого рога. Первыми его обнаружили сороки и, конечно, сами того не желая, навели на это место лису.

Лиса попалась то ли очень жадная, то ли очень расчетливая. Она сразу же вырыла под еще тепловатым оленьим боком полунору-полулогово и оттуда, почти не выходя наверх, грызла замороженное тощее мясо снизу, уверенная, что так будет

до тех пор, пока все не прикончит в одиночку. Может, и ворон не раз присаживался на сосну, но из-под туши показывалась лисья морда, и этого было вполне достаточно, чтобы улететь восвояси.

Но в один из тихих дней будто плотный вихрь ввинтился с неба под сосновый полог и кто-то тяжелый опустился на оленя сверху. Огненным языком выметнулся из норы освирепевший зверь, чтобы прогнать или наказать пришельца. Но, наверное, прежде чем успел сообразить, кто упал с неба, ноги сами, как пружины, бросили его в сторону, в снег. Сжавшись в комок и чуть подвывая от досады, злости, а может, и страха, оскалившись и прижав уши, лиса не отважилась на большее: на олене, запустив в густую шерсть крючковатые когти и встопорщив на затылке рыжеватые перья, сидела, укладывая крылья, никогда прежде не виданная в Оленьем лесу птица.

И под свирепым взглядом пернатого хищника понял хищник четвероногий, что придется делиться на любых условиях или отдавать все и уходить прочь, а то самому голову оторвут и шкуру спустят. А беркут, убедившись, что произвел должное впечатление, что теперь он хозяин, потоптался по оленьему боку и принялся за еду.

Трудно даже орлиным клювом рвать замерзшие кожу и мясо, но птица уже под любопытным, но все еще опасливым взглядом лисы утолила давний голод за несколько минут. Как два черных флага поднялись крылья, каждое с белым пятном снизу. Лиса, ощерившись, попятилась еще дальше под деревья, ожидая теперь нападения на себя. Но орел взлетел на ниж-

ний толстый сук сосны, потом повыше, почистил клюв и задремал, лишь изредка поглядывая на небо. Лиса его вроде бы и не интересовала. На открытом месте, может быть, все события развернулись бы иначе и беркут предпочел бы живую добычу. Но здесь был лес, и это спасло лису.

Темнело. Черной колодой, не шевелясь, сидела на сосне крючконосая, страшная птица, и зверь сообразил, что ее нечего бояться ночью, что в темноте он снова хозяин этой кучи мяса и довольно вкусных костей, что днем можно спокойно сидеть в логове, что теперь ни ворон, ни сороки, ни другая лиса не покажут сюда носа, что на двоих еды хватит надолго.

Так бы оно и было бы, но уже которую зиму подряд стали прилетать в наши леса беркуты, зная, что здесь можно быть сытыми, никого не выслеживая и не убивая. Редкую зиму суровая стихия не брала с оленьих стад трагическую дань. Подсыпал снег, нажимал мороз, наст и гололед закрывали все пути, и первыми погибали оленята-первогодки, потерявшие с осени матерей. Не щадила зима и рослых рогачей в расцвете оленьих сил. Вот и стали слетаться в Усманский бор, на берега Хопра и Битюга, зимние скитальцы беркуты.

Им-то зима не страшна. После нескольких сы-

тых дней могут голодать неделями, пока не повезет снова с живой добычей или с падалью. Для их крыльев не существует расстояний и, кажется, не бывает нелетной погоды. Никакой ветер и холод не проберутся под плотное перо, прикрывающее густой пух. У них нет конкурентов. Разве только стадо кабанов опередит и раньше их растерзает жертву мороза. Нет и врагов, которых следует бояться на земле или в воздухе, днем или ночью. Они беззлобны по отношению к своим сородичам, а сытые и вовсе добродушные настолько, что позволяют воронам доедать остатки собственной добычи. Вороны этим пользуются: иногда и за хвост царя подергают, чтобы скорее управлялся. Тут, конечно, точный расчет умных птиц, как и в игре с собакой. Орлу же при его силе и уверенности в ней большой смекалки не требуется.

Он может в присутствии человека напасть на собаку. И был в октябре на полевой дороге такой случай, когда беркут схватил и свалил с ног рослую овчарку, бежавшую за телегой. Птица даже не обратила внимания на хозяина, как тот ни кричал, как ни махал руками. А у того не было ни палки, ни кнута, ни даже хворостинки. Орел отпустил израненную и перепуганную собаку лишь тогда, когда на него накинули брезентовый плащ, но спеленать себя не дал.

Когда травили волков, серое племя не очень-то поредело, а беркутов и белохвостов погибло на падали, в которую был заложен яд, немало. В волчьей семье семеро волчат, в орлиной — один орленок. Бывает и по трое у тех и других. Но для волков трое очень мало, для орлов — очень много. Разница всегда в пользу волков.

На лисью находку через несколько дней слетелись еще два беркута и орлан, и зверь счел за лучшее уйти отсюда, чтобы заняться обычной лисьей охотой на мышей и полевок, тем более что их хватало в ту зиму.

Я не видел ни первой встречи орла и лисы, ни других сцен, но все было именно так. Сначала с вертолета увидели всю четверку, взлетевшую с темного пятна, а на земле узнали все остальное. Потом новый снегопад засыпал клочья оленьей

шерсти, обглоданный скелет и следы вокруг него. Остался едва приметный бугорок среди сосен.

Улетели беркуты. Может быть, еще настанет весна, когда пара их заявит свои права на весь лес и навсегда. Живут же на Хопре орланы-белохвосты, а в заповедном Усманском бору — могильники, тоже орлы высшего ранга. Жили когда-то и беркуты.

ПЕВЦЫ

ВОЗВРАЩЕНИЕ СОЛОВЬЯ

Мягка и шелковиста весенняя молодая листва. Поэтому весной даже осина не шумит, а едва слышно шелчется с ветром, а с дождем — еще тише. Далеко и отчетливо слышны голоса пернатых певцов, но все они как будто тускнеют и становятся тише, когда прилетает соловей, один из самых верных спутников весны. Весна может пройти без половодья, без грозowych дождей, без цветения яблонь, без вальдшнепиной тяги и даже без комаров, но не бывает весны без соловья. Будет она ненастной и дождливой, ранней или поздней, теплой или с частыми заморозками — в свой срок, а не по погоде возвратится на родину соловей. Иногда в березняках не только дымки — искорки

зеленоватой нет, на кленах почки не набухли как следует, от холода молчат в озерах лягушки, а соловьи поют уже в полный голос. В другие годы и у березы уже третий лист развернется, стена зеленых кленов остановит любой ветер, лягушки орут с утра до утра, но даже в самых надежных соловьиных местах не слышно ни свиста, ни щелканья.

А всякое подходящее для жизни место, кроме густых сосняков, соловьи заселяют легко и быстро, и уже навечно. Они были одними из самых первых поселенцев Каменной степи, когда деревья в ее лесных полосах еще не поднялись выше человеческого роста. Их хватило и для того, чтобы заселить тысячи километров таких же полос вдоль железных дорог. И не их, а они заглушают грохот грузовых составов, а пассажиры дальних рейсов просыпаются, когда их поезда проходят через Хреновской бор. Один из кордонов в этом лесу недаром назван Соловьиным. Есть там урочище, где, не сходя с места, можно слушать и сравнивать друг с другом сразу трех-четырех певцов. А когда весной сорок третьего пепелища и уцелевшие от огня сады Воронежа начали зарастать бурьяном, в этой зелени, немного прикрывшей раны изувеченного города, запели соловьи. Ночами, такими же тихими и темными, как в лесу, не только на окраинах, но и поближе к центру разливались трелями невидимые певцы.

В ту стремительную сверхраннюю и сверхтеплую весну было всего два или три ненастных дня, но именно в один из них, вернее, в дождливую ночь перед ним, после девятимесячного отсутствия возвратился соловей. Случилось это в канун Первомай: ведь соловьи прилетают на родину не по погоде, а по своему довольно точному календарю.

Бесшумно падали на нежную листву мелкие капли, бесшумно покачивались ветки отцветающих черемух, стряхивая вместе с каплями белые лепестки, но отчетливо и негромко, как распевка, прозвучали из зеленой гущи три колена неподражаемой песни.

А потом птица занялась какими-то своими со-

ловьиными делами, и, пока не наступила полночь, не было слышно больше ни звука. Без дроздов потасли серые сумерки, загремел в темноте по всей пойме дикий лягушачий хор, и, перекрывая его раскаты, в полный голос запел знаменитый певец. С тех пор, как поселился он в этих черемухах, я не видел его ни разу, но тотчас узнал по песне. Год от года становилась она все полнее и богаче, вот и сейчас в ней появилось совсем новое колено, какое бывает только у самых-самых мастеров.

Прилетает соловей в любую погоду и в любую погоду поет. Его не заставит замолчать поздний ночной заморозок, ему дождь и снег нипочем. Поет только на ветке, не забираясь, однако, так высоко, как дрозд, но и не спускаясь к самой земле. Спутать песню соловья с песней другой птицы невозможно: ни у кого больше нет голоса такой чистоты и силы. Будь то самый посредственный из начинающих или непревзойденный мастер. Впрочем, мастерство приходит к соловью с годами.

Если бы дело было только в обучении, в подражании хорошим певцам, то пели бы все одинаково. Нет, чем старше певец, тем богаче и полнее его песня, тем больше в ней колен, каждое из которых у знатоков имеет особое название. А сам соловей везде называется одинаково. Редкая из наших птиц имеет одно название. И чем она за-

метнее, тем этих названий больше. Но соловей везде соловей, и еще ласково: соловейко, соловушка.

Соловей не пуглив. Он будет жить и петь рядом с большой, шумной дорогой. Его не смущают другие звуки, но он не любит, когда на него смотрят. Заметив взгляд, птица оборвет песню и поспешит спрятаться. Только сейчас она просто не может молчать, и уже через минуту из того же куста раздается сначала негромкое, а потом оглушающе-звонкое продолжение сольного концерта.

У двух лучших лесных певцов, певчего дрозда и соловья, платье без ярких узоров. Соловей на первый взгляд кажется вообще однотонным, и лишь под солнцем заметна легкая рыжинка на хвосте. Большие черные глаза придают ему выражение постоянной мечтательности или печальности, и оно не меняется у поющей, отдыхающей или встревоженной птицы. Похожие глаза только у зарянки, которая состоит с соловьем в довольно близком родстве.

Поет соловей на ветке, но строит гнездо на земле. Строительство происходит в величайшей тайне, и занята им только самка. Она же и бессменно насиживает четыре-пять яиц, пока из них не вылупятся птенцы. Цвет скорлупы особенный, ему нет определенного названия, и в природе он встречается очень редко. Это цвет, в котором сочетаются оттенки коричневого и зеленого, цвет густого сепного настоя. Никаких пятнышек, точек, пестрин или разводов на скорлупе нет.

Поведение отца точно подскажет, когда в гнезде появятся слепые и почти голые птенцы: он сразу перестанет петь, и уже до будущего мая мы не услышим от него даже самого простого коленца. Так же и другие. Разве только какой-нибудь холостяк-неудачник пощелкает немного в самую короткую ночь или знойный полдень, и все.

Соловьиная семья в гнезде не насиживается: пестренькие, тонконогие и короткокрылые соловьята, еще не умея летать, покидают дом, в котором все опаснее оставаться день ото дня. А еще через несколько дней и вовсе распадется семья и каждый из птенцов живет сам по себе, набираясь жизнен-

ного опыта. Они в этом возрасте настолько доверчивы, что могут спокойно сесть на голову того, кто наблюдает за ними. Поэтому так часто попадают у лисьих нор обкусанные перышки из крыльев соловьев.

БЕЛОБРОВИК

Даже у самой ненастной осени есть в запасе такие солнечные и погожие деньки, когда неотвратимое увядание живой природы, подготовка ее к зимнему покою предстает перед нами как торжественное ее обновление. Расстилаются под ясным небом зеленые ковры ровной озими в золотых рамках березовых полос, стая щебечущих касаток сопровождает бредущее по лугу стадо, в притихших светлых осинниках стоит терпкий аромат опавшего листа, белоногие мухоморы выстроились по свежему сосновому опаду, холодное пламя кленовых коствов из красного становится желтым, в траве опушек пестреют цветы весны — анютины глазки. И птиц в лесу еще немало. И тех, которые живут тут почти безвылетно всю свою жизнь, и тех, которые уже зимовать прилетели, и тех, которые лишь весной и осенью останавливаются на короткий отдых.

В такие дни даже занятые делом расписные пересмешницы сойки находят время немного попеть, как в апреле начинают свой сбивчивый счет пролетные пеночки-теньковки, трепещет над поляной поющая юла. Дрозды еще не улетели, но они сейчас, как молчаливники: звуки лишь самые необходимые, чтобы только не потерять своих или предупредить, чтобы осторожнее были. И все дрозды в осеннем лесу заняты одним: ворошат еще не просохший лист на земле, выбирая из-под него жуков, жучков, слизней, клопов, червей. Черные делают это в одиночку, остальные прочесывают дубравы и березняки стаями и стайками. За переплетением кустов, стволов и солнечных бликов трудно опознать самих птиц. Но если на взлете они покажут на боках и под крыльями перья цвета

свежей ржавчины, значит, вы вспугнули стайку белобровых дроздов, или просто белобровиков.

В отличие от остальных наших дроздов: певчего, дерябы, черного и рябинника — еще на моей памяти белобровик только весной и осенью пролетал через воронежские леса, а для гнездования хватало ему всего в северных. Хватало, пока какой-то, может быть, отставший от стаи одиночка не запел свою призывную песню возле безымянного лесного ключа, одного из тех, которые рожают маленькую речку Усмань. Нашлась ему и пара, прервавшая свой путь в исконные места всех белобровиков. И не в густой прибрежной дубраве, не в хмуроватых ольхах, не в светлом перелеске, а в самом сердце бора, где многое напоминает север, построили те дрозды первое гнездо.

Несколько следующих лет не принесли новых лаходок, а потом произошло нечто похожее на взрыв: белобровики стали гнездиться по всему Усманскому бору, по ближайшим лесам и лесочкам и даже паркам. Безусловно, не все они были потомками той первой пары, но какую-то роль в этом заселении она, видимо, сыграла хотя бы тем, что несколько молодых птиц вернулись или пытались вернуться на новую родину белобровых дроздов. И стал белобровик пятым по счету дроздом большого лесного острова в центре Черноземного края.

Из этой пятерки он единственный, кто поет не только на своем гнездовом участке, но и на пролетном пути во время коротких остановок, единственный, кто, как скворец, поет в большой стае. Остановившись на отдых в чужом лесу, десятки белобровиков, рассыпавшись по еще голым ветвям, где один, где два на дереве, поют, не смолкая ни на секунду. Их неразборчивое щебетание и свисты напоминают говор осенней скворчиной стаи. В нем не различить отдельных голосов, и хорошие певцы теряются в непрерывающемся потоке звуков.

С чьим мастерством можно сравнить песенные способности белобровика? Можно отыскать в лесу такое место, где на апрельской вечерней заре одно-

временно звучат голоса всех пятерых наших дроздов. Правда, песню рябинника так же трудно назвать песней, как «плач» дубоноса или несвязное попискивание серой мухоловки. Черный и деряба, не подражая ни друг другу, ни другим певцам, свистят, словно пытаясь сложить простенькую, но законченную мелодию. Певчий четко делит бесконечную песню на короткие, но выразительные и законченные фразы-колена. Белобровик же четко, с одинаковыми паузами громко и чисто высвистывает одно и то же начало своей единственной песни, которая вслед за свистом заканчивается невыразительным, шепелявым щебетанием, которое гложет даже среди немногих и негромких звуков вечернего леса.

Если белобровики поселяются в лесу пара от пары в пределах слышимости песни, то, как правило, у всех певцов она будет одна и та же. Ее первая часть обычно похожа на кусочек вступления к старинному маршу «Ураган». Но в щебетании проявляется что-то личное и по звучанию, и по продолжительности.

Зато, живя в каком-нибудь урочище отдельной парой, белобровик может удивлять даже бывалых знатоков птичьего пения. Во-первых, у каждого такого отшельника своя песня, но непременно из тех же двух частей. Во-вторых, каждый проявляет незаурядный дар пересмешичества и довольно неплохой музыкальный вкус, выбирая из птичьего окружения лучшие голоса и воспроизводя их с той же чистотой и силой, как и те птицы, кого он копирует.

Белобровик — единственный из местных пересмешиников, кто с необыкновенной натуральностью, без тени фальши высвистывая соловьиное колено, называемое почином, заставил меня искать соловья там, где его и быть не могло. Не запаздывая соловьи в ту весну на неделю против ожидаемых сроков, я так и принял бы тот свист за соловьиный: не распелся соловушка с прилета, потому и не выдавал других колен. Так бывает. Другой мастер свистел чечевицей еще за месяц до прилета самих красноперых певцов и не перестал свистеть,

когда настоящие чечевицы запели по всей донской пойме. И по голосам там было на одну чечевицу больше, чем на самом деле загнездились их по ивнякам. Но, просвистев красивую шестисложную песенку-вопрос, дрозд следом бормотал неразборчиво что-то свое, родовое. Выбрав и заучив чужой напев, белобровик-пересмешник делает его своей песней и лучшего уже не ищет.

ПОЮТ ЧЕРНОГОЛОВКИ

Лес стоит у реки такой плотной стеной, что лишнему дереву вроде бы воткнуться некуда. Но уже неподалеку от опушки стволы расступаются, окружая травяную сыроватую низинку с одним-единственным кустом ивняка посередине. Стройные, одна к одной сосны стоят повыше, где посуше, а по самому краю, как бело-зеленая кайма, березы, чуть склонившиеся к полянке. Траву тут давно скосили и свезли, но густо перевитый цветущим подвоем куст кажется забытой, разворошенной колючей с сухой веткой на верхушке.

На той ветке, как сторож, сидит молчаливый красавец жулан, слушая, как рядом с ним стрекочет слившийся с длинными листьями зеленый кузнечик-невидимка. А может быть, внемлет тот пересмешник красивому переливчатому свисту, который раз за разом звучит то с высоких деревьев, то из кустов под ними. Переливается свист, будто сам ищет выход из чащи на светлую луговинку. И, может быть, его хочет запомнить жулан перед отлетом в Африку, чтобы, вернувшись через год, спеть его самому. А свистит у полянки черноголовая славка, самая лесная из пяти наших славков, а вдали, словно вторит ей, другая.

Этим звучным, далеко слышным свистом заканчивается короткая славочья песенка. Зато ее торопливое начало почти не слышно за монотонным пиликаньем кузнечика и мягким шумом сосен. Да и нет ничего привлекательного в том начале, чтобы к нему прислушиваться: так себе, щебетание, на которое в майское утро никто и внимания

не обратит. Но вот последние несколько нот звучат, как законченная музыкальная фраза. И если в первой части песни нет понятного нам порядка и благозвучия, неодинакова и ее продолжительность, то вторая у каждого певца личная и не меняется, сколько бы он ее ни повторял. Никто из сородичей ее не перенимает, как бы красива она ни была. Не подражают черноголовки и другим птицам, хотя и случаются редчайшие в природе совпадения. Однажды в Подворонежье довелось мне полдня слушать такого мастера, который без заметного искажения высвистывал полную песенку золотой тимелии, или китайского соловья, хотя наверняка нигде и никогда с ней не встречался и не слышал.

Порой эти звуки даже нельзя назвать настоящим свистом из-за явного инструментального оттенка. Будто повторяет свои позывные загадочная лесная радиостанция. Если бы их действительно послать в эфир в оригинальном исполнении, то радисты вполне могли бы принять птичий голос за сигналы неизвестного передатчика.

Но у этой же певуны есть еще один свист, настолько высокий, тихий и тонкий, что его едва улавливает наш слух. Даже видя саму птицу, не сразу догадаешься, где источник того свиста-писка. Издавая его, черноголовка так широко раскрывает клюв, что невольно кажется, будто птица нечаянно сорвала голос и тщетно пытается запеть понастоящему. Свист так тих, что легкое трепетание нескольких березовых листочков заглушает его полностью, и тогда славка выглядит как немая: раскрывает птица рот, но не слышно, что поет. Так свистит самец весной, еще до постройки первого гнезда, когда только-только прилетают самки. И, видимо, для них-то этот тихий сигнал может значить больше, чем та громкая песня, которой наслаждаемся мы.

Пять славок гнездятся в наших местах: серая, садовая, черноголовая, ястребиная и мельничек. Все прилетают из Африки, прилетают каждая в свое время. Черноголовка прибывает второй, в пору цветения лесных яблонь и груш и, словно

очарованная их красотой, в лесу и остается и уже ни в саду, ни на самом тихом пустыре, ни на лугу жить не будет. Та весна, когда в каменистом оазисе запели первые черноголовки, была весной превращения его лесных полос в настоящий лес.

Выглядит черноголовка стройнее своих сородичей. Самца от самки отличить просто, даже когда встречаешь их порознь. У обоих в наряде ни единого яркого, цветного перышка в сером славочьем оперении. Но у него на головке «надета» до глаз черная шапочка, из-за которой везде, где знают эту пичугу, дано ей одинаковое название, самое точное и самое удачное. У самки, у молодых птиц-первогодок, шапочка эта цветом как шляпка темного летнего подосиновика: и не коричневая, и не рыжая.

Чистый светлый парковый лес без кустарника не для черноголовки: в нем много места для пения, но негде построить гнездо. Для него обязательно нужен кустик малины, лещины или красной бузины. Отвратительный запах бузиновых листьев птиц не беспокоит, а спелые ягоды — и корм, и питье, и лакомство и для взрослых, и для птенцов. И в некоторых урочищах, наверное, каждый второй или третий куст бузины и другой лесной ягоды посеян черноголовками, охочими до вкусных и сочных даров лета.

Гнездо черноголовых славок — одна из самых легких птичьих построек. У некоторых пар его стенки и дно даже немного просвечивают снизу. Тепло в нем держится хуже, чем в плотных гнездах зябликов или мухоловок, но зато и не задерживается сырость дождя, и всегда оно сухое, как только что построенное. Быстро растут славкины дети и вместе с ними словно бы растет их временный дом, их колыбель. Птенцы своими маленькими телами растягивают легкую плетенку, делая ее к десятому дню жизни чуть ли не вдвое шире и вдвое ниже той, в которой появились на свет.

В начале мая зазвучали в лесах Подворонежья песни первых черноголовок, последние попадутся на глаза на пороге золотой осени, а сейчас в середине лета многие их семьи еще заняты воспи-

танием вторых выводков. Потому и поют с весенним азартом в тихом летнем лесу голосистые черноголовки, но поют последние дни: едва опустеют их гнезда, перестанут самцы патрулировать и охранять семейные участки — и сразу отпадет необходимость заявлять об этом песней.

СКВОРЦЫ ПРИЛЕТЕЛИ

Ночью такой туманище затопил городские улицы, что на рассвете не было видно летевших над самыми крышами ворон и галок, слышались только взмахи упругих крыльев в белесой мгле. Быстро серел и оседал накопившийся за зиму снег. Такие дни и в середине зимы случались, но были они короче, серее, темнее. Красок и сейчас больше не стало, зато света прибавилось много. Не удивила и тихая песня скворца: их в январе можно было слушать каждый вечер. Но этот скворец пел не в стае, а один, не на месте ночевки, а возле скворечника, и не простое любопытство заставляло его заглядывать в пустовавший с осени домик.

В тот туманный день видели где одну птицу, где двух-трех и, узнавая старых знакомых, верили, что зиме по-настоящему конец. И хотя эти первые гонцы нигде не засиживались и куда-то спешили снова, все равно они сделали свое дело: они принесли весну. А та уже открыла дорогу остальным, и понеслись из-за Дона быстрокрылые скворчиные ватаги, обгоняя под жавороночь переливы тугой теплый ветер. Теперь грянь мороз в двадцать градусов, разгуляйся по-зимнему метель — ни один не повернет назад, ни один не предастся унынию.

Осеннего скворца многие не узнают, весеннего ни с кем не спутают. Те, что улетали в октябре, были черноклювыми и какими-то серыми птицами, а теперь у скворечников всплескивают крыльями блестяще-черные с желтыми клювами. Пообносились за зиму платье: искрошились и осыпались беловатые кончики перьев и открылся чистый с радужным отливом черный цвет. Да и не только по весеннему наряду узнают скворца, — никто из на-

ших пернатых соседей не поет с одинаковым азартом и на старых ветлах у пруда, и на балконе в шумном центре большого города, и на лесной опушке, и на тихой сельской улице.

Собственной песни у скворца нет, и там, где окружающий мир беден звуками, где нечего перенять, хороших певцов не бывает. Все звуки скворцы заимствуют только из первых уст, ничего не перенимая друг у друга, буд-

то запрещено это каким-то птичьим кодексом. Поэтому не бывает у соседей одинакового репертуара, у каждого свое при одинаковой манере исполнения. Когда птица меняет место жительства, ее нетрудно распознать как пришельца именно по песне. Как-то весной один такой поселился в городском сквере, и вместо иволги, лягушки и перепела каждое утро и на вечерней заре я слушал у него чечетку, свиристеля, чижа, ганчку, рябинника помимо других семи обычных для наших мест голосов. Конечно же, был это лесной северянин, не пожелавший возвращаться на родину.

Есть у этих пересмешников излюбленные голоса и звуки, которые воспроизводятся безукоризненно с первого же раза, будь это флейта иволги, пиликанье сверчка, скрипенье коростеля или визг автобусных дверей, звяканье кружки о дно почти пустого ведерка, тюканье топорика по обрубку. Необыкновенен эффект отдаленности: птица произносит звук таким, каким он до нее долетел, и может все повторить без искажения, даже держа что-нибудь в клюве, как чревовещатель высшей квалификации.

Но вместе с тем скворцы словно бы и не слышат некоторых птиц, поющих рядом. Никогда я не слышал у них имитации простой песенки зяблика, хотя живут с ним бок о бок с давних пор. Меняется обстановка, меняется и репертуар. Теперь слышать сверху ржание жеребенка — такая же редкость, как и сам жеребенок. А ведь прежде этим забавлялись чуть ли не все птицы поголовно.

Песни песнями, а с прилета надо занять дом и уже возле него ждать прибытия подруги. Пуст ли будет этот дом или воробьиная парочка уже натаскает в него всякой ветоши, чистить его надобно все равно. И если воробей смело дает отпор стрижу, посягнувшему на его гнездо, то против скворца у него, кроме крика, ничего нет. Невольно посочувствуешь ему, видя, как скворец без тени смущения, но и без злости и раздражения выбрасывает прочь воробьиные манатки, а бывший хозяин и владелец только горестно чимкает рядом. Скворец не единственная птица, которая весной чистит жилье от всякого хлама, но единственная, которая применяет ядовитые растения для его дезинфекции, чтобы избавиться от всяких шести- и восьминогих сожителей, докучающих и самим взрослым, и особенно птенцам. В наших местах для этого скворец больше всего предпочитает помидорную рассаду.

Заняв дупло или домик, скворец с каждым днем все дольше остается возле него, поет до самого вечера, но никогда не остается ночевать. Едва коснется солнце горизонта, мчат скворчиные стаи и стайки к поймам рек, где еще не утихомирилось половодье. Увидишь, как стремительно проносятся над бурлящим Доном сотенные скворчиные ватаги и все в ту сторону, откуда прилетели, невольно подумаешь: не к перемене ли погоды такое бегство? Нет. На завтра погода еще лучше, еще азартнее поют скворцы у скворечников.

Когда прилетят самки, вечерние стаи становятся вдвое больше, потому что и скворчихи, пока не сядут на яйца, ночевать дома не будут. Внешне вроде ничего и не изменится, но в стае птицы летят только парами, не теряя друг друга. Самец следует за самкой на расстоянии одного взмаха,

не дальше. А на дерево садится так, чтобы быть между ней и остальными птицами. Как ни прочен бывает птичий союз, но, видимо, опасения, как бы снова не оказаться холостяком, не так уж беспочвенны. В стае семейный самец хорошо распознает самцов-одиночек и предупреждает, чтобы не приближались. Только когда начнется насиживание, немного спокойнее становится скворчинная жизнь, но снова вместе с холостяками каждый вечер будут слетаться на общую ночевку и семейные скворцы.

В последние дни апреля неподалеку от скворечников и дупел попадают в траве половинки голубоватых скорлупок, выброшенных из гнезд. Вот когда певцу становится не до песен: только бы успеть вдвоем накормить выводок как на дрожжах растущих скворчат. А случается это как раз к тем дням, когда на родину возвращается соловей.

Скворец весной занимает дом для гнезда, он же и охраняет его, когда скворчиха уводит выводок. Она несколько дней докармливает птенцов, чему-то учит их, потом оставляет стаю, а сама возвращается к гнезду. Вернется, конечно, не каждая, но каждую ждет самец и, только совсем потеряв надежду, перестает петь уже до осени.

ОСЕННЯЯ ПЕСНЯ ЮЛЫ

Перед рассветом закатилась за лес луна, потемнело вокруг и пополз неизвестно откуда густой и бесшумный туман, скрывая озерные тростники, кусты, стога, высоченные осокори и крутые берега Хопра. Глуше стали совиные всхлипывания, а свист утиных крыльев был едва слышен сквозь сырую непроглядную пелену. И позднее сентябрьское утро из-за этого самого тумана начиналось не по времени хмурым и неприветливым. Да еще ворон, невидимый сам во мгле, закрукал скрипуче, нагоняя смутную тревогу. Но все это наваждение вмиг рассеялось, как только протрубил зорю проснувшийся где-то в речной пойме журавль. Зычный крик пронесся над заповедным лесом и без эха

прокатился через поле, повторился еще раз громче и сильнее, а потом трубные голоса окончательно разбудили всю округу. Их становилось все больше, и казалось, что там, в ольховой уреме, собрались сотни журавлей, скликаясь последний раз перед дальней дорогой.

Пять, десять, пятнадцать минут нарастала лавина птичьих кликов, и в ту минуту, когда вставало над Прихоперьем невидимое солнце, взлетели, как по команде, первые птицы, выстраиваясь, верные своему журавлиному порядку, на лету вереницей. Не набирая высоты, тянули они к ближнему полю. Изредка их непомерно большие силуэты вдруг возникали из тумана совсем рядом, но через несколько секунд исчезали в нем снова. Только непрерывная переключка взрослых и канареечный свист молодых свидетельствовали, что справа и слева, впереди и позади летели в тумане журавли. Осторожные птицы не спешили опуститься на землю и делали круг за кругом, внимательно осматривая сжатое поле.

В их криках не было той весенней торжественности, но именно они будили в памяти картины ранней весны и совсем не нагоняли осенней грусти. Мало-помалу, занявшись едой, журавли замолчали, и вдруг в наступившей тишине запел лесной жаворонок — юла, ему тут же ответил другой... Нет, это не было похоже на переключку, с которой осенью летит разная мелкая птица. Это была самая настоящая песня, каждый слог которой звучал чисто, отчетливо, размеренно. Мягкий и нежный напев из двух-трех нот тоже не был похож на апрельский, но была в нем та простота и чарующая прелесть, которая делает первые дни золотой осени спокойно-безмятежными. Словно поддавшись этому очарованию, быстро редел туман, оседая тяжелыми каплями на ветках и мелким бисером на паутинных нитях, белым шаром обозначилось солнце. Стали видны до листика кусты опушки, голубые звезды цикория у дороги, отяжелевшие паутинки на комьях свежей пашни, настороженные журавли и оба певца, сидевших на проводах.

И в других местах у лесных опушек пели юлы.

Над песчаной пустошью в нагретом воздухе задрожало марево и поплыл пряный дух доцветающего чебреца. Таял в белесой дымке горизонт, таяли в голубой вышине журчащие трели щурок, и переливы жавороночьих песен баюкали замершие сосны. Распевая рядом, юлы не проявляли никакой неприязни друг к другу. Весной поющему соседу не позволили бы и близко подлететь, не то что сесть на соседнее дерево. Не было повода для ссоры, а дорога у всех, и у тех, что молча сидели тут же или бегали в низенькой травке, впереди была одна.

Но и весной, когда жаворонок прогоняет со своего участка чужака, в его голосе не слышно раздражения или злости, а вроде бы досада и укор, что можно было, дескать, и стороной облететь.

Да и тому пролетать бы через полянку молчком, может, хозяин и не заметил бы. А то вроде спросил вполголоса, занято ли место, как тут же пришлось удирать, удвоив скорость полета. Драки не было, но, наверное, и в птичьем мире очень неприятно, когда тебя ни за что гонят прочь. Поэтому возвращается хозяин к тому месту, где самка и гнездо, умиротворенный и гордый, но через минуту снова взлетает свечой над деревьями и на километр разносятся переливчатые рулады. Никто ему не мешает, потому что других певцов в лесу еще

мало, да и поют все они внизу, на кустах и деревьях.

Это не было случайной остановкой в пути, потому что и на следующее утро в тех же самых местах, на проводах, на молодых соснах, изредка взлетая в воздух, пели юлы. «Юли-юли-юли-юли...» то выше, то ниже повторяла одна, «юла-юла-юла-юла...» — как ближнее эхо откликалась другая, «лю-лю-лю-лю...» выводила вдалеке третья. Конечно, здесь собрались местные птицы, и, может быть, эти песни звучали как призыв для всех своих, пролетавших мимо. А может быть, это предварительная заявка на участок, куда намерены возвратиться будущей весной, потому что немного среди перелетных птиц таких, кто, как юла, так верен месту своего прежнего гнезда. Из года в год постоянны места и осенних сборов лесных жаворонков.

Осенних певцов среди оседлых и перелетных пернатых немного. В лесу чуть ли не каждый день можно послушать капель пеночки-теньковки. С апреля до октября отзванивает она свое «тень-тинь-тянь-тень-тинь». Только чем ближе день отлета, тем реже даже в хорошую погоду тенькает маленький кузнечик. А в тихом березнячке просвистит короткую песенку другая пеночка, весничка, и долго молчит потом, словно ожидая ответа. Весной и летом она высвистывает ее почти беспрерывно и

совсем в ином темпе. А сейчас этот несложный напев звучит как прощание с родными местами.

Скворец утром оставит стаю и будет час, а то и два пересмешничать возле дупла или домика. Но будто бы позабыла многое птица из своего весеннего репертуара, да и азарт не тот, и крыльями не всплескивает. И жилье это минувшей весной могло быть чужим.

Осенняя песня юлы приятна, но она напоминает картины весны не более, чем пение других птиц в эту пору. Ни у кого в нем нет ни задора, ни звучности, ни той неутомимости, которая удивляет нас в апреле. Едва солнце и теплый ветер сгонят снег с опушек, полян и широких просек, как юла уже на своем месте. Она нашла его без труда, тут ничего не изменилось с прошлого года. Те же сосны, три березки-одногодки и куча старого хвоста на маленькой вырубке. Такие уголки не очень привлекательны для лесных птиц, а юлу они устраивают во всех отношениях.

В апреле погода не имеет особого значения для поющей юлы. В тихое, ясное утро, в ветреный полдень, под низкими тучами и в тумане, под морозящим дождем то прямо с земли, то с макушки сосенки взлетает жаворонок, начиная песню с первого взмаха крыльев. Он висит в воздухе, трепеща крыльями, и кажется, что каждый слог песни и каждый взмах следуют в едином ритме. Удивительно, как сочетаются вместе громкость песни и мягкость ее звучания.

После полудня птичьих голосов становится все меньше. Даже в скворчиных ватагах наступает успокоение. А к вечеру и вовсе повисает над миром тишина, пока в сумерках снова не закричат совы, начиная ночную охоту.

ЗАРЯНКА

На девятый день весны, опередив подснежники, зацвела по опушкам лещина. Вытянулись, потолстели и пожелтели, будто напивавшись солнечного света, ее сережки и ждали только ветра, чтобы тот встряхнул их и высыпал пыльцу. Но ветра не

было, а на ветку с земли вспорхнула оранжево-горлая и оранжевощекая птица, и весь куст мгновенно окутался желтоватым облачком. И не успел золотистый ореол ни осесть, ни отплыть в сторону, как пропела та птица короткую песенку. Помолчав, повторила еще, и словно прибавилось от незатейливого малинового напева тепла и света у весеннего дня.

Короткая песенка та была чиста, как вода в лесном ручье, звучна, потому что не было еще других лесных певцов, и немножко грустна, потому что словно замирала к концу. Этому впечатлению способствовало какое-то задумчивое выражение черных глаз, больших и круглых. Оно настолько гармонировало с минорным напевом, что спой тот певец его чуть быстрее или с соловьиной громкостью, как вмиг исчезло бы все обаяние.

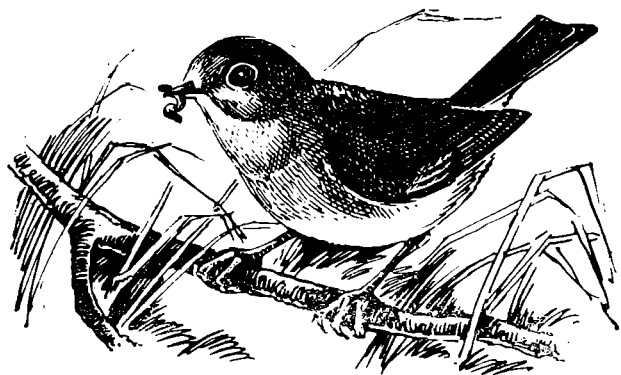
Песня у зарянки и красива, и проста, но ее невозможно описать либо передать словами, как песни синицы, овсянки, соловья. Малиновый свист переходит в звенящую трель, которая замирает неоконченно, словно птица оборвала песню, чтобы начать новую и спеть ее еще лучше. Но и с новой получается то же самое, и со следующей: при одинаковом общем строе, громкости и продолжительности каждая чем-то отлична от уже спетых. Да и соседей нетрудно различить на слух. Один поет в чисто дроздовой манере, не делая продолжительных пауз. Другой, закончив колено, посидит немного молча, словно в раздумье, потом прошебечет следующее.

В разгар весны в хороших песенных местах утром и днем голос зарянки немного теряется в птичьей многоголосице, хотя и поет она не меньше других. Зато к вечеру, на самой заре, когда начинается концерт дроздов, каждого из певцов можно послушать и оценить по достоинству. Успокаивается ветер, никто друг другу не мешает, никто никого не перебивает, и вечернее пение зарянок слушается как убаюкивающее. Гаснет заря, и один за другим смолкают очарованные певцы, их последние трели звучат уже как частица вечернего покоя леса.

Бывает, что и в середине апреля холодный ветер притащит с севера переполненные сырым снегом тучи и, как зимой, в одну ночь пригнет к земле кусты и молоденькие деревца, завалит цветущие подснежники. Но утром в заснеженном лесу снова запоют зарянки, и словно от их пения с потеплевшей земли, с зелено-голубых ковров исчезает белая пелена, и молодые травы снова тянутся к солнцу, как после теплого дождя.

Зарянка не пуглива. К поющей птице можно подойти совсем близко и, если хорошо оглядеться вокруг, то почти без ошибки легко определить место, где будет построено гнездо. Ровное светлое место, чистый лес не для зарянки. В светлом редколесье есть где петь, но там негде построить гнездо по всем родовым требованиям. Зато в овражистых, тенистых урочищах, по старым, заросшим промоинам, по густым, захламленным валежником местам несколько пар обязательно остановятся весной и останутся там на лето. И гнезда зарянки не строят открыто, а обязательно прячут их в какое-никакое, а укрытие: в широкое дупло, под корни, под кучу хвороста или поленницу. Поэтому с первыми птенцами все обходится довольно благополучно, а вот вторых судьба иной раз меняет на кукушонка. К первому гнезду кукушки просто-напросто не успевают, зато второе умеют отыскать, как бы спрятано ни было.

Среди большой дроздовой родни общительных птиц мало. Тех, которые собираются в стаи, можно пересчитать по пальцам. Остальные, кроме тех немногих дней, пока существует семья, живут каждый сам по себе. Такова и зарянка: двух взрослых птиц можно увидеть вместе только у гнезда. Птенцы, сменив до отлета детское платье на взрослое, тоже становятся одиночками. Но какую-то связь друг с другом зарянки поддерживают, подавая сигналы, похожие больше на механический звук, чем на живой голос, — этакое негромкое стрекотание или частое пощелкивание. Если бы их совсем не интересовало присутствие сородичей, молчали бы, как молчат на пролете кукушки, летящие только в одиночку. Возможно, что это сиг-

налы к одновременному общему движению в нужном направлении.

Весной зарянки рано появляются в среднерусских дубравах, иногда чуть ли не первыми из настоящих перелетных птиц, а осенью улетают чуть ли не последними, уже после листопада, в предзимье, когда начнут ощипывать калину свиристели, а по опушкам засвистят снегири. В такую пору молчаливые зарянки даже заметнее, чем весной или летом, и такие встречи в опустевшем лесу запоминаются надолго.

Каких только туч не водит по небу осенний ветер: то еле ползут над землей низкие, тяжелые, полные дождя громады, то степенно плывут в вышине светлые и уже опустошенные, то несется, обгоняя друг друга и перемешиваясь, как в котле, пестрая, клокастая рвань. И еще есть у этого ветра работа — управиться до зимы с листопадом во всех лесах и рощах. Только сделать это одним разом никогда ему не удастся. Одни деревья сдаются легко и быстро, а с иного дуба если и сумеет сорвать сотню-другую жухлых листьев — и то хорошо. И летят через лесную дорогу желтые листья, как золотистые птицы, а им навстречу летят птицы, как пестрые листья: синичья ватажка кочует по лесу, увлекая случайных спутников. Негромко перекликаясь, затерялись они в хороводе листопада, провожаемые недовольным стрекотанием за-

рянки. Словно бы спросила неодобрительно: вы-то, мол, куда, пока я здесь?

Немного странно выглядит этот певец весенних зорь в ненастную пору, когда другие собираются в стаи, чтобы вместе лететь от холодов. Его будто и не страшит дыхание близкой зимы; держится спокойно и уверенно. Без синичьей поспешности высматривает еще не замерших комариков, паучат, последних мух и жучишек и, как поклонившись, ловко схватывает эту мелюзгу с земли, с опавших листьев, с подножий стволов. Только и мелькает оранжевая грудка то на пеньке, то под кустиком бересклета, то на засыпанной листьями тропинке. Осенью не ищет она себе ни пары, ни компании, как самая настоящая отшельница, одинаково недружелюбная к своим и к чужим.

Зарянка и ее родня по семейству — птицы перелетные, но она не любит дальних странствий и в Западной Европе живет оседло. Находятся и среди наших такие, у которых перелетный инстинкт не срабатывает до конца, и они задерживаются до поздней осени и остаются зимовать, и некоторые зимы проходят для них благополучно. Но если добротню одетые снегири в самые морозные дни вызывают восхищение, то хрупкие, тонконогие зарянки даже в дни оттепелей — искреннее сочувствие, хотя такие дни для них вроде праздников, потому что оживают пауки, сидят на снегу и летают между стволами нежные комарики — привычная добыча зарянок.

При быстром и внезапном наступлении холодов зарянки осмеливаются искать убежища на ночь в сенцах лесных кордонов или в подъездах больших городских домов. Если зима приходила не спеша и без своих свирепых спутников, то птицы, поборов робость и осторожность, но без робьиной назойливости все равно держались возле жилья, где им перепадало что-то.

Одна прожила зиму до самого ледохода и прилетела своих на иждивении рыбаков. Сначала она собирала крошки, обрывки червей и мотыля, потом, привыкнув, стала брать угощение из пальцев. Безбоязненно садилась на плечо, на рукав полушуб-

ка, но в руки все-таки не давалась. А поскольку на том добычливом бнрючковом и окуновом месте никогда безлюдно не бывало, была та зарянка-зимогорка ежедневно сыта. Другая прожила возле бригады охотников, третья возле кур живилась до весны. Четвертой не повезло: в самые холода ее поймали, посадили в клетку, корма насыпали на десятерых и внесли в теплую комнату. Но птица не только не запела от радости избавления от мороза и голода, а как-

то сникла, погрузилась и умерла, не притронувшись к пище. Забота и сострадание обернулись для нее гибелью из-за резкой перемены обстановки.

Однажды в конце октября, уже после нескольких заморозков я сорвал в луговой отаве цветущий нивяник. В комнате букетик последних цветов не стал пышнее или свежее, а быстро поник и увял, напомнив о той зарянке.

СОСТЯЗАНИЕ ПЕРЕСМЕШНИКОВ

Февральские дни за окном начинались скрипом шагов и воробьиным чимканьем. В марте воробыи голосистее не стали, но морозный утренний скрип сменился на сухой хруст. То, что под лучами вчерашнего солнца превращалось в сырую снежно-ледяную кашицу, за ночь замерзало снова и хрустело под ногами, как битое стекло. К полудню под теплыми лучами шаги снова делались почти бесшумными, и можно было не останавливаться, чтобы послушать частый синичий колокольчик или нежную дудочку гаички. Но я невольно замер, затаив дыхание, когда из густого сос-

няка раздались звуки, для которых март вроде бы не время, а заснеженный сосновый лес не место.

Сверху, из-за деревьев, слышалось одновременно щенячье повизгивание, скрежет пилы куриное кудахтанье, легонькое позвякивание (словно на бабке косу отбивали), трелька пеночки-веснички, свист и щебетание лесных и нелесных птиц, которые появятся здесь по крайней мере через месяц. Все это время от времени перебивалось истошным воплем сойки. Постепенно необыкновенный концерт удалялся в сторону от дороги. Сначала терялись самые нежные и тихие звуки, потом исчезли поглубже и погромче, и, наконец, совсем приглушенно донесся хриплый крик, каким эти птицы объявляют в лесу тревогу или приветствуют своих.

В погожий денек, когда зиме приходится потесниться хотя бы на опушках, удастся послушать еще несколько птичьих квартетов, трио и дуэтов, побывать на певческих состязаниях расписных пересмешниц-соек. Я слушаю их давно каждую зиму, знал очень талантливых птиц и постараюсь передать, как это выглядит в действительности и как представляется моему воображению, ибо без догадок и предположений, наверное, никогда не удастся подобрать ключ к сложному птичьему ритуалу. К тому же все сойки в лесу для меня как одна. Различать друг друга могут только они сами.

В конце февраля, в тихие ясные дни, когда ладонь уже ощущает тепло нагретых стволов, у соек появляется и свободное время, и хорошее настроение, и приходит пора подыскивать пару и создавать семью. Но кажется, что на исходе зимы в лесу самцов соек в несколько раз больше, чем самок. (Ведь немало этих птиц улетело осенью.) Поэтому у последних есть возможность выбора, и они не спешат соглашаться на первое предложение и будто равнодушны к первым ухаживаниям. И поющего счастливца-одиночку удастся увидеть намного реже, чем сразу нескольких соперников, увивающихся вокруг одной самки. В конце концов каждый из них найдет себе пару по душе, у каждого будет семья не хуже и не лучше других.

Еще никто не заявлял прав на владение гнез-

довой территорией. Открытая неприязнь друг к другу, ссоры и драки между самцами исключены. Искусство полета и показать негде, и ни одна сойка не сравнится этим искусством с теми, кто действительно может блеснуть своим мастерством. Громким криком тоже ничего не добьешься. Остается заслужить благосклонность чем-то приятным, и ради единственной слушательницы в лесу устраивается настоящий концерт. А уж на том концерте кто во что горазд.

В ее небольшом певческом окружении есть и настоящие таланты, которые могут удивить и покори́ть самых придирчивых любителей и знатоков птичьего пения, есть и робкие новички, у которых, кроме непонятного щебетания, шипения и взвизгивания, больше ничего нет. Наших соек природа одарила не только пестрым нарядом, но и талантом пересмешничества. И каждый поет то, что понравилось ему самому и поэтому кажется наиболее благозвучным, чем он рассчитывает произвести впечатление и понравиться больше своих соперников, вплоть до совершенно невероятного и не существующего в окружающей природе смещения звуков.

Поющий самец выглядит несуразно головастым, поставив перья на голове почти торчком. В эти минуты и он, и остальные настолько заняты ухаживанием, что немного теряют обычную осторожность и позволяют смотреть на себя вблизи. Видно, как трепещет перо на горле, а до слуха долетает не птичий голос, а однотонное мурлыканье с ритмичным позвякиванием чайной ложечки о край тонкого стакана, шепелявое причмокивание с протяжным мяуканьем и что-то вовсе неузнаваемое.

В разгар весны, в начале лета сойки поют уже на своих гнездовых участках. Но время другое, и другие песни наполняют лес. И сойки мешанина звуков уже не доставляет удовольствия, если даже рядом поет одна-единственная зарянка, не говоря уже о соловье, черном и певчем дроздах и других искусниках и виртуозах. Однако я и тогда не упускаю возможности послушать зимнего пересмешника, чтобы узнать в его бормотании зна-

комые звуки и когда-нибудь окончательно выяснить и вкусы, и способности этой жизнерадостной птицы.

Видимо, есть у пересмешников — и рядовых и талантливых — правило: складывать собственную песню из того, что услышал сам, как говорится, из первых уст, не допуская никакого повторения или заимствования у своих. Поэтому у молодых самцов-первогодков очень мало, а то и вовсе нет хороших птичьих голосов. Летом они начали познавать мир, когда время песен уже кончилось и в лесу, кроме последних зябликов и теньковок, послушать было некого. Осенью только дятлы стучали в этих сосняках да королюшки попискивали. К тому же у самих соек сентябрь—октябрь рабочие месяцы. Зимой возле кордона жилились, слыша каждый день, как просится домой озябший кот, как объявляет о снесенном яйце курица и возвещает полдень петух, как блеют голодные овцы, как пилят дрова, тявкает собачонка, тарахтит старый тракторишко. И, конечно, чем старше самец, тем «набористей» его песня, тем больше шансов на успех, и он раньше своих соперников обзаводится семьей на новый сезон.

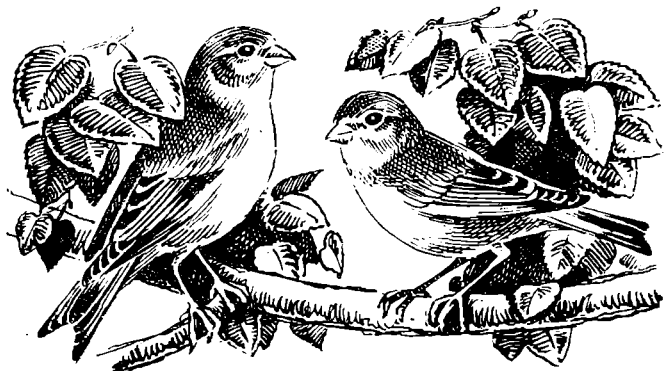
К тому же нет в зимнем лесу птицы наряднее сойки. Голубое перо на крыле ярче и чище синевы неба, надхвостье белее снега, и птица умеет показать свою красоту, плавно перелетая с дерева на дерево. Широко развернув крылья, она легко, без единого взмаха планирует в чаще, чем-то напоминая полет воздушных гимнастов под куполом цирка. Но у каждой наряд, перо в перо, повторяет другие, им не выхвалишься.

На исходе зимы в лесу много света и очень много тишины. Когда его деревья стояли в снеговом убранстве или в тонком кружеве изморози, эта тишина подчеркивала торжественность зимнего покоя в королевстве дикой природы. Но под теплым мартовским солнцем в лесу уже мало немой красоты, ему нужны голоса грядущей весны, и барабанная дробь дятлов, удалой посвист поползней, мяуканье и щебетание соек словно приближают ее возвращение.

Первый весенний дождь прошел над городом перед самым рассветом. Правда, все его капли можно было сосчитать по сырым темным пятнам на сером асфальте, но все равно это был дождь, и начинавшееся апрельское утро уже отличалось от вчерашнего настоящей последождевой свежестью. В воздухе еще не было смолистого духа молодой тополевой листвы, но зато и пыли тоже не было. На пустых улицах гудели с фонарных столбов и антенн кольчатые горлицы, бодро чимкали выпавшиеся воробьи, позванивали синицы-горожанки, а с самого высокого дерева сквера навстречу встающему из-за домов солнцу посылала заливистые, жужжащие трели зеленушка.

Есть гриб с таким названием, есть — рыба, и хотя действительно оперение певца зеленоватое, с яркой желтизной на крыльях и хвосте, ему как-то более подходит другое, данное птицеловами и любителями певчих птиц: распев. Именно распевает в полный голос зеленоватая птица все, что есть у нее в запасе для весны. И если большинство самцов из-за молодости и неопытности выводят самые обычные для своего вида коленца или строфы, то «старички» иногда заставляют задуматься, что за птица залетела ненароком в наши края. У таких не просто талант к созданию собственной оригинальной песни, — у них проявляется редкостный для всего их семейства дар пересмешничества.

Но если первый из местных пересмешников — скворец поет чужие песни вполголоса или даже еще тише, то зеленушка выдает простой синичий напев с такой силой и звучностью, что, слыша его, сама синица, наверное, смолкает от смущения, а бессвязные воробьиные выкрики складывает так, что ими можно заслушаться, как песней канарейки. И поет распев не только с ветки. Весенним утром не сидится ему на дереве: носится он в воздухе, описывая круги или неправильные восьмерки и не смолкая ни на секунду. В этом полете он немного напоминает жаворонка, но тот поет, повиснув на месте, не одну и не десять ми-

нут, а зеленушка, взлетев, спешит скорее опуститься, будто опасаясь, что займут приглянувшуюся ему веточку. На самом же деле это довольно миролюбивая птица, и мне ни разу не приходилось видеть ссор, драк или иных проявлений неприязни между соседями, прилетающими петь и токовать на чужие участки.

Меня больше всего восхищает верность зеленушек родному месту. Самка, если она жива и если никто ей не помешает, будет каждую весну строить новое гнездо точно там же, где было в прошлом году и в позапрошлом. Ее постройку не сравнить с гнездами щегла или зяблика по тщательности наружной отделки. Выглядит оно построенным наспех и без умения, но зато теплое. В апреле то холодный ветер, то дождь или ночные заморозки — явления довольно обычные, и толстые стенки гнезда надежно защищают яйца. Строится гнездо на дереве или иногда на кусте, но не настолько низко, чтобы в него можно было заглянуть.

Самец в строительстве никакого участия не принимает: его главные заботы начнутся потом. Две недели он будет кормить самку, которая от гнезда никуда не отлучается, пока в нем яйца, а когда вылупятся птенцы, он будет и основным кормильцем детей.

А после того как слетки оставят полуразваленное и растоптанное гнездо, они полностью пере-

ходят на его попечение и он один докармливает и доучивает молодняк. Чтобы не затруднять отца поиски, каждый из птенцов, сидя в гуще листвы, негромко и ритмично подает голос: мол, здесь я и хочу есть. Каждому он принесет по несколько раз на день облусканных семян и только тогда расстанется с ними, когда придет время кормить новых, потому что самка, не дожидаясь, пока первый выводок станет самостоятельным, построит гнездо для второго и снова сядет насиживать.

Зеленушки верны не только тому месту, где было первое гнездо, они вообще не любят менять на что-то новое излюбленный сад, парк или рощу. Понадобилось около семидесяти лет, чтобы эти птицы поселились в лесных полосах Каменной степи. Этот оазис прямо кишел разными пернатыми, а зеленушки бывали в нем только на пролете каждую весну и каждую осень, но никак не хотели оседать на постоянное жительство. И только совсем недавно первая пара построила гнездо в одной из самых старых лесных полос. Но зато это уже навсегда.

Днем в городском шуме, в треске и фыркании моторов теряются голоса уличных певцов. Видно только, как раскрывается клюв и дрожит хвост. Но перед закатом, когда становится потише, снова раздаются с тополей, увешанных багряными сережками, торопливые, но законченные и четкие трели зеленушек, или распевов.

МАЛЕНЬКИЙ ХОЗЯИН ГОРОДСКОГО СКВЕРА

Когда в самые первые дни лета летит по улицам назойливый тополевый пух, единственное место, где от него находится какое-то спасение, — густая липовая аллея в городском сквере. Мягкая свежая листва лип гасит рев автобусов, съедает сизый дым их выхлопов, и ветер проносит сквозь нее только мелкие пушинки. Но если бы не было этого пуха, наверное, не обратил бы я внимания на кусок бечевки, свисающей из толстой развилки

прямо над дорожкой. Раскачивает ветер обрывочек ветхой веревочки, облепленный тополевой метелью, а там, откуда он свисает, гнездо. Неаккуратное, даже неряшливое гнездо из сухих травинок, ниток, клочков ваты, двух автобусных билетов и этого самого обрывка.

И не сразу заметишь, что из этой кучки ветоши торчит вверх серый птичий хвостик, а с другой стороны — серая головка с острым черным клювиком. Кажется, птица, поймав на себе взгляд, замерла изваянием и боится даже глазом моргнуть. Но через минуту вдруг закопошилась, словно ей неудобно сидеть, сменила позу и снова застыла. Гнездо над самой головой, рукой дотянуться до него можно. Под ним тысячи людей проходят ежедневно, и птица давно привыкла к такой обстановке. И не потому копошится в гнезде, что неудобно, а надо яйца переворачивать, чтобы из них птенцы вылупились. Так все птицы делают.

Так делает и серая мухоловка, самая обычная и самая незаметная птица наших сел, городов, лесов. Самая невзрачная она из наших певчих птиц: вся серая — сверху потемнее, снизу посветлее. И весеннюю песню ее песней не назовешь: так, писк или цыканье какое-то негромкое. Правда, слышен этот писк, как и многие тихие голоса природы, довольно далеко даже сквозь шум ветра в листве или звуки улицы. Нарядом ей, пожалуй, только соловей уступит. Но у того песня какая! Пением же мухоловке уступит только дубонос. И не различить у мухоловок по окраске, кто самец, кто самка, но сами они не в претензии друг к другу.

Сейчас она сидит в гнезде, а он патрулирует сквер. Еще могут появиться здесь другие мухоловки, а это просто недопустимо. Он безразлично относится к живущей рядом паре зябликов, к парам зеленушек и пересмешек, терпимо — к воробьям, шарящим прямо вокруг его гнезда, но если окажется хотя бы в сотне метров такая же мухоловка — быть драке. Я как-то нашел в лесу трухлявый остаток осинового ствола, на сломе которого мухоловка сделала свое гнездо. А чуть ниже ее, в дупле, выдолбленном еще раньше малым пест-

рым дятлом, вертишейка выкармливала одиннадцать своих птенцов. Всякий раз, когда она подлетала к дуплу с полным клювом муравьиных куколок, мухоловка приподнималась в гнезде и щелкала навстречу ей клювом. Но выглядело это настолько беззлобно, что казалось соседским птичьим приветствием. Не больше.

Щелкает мухоловка клювом и тогда, когда охотится. Ее виртуозный бросок за мухой, комаром или бабочкой трудно проследить взглядом, настолько он стремителен. Птичка не гоняется за добычей, а сидит на сухой веточке, на проволоке или еще где, высматривая насекомых. Потому и сидит всегда открыто, чтобы видеть все впереди и позади, вверху и внизу, справа и слева. Точно рассчитав траекторию полета жертвы даже за десяток метров, ловит ее без промаха. Только в сумерки меняется тактика охоты. После захода солнца мухоловка чаще охотится с земли: так легче заметить на светлом фоне неба даже самую маленькую мушку. Так же поступает и ласточка-касатка в пасмурную погоду, летая над самой землей.

Пока держится в аллее утренняя прохлада, самка сидит на гнезде довольно крепко. Но как раз в это время и есть хочется. Раз в полчаса супруг принесет какую-нибудь мушку. Тогда она, быстро слетев с гнезда, принимает угощение. (И на том спасибо.) Он исчезает снова, и она еще минуты две ловит, что сумеет, тут же рядом, — и снова в гнездо греть яйца.

В хорошую, теплую погоду насиживание не так уж обременительно: можно и самой на солнышке посидеть, перо перебрать и почистить тщательнее. Вот когда птенцы выведутся, тогда обоим дня будет мало. И едва только воспитают первых, как сразу же будет построено гнездо для вторых. Чуть ли не позднее всех других перелетных птиц прилетают к нам мухоловки, а успевают в середине августа увести с собой второй выводок, докармливая его по дороге насекомыми и ягодами.

Я эту мухоловку третий год знаю, третий год ее гнездо все в одной и той же развилке. А о супруге ничего сказать не могу, — все он носится с

утра до вечера по скверу с видом деловым и задиристым, пугая иногда воробьев, шныряющих возле гнезда. И хотя воробей вдвое тяжелее этого маленького забияки, в драку не ввязывается, не выдерживает стремительного нападения и улетает прочь.

Если бы все пять яиц, которые лежали под мухоловкой, были снесены птицей в один час и если бы в один и тот же час через полторы недели в гнезде появились все как один птенцы, то и тогда бы через несколько дней между близнецами наметилась разница в развитии. В этом гнезде каждое утро при-

бавлялось по яйцу, а четыре птенца вылупились из них часов за пятнадцать. Под скорлупой пятого не было жизни.

И получилось так, что, когда двое уже могли понемногу летать, два других только расправляли коротенькие крылышки, приподнимаясь над растоптанным гнездом, и тут же ложились снова. Пока стояло ведро, пока с охотой у мухоловок шло хорошо, каждый получал сколько просил. Но вот после основательной грозы тучи так и не ушли с неба. И в один из дождливых дней, когда мухи отсиживались под листьями, вместо того чтобы летать, в маленькой семье создавалась конфликтная ситуация.

Сверху гнездо было защищено толстыми ветками, и капли дождя в него не попадали, но мелких брызг от листьев отскакивало достаточно, и на-

мокали спинки птенцов. Те, что были покрупнее, отряхивались то и дело, а малыши лежали, прижавшись друг к другу, и молча мокли.

Став под соседним деревом, я стал свидетелем того, что никак нельзя назвать инстинктивным поведением. Оба родителя, мухоловка-отец и мухоловка-мать, быстро поняли, что в первую очередь надо спасать малышей, и стали кормить только их. Однако за кормом тянулись все четверо, и тогда мать выманила из гнезда обоих старших, чтобы не мешали. Она села с крупной мухой в клюве на сухую веточку метрах в пяти от гнезда и стала подзывать птенцов эдаким «сии-ц-ц, сии-ц-ц». Конечно же, оба уже умеющих летать сразу перепорхнули к ней, голодные, а двое так и остались лежать в гнезде, вызывая сожаление своим видом. Но мать мгновенно метнулась к ним и чуть ли не на лету отдала муху. Потом их покормил отец, потом еще несколько раз оба.

И вот тогда те двое обманутых, прямо-таки негодующе или недоумевающе пища, один за другим вернулись в гнездо и сели в нем так, что если бы родители не видели разницы в детях, все доставалось бы только им. Но мать снова отозвала легковерных в сторонку. Стало быть, кормит мухоловка даже в собственном гнезде не любой открытый рот, как бы голоден он ни был. Не все в семье для нее одинаковы, и она знает, кому корм нужнее, когда его маловато. Такое можно и у воронок наблюдать в плохую погоду.

Эта уловка с мухой повторялась еще несколько раз подряд, а потом ни тот ни другой, основательно проголодавшись, больше не внимали ее обман-

чивым призывам даже с ближних веточек и стойко сидели рядом с гнездом, то и дело повторяя то в унисон, то вразнобой просящее «цзси, цзси, цзси...» Мать не гнала их прочь силой, она повисала в воздухе с добычей в клюве то перед одним, то перед другим. Они широко раскрывали рты, но с места не двигались.

Отец, тот поступал проще: подставлял им плечо и, нагнувшись к гнезду, кормил одного из малышей. Тогда старшие тоже залезли в гнездо и плотно улеглись в нем. Только этот трюк не помог им, и отец не обратил на это никакого внимания, словно и не было их вовсе. А мать совсем перестала подлетать к гнезду и только попискивала издали, пока там снова не остались только маленькие.

Казалось, что птицы уже ничего нового придумать не могли и на несколько минут совсем перестали носить корм. И, кажется, тогда первый из птенцов сам поймал свою первую добычу. Но это могло именно показаться, потому что сделал он это совсем не по-мухоловски: вспорхнул, прицепился к коре ствола, ткнул неловко в нее клювом и снова вернулся на прежнее место.

На следующий день дождя не было, но и погоды тоже, а события возле гнезда мухоловок были еще интереснее. Гнездо было пусто. Хватило суток, чтобы даже самый маленький сумел перепорхнуть на соседнюю липу, с нее — на третье дерево и молчком сидеть там на сухой веточке, а матери кормить его почти непрерывно. Второй оказался на попечении отца совсем в другой стороне. А те двое, кому вчера был сделан ясный намек, чтобы охотились сами, так и делали. Они как-то по-соловьиному скакали по дорожке, в подстриженном газоне, спотыкаясь о травинки, и склевывали разную мелочь. То и дело они попискивали, сигналив родителям, но никто не спустился к ним, не принес ни мошки.

Однако то ли они устали вскоре, то ли еще больше проголодались от такой охоты, один из них, взлетев сначала мне на голову, а потом на дерево, быстро отыскал малыша и сел рядом, плотно прижавшись бок к боку, голова к голове. Посмотр-

реть со стороны: трогательная братская любовь. Но мать лучше поняла, в чем дело, и сумела отманить хитреца тем же приемом, что и вчера. Урок того дня не прошел даром, и он не дал себя обмануть дважды и второй раз не только с места не двинулся, а вспорхнул мадышу на спину, придавив того совсем к ветке. Но... ничего не получил. Он и на другую сторону пересаживался, а мать хотя и была не очень расторопна, всех мух отдавала только меньшому.

Старший и пищал, и крыльями тряс, а к нему — как к чужому. Но все-таки не выдержало материнское сердце этого настырного выпрашивания и сунула она ему без всякого видимого раздражения раза три или четыре по хорошей мухе и маленькую бабочку. А может быть, потому и дала, что потеплело в воздухе, тучи поднялись и с охотой стало полегче.

Об этой семье стоило узнать и рассказать до конца, но только с утра третьего дня писк и цыканье раздавались сверху с такого густого тополя, что лишь изредка удавалось увидеть кого-то из взрослых мухоловок, подлетающих к дереву с кормом в клюве.

Птенцы исчезли, как будто и не было их. Растоптанное ими и теперь никому не нужное гнездо без присмотра стало намокать даже от небольшого дождичка, обветшало совсем, превратившись в какую-то грязную нашлепку. Но писк старых мухоловок был слышен здесь каждое утро. Где-то рядом было сооружено второе гнездо. Но птицы стали как будто осторожнее. Самец-мухолов уже не так бдительно охранял участок. Да и никто на него уже не претендовал, и все соседи, кроме воробьев, улетели из сквера: пересмешки — совсем, зяблики в лес подались линять. Среди деревьев на заре только воронки мелькали, спугивая с листьев мелких насекомых.

Может быть, не так проста и сытна жизнь мухоловок в городе, но есть у городских птиц одно преимущество перед лесными: в этом сквере и других местах они полностью избавлены от внимания кукушки и воспитывают только своих птенцов.

А в лесу нет-нет да и приходится парочке кормить кукушонка. Таким для второго выводка времени не остается.

ЖИВЫЕ ГИРЛЯНДЫ

Кажется, ночью был ветер, который выдул с улиц и площадей автомобильную гарь, и утром небо над городом было таким же чистым и голубым, как над Усманским бором или донскими лугами. Молча носились в этой синеве редкие стрижи, не успевшие улететь со своими из-за поздних птенцов. А тысяча воронок, слетевшись с разных сторон, повисла двумя черно-белыми гирляндами над широкой улицей чуть выше крыш ее домов. Издали провода, на которых сидят ласточки, видны только своим блеском, и кажется, что птицы держатся в воздухе на сверкающем луче.

На другой улице такая же стая каждое утро собирается на узеньком, в пол-ладони карнизике. Ни у одной из ласточек нет постоянного места. Только холодные ветер и дождь заставят их прижаться друг к другу, обычно же каждая сидит на строго отмеренном пространстве, как в строю. Если кто-то подвинулся к соседке ближе положенного — моментально короткая ссора. Жить друг без друга не могут эти миловидные птицы и вместе с тем до странности сварливы, да и до драки нередко доходит. Конечно, ласточка своим слабым клювиком увечья нанести не может, но ущипнет или за перо дернет чувствительно. Большинство птиц в этих стаях молодняк, недавно вышедший из-под опеки взрослых, но в поведении тех и других уже не видно разницы.

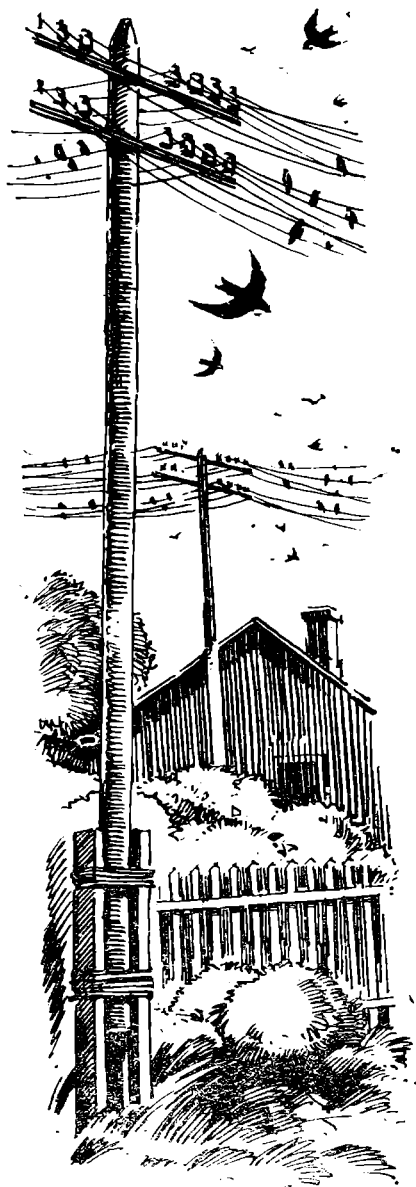
Мне не раз приходилось видеть в колониях и стаях воронок такие сцены, в которых внешняя кротость, миловидность и беззлобие никак не вязались с поступками в отношении ближнего. Ссорятся взрослые, перепутав гнезда в строительной спешке, дерутся из-за комочка грязи, когда этого добра на миллион гнезд хвátит, сами лезут на конфликт, пытаясь захватить чужое гнездо. Птенцы за-

дают трепку друг другу еще до того, как перестанут быть желторотиками, и эта драка ничем не напоминает игру щенков или котят: дерутся по-настоящему, со злостью и ожесточением.

Правда, бывает это не в каждой семье, и виновата здесь прежде всего погода. Едва похолодает (а в августе такое может случиться в любой день), как прячутся неизвестно куда мухи и попробуй тогда прокормить даже двоих. А они хотят есть ежеминутно. Высунется один из летка и, не переставая, настойчиво и требовательно выкрикивает «виррь... виррь... виррь...». Родителям порядок в семье наводит некогда: раз верещит — значит, накорми... Сидящий сзади уже не может терпеть и просить. Он хватает братца, что называется, за ухо и тянет в гнездо, чтобы занять его место. Об этом я уже рассказывал, но после этого в одной семье довелось увидеть большее.

Доведенный до отчаяния птенец дал такую трепку эгоисту, что тот выбросился из гнезда и полетел за родителями. Оставшись один, маленький забияка высунулся чуть ли не наполовину и начал выкрикивать свое «виррь... виррь...». Но родители вдруг почему-то перестали кормить обоих. То ли дело шло к вечеру, то ли они хотели выманить из гнезда и второго. Тогда изгнанный, полетав еще немного, решил вернуться домой: там все-таки что-то перепадало, но братец не пустил его туда ни первый раз, ни второй, ни третий, а на четвертый схватил за ногу и не выпускал с минуту, пока тот висел вниз головой и, трепеща крыльями, орал от обиды. В семье серых мухоловок в голодный день тоже пытались ловчить, но до применения силы не доходило, ни один не ущипнул другого, хотя есть хотелось отчаянно.

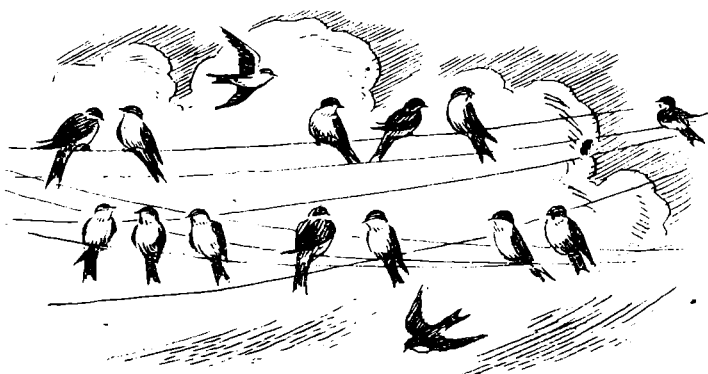
С другой стороны, когда хотя бы у одной пары в колонии случается беда, поражает отношение к происшествию соседей и даже птиц с других домов. Разбитое гнездо на окне или под балконом — это уже переполох для всех: целым роем с тревожными криками выются перед ним воронки, словно осуждая это событие и выражая поддержку потерпевшим. Помощи, конечно, ни от кого никакой, но на

сопереживание или сочувствие это похоже очень.

Кого может испугать воронки? Только муху. Но в дни, когда молодняк покидает гнезда, весь взрослый состав колонии или стаи становится агрессивен к другим птицам, которые побольше ростом. Они дружно бросаются за пролетающей мимо галкой; за голубем, стараясь поскорее отогнать их подальше, хотя опасности от них никакой. Но не боится ласточек даже голубь и, как бы забавляясь или дразня их, кружит над улицей, а за ним гоняется целая ватага сердитых воронков. И чем необычнее расцветка пера у голубя, чем больше пестроты в его платье, тем злее преследуют его маленькие соседи.

А так воронки даже воробья боятся. Да в городе у них, пожалуй, кроме домового воробья, и нет иных врагов. То, что воробьи зимой ночуют в гнез-

дах ласточек, еще не беда. То, что с весны устраивают в них свои гнезда, еще полбеда: воронки найдут место для нового и спят еще лучше, чем было. Хуже то, что воробей, устроившись в одном гнезде, не пускает никого и в соседние и нагоняет такого страха на воронков, что они и близко не подлетают к своему же бывшему жилью даже в отсутствие захватчика.

И верхом воробьиного разбоя является захват гнезда с яйцами. Если воронки довели строительство до конца, воробью в него не влезть. Но нередко бывает так, что гнездо чуточку не достроено, а насиживание уже началось. Тогда стоит хозяевам неосторожно отлучиться из него на несколько минут, как воробей уже там. Обычно это самец. Он сидит внутри, поблескивая злым глазом, пока обездоленные ласточки не поймут бесплодность попыток изгнать его. Тогда он начинает выбрасывать яйца: с каким вылетит наружу, какое выкинет, даже не высовываясь. А после этого начинает перестраивать гнездо на свой вкус.

В остальном же жизнь воронков в городе спокойна и безмятежна.

ХОХЛАТЫЕ СТРАННИКИ

Ни одна из примет народного месяцеслова не предвещала такой свирепой зимы. Небывалый морозище ахнул в самый канун Нового года, снега за два дня навалило — ни проехать, ни пройти. Попрятались и молчали озябшие воробьи, едва попискивали не отлетавшие от кормушек синицы, искреннее сочувствие вызывали нахохлившиеся вороны, и чуть ли не на лету замерзали красивые дрозды-рябинники. В городе было ничуть не теплее, чем в лесу или в поле, но во дворах и на улицах как ни в чем не бывало пировали на застывших рябинах красавцы свиристели.

В морозную стынь сотенные стаи хохлатых птиц, не пугаясь ни автобусов, ни пешеходов, с завидным аппетитом ощипывали рябиновые гроздья и торопливо глотали твердые как камень сладковатые ягоды вместе с налипшими на них снежинками. Разность температур птичьего тела и морожѐных ягод была, пожалуй, более семидесяти градусов, но свиристели так поспешно срывали и проглатывали красные ледышки, словно опасались, что не каждому достанется его доля. Проглотив три-четыре ягоды на ветке, птицы уносили в клюве еще по одной, проглатывая их уже на лету. В сумерки все улетали в лес, на рассвете снова были у тех деревьев, которые не успели ощипать до вечера. Всего на две недели хватило пернатым кочевникам могучего урожая рябины, и стаи исчезли так же внезапно, как и появились, то ли до весны, то ли до будущей осени. И не предугадать их пути, не предсказать сроков прилета и возвращения.

Сто двадцать лет назад Альфред Брем, начав свой рассказ о свиристеле, написал: «Необыкновенное всегда считалось чудесным, ибо чудесное начинается там, где оканчивается понимание». Внезапное и неожиданное появление неизвестных птиц в населенных странах Европы порождало суеверия, считалось причиной бед и горя, дороговизны и даже войн. Внешнее спокойствие и степенность свиристелей, их лесная доверчивость и безбоязненность — словно выражение покорности собственной

судьбе, забросившей их в чужие страны. Да и орнитологи тех времен знали о свиристеле немного: первое гнездо этой птицы было найдено в Лапландии только в 1856 году за награду в триста серебряных талеров, видимо, деньги немалые.

Давно стала понятной причина осенних и зимних нашествий свиристелей в города Европы и пустыни Казахстана, известны границы гнездовой области, изучены размножение, питание и линька, но ореол загадочности вокруг хохлатых красавцев не исчез. Что задает их стаям изначальное направление перед началом путешествия и обеспечивает возвращение на родину уже другим путем? Ведь осенние и весенние маршруты их миграций не совпадают, а стаи летят по ним, не видя друг друга, но придерживаясь одного и того же курса, будто подчиняясь обязательному заданию, год от года разному.

В детстве я считал свиристелей самыми редкими гостями нашего Подворонежья. (Разных орлов, филина и журавлей и то чаще видел.) Так оно и было, потому что во всем городе росли, наверное, два-три деревца рябины, урожай которых мы, опережая друг друга, обрывали сами в первый же день учебного года. Потом шли в пригородный парк за спелой «барыней» (так в наших местах называют боярышник), и птицам к началу золотой осени оставались только рубиновые гроздья гадючьего паслена да черные с синевой ягоды девичьего винограда и смоляные кисти бузины.

Потом было страшное время, когда в сожженном и взорванном городе не было ни людей, ни птиц. Мирный Воронеж, возвращая себе славу зеленого города, стал избавлять свои улицы и скверы от унылого однообразия и преждевременной желтизны чужеземных кленов. Вдоль домов и дорог выстраивались ряды густых лип, широколистных каштанов, раскидистых ясеней, белоствольных берез, душистых акаций и нежных, песенных рябин.

Из тонких хворостинок вырастали крепкие деревца, и осенью все сильнее гнулись их ветки от наливной тяжести оранжево-алых гроздьев. Бедных даров у рябины не бывает, и с их изобилием

уже не могли управиться случайные стайки дроздов-рябинников и несколько любителей снегирей. Нужен был массовый потребитель, который нашелся довольно быстро: северные кочевники свиристели включили город в число обязательно посещаемых мест. И чуть ли не каждую осень их звенящие стаи налетали туда, где пировали прошлые годы. Если задерживались где-то на хороших кормах осенью, прилетали зимой.

Осыпав рябину, свиристели рвут и глотают ягоду за ягодой, но и в спешке никто нечаянно не обронит ни одной, но потом все меньше рябины остается на ветках, все больше ее краснеет на земле, асфальте или снегу, и никто не спускается вниз, чтобы подобрать рассыпанное. Меня всегда удивляла эта непонятная привередливость, какая-то бессмысленная расточительность свиристелей, одинаковая и при изобилии корма и при его недостатке. Удивляла больше, нежели издавна известная прожорливость. Брошенные ягоды не отличаются ни видом, ни вкусом от тех, которые будут проглочены. Тем более, что вкус рябинового яблочка можно ощутить только раздавив его во рту, а свиристели глотают их целиком.

Похоже, что и не каждая птица в стае относится к корму одинаково со всеми, что у иных что-то вроде скверной забавы. Такие, утолив голод, снова возвращаются на куст или деревце и, как от безделья, начинают срывать ягоду за ягодой и бросать их, даже не пробуя на вкус, словно разыскивая какую-то заветную.

На игру это не похоже. Во-первых, ни птицы, ни звери, живущие в стае, не развлекаются каждый сам по себе. Во-вторых, слишком однообразна у всех эта странная забава и никого не интересует ее результат. В-третьих, в каждом действии должен быть очевидный или скрытый смысл. И этот смысл становится понятным только во время весеннего возвращения свиристелей.

Не потерявшие ни своей красоты, ни степенности птицы, может быть, по старой памяти находят рябиновые деревья и с талого снега, с холодной земли подбирают моченые ягоды, оборванные или

ими самими, или их соплеменниками еще по осени или зимой. Выходит, что не сорили тогда даровым угощением, а делали запас на обратный путь, пусть не для себя, но для своих, для всех птиц своего вида. А если бы сразу подчистили все до ягодки, туговато пришлось бы на опустошенной самими же дороге домой, пришлось бы перебиваться яблочными огрызками на мусорных ящиках, воробьиным и голубиным кормом — на улицах, осиновыми почкам — в лесу.

Все, кто делает запас на зиму, возле него и живут, пока не подъедят последние крошки. Но свиристели — кочевники: им ни с собой взять, ни кладовых, у них нет, и не прячут они лишний корм, а бросают наземь, чтобы прикрыло снегом, будь то рябина, калина, боярышник или что другое. Вот какой способ подсказала птицам природа, чтобы дожить до живого корма и долететь до родных лесов. На холодной земле под снегом ягоды сохраняются почти в свежем виде. Пусть потеряют свой прежний привлекательный вид плодики рябины или боярышника, пусть немного раскиснут от снеговой влаги, они будут съедобны для свиристелей. А те ягоды, что останутся на ветках, или вороны оборвут в оттепели, или высохнут они от морозов, почернеют и прогоркнут, и никому не будет от них проку.

Считалось, что весной свиристели не возвращаются на свою родину по разоренной самими же осенней дороге, где было ошипано все до ягодки. Но в птичьем мире не так редко исключения становятся правилами и наоборот. Поэтому нет ничего невероятного в том, что озеленение городов и посадка полезащитных лесополос за несколько лет изменили поведение свиристелей, получивших настоящее сверхизобилие корма, и зимние скитальцы начинают возвращаться в свою тайгу через те же пункты, где останавливались по осени.

Съесть свиристель может действительно очень много. Но что это за еда? Ведь самое ценное и питательное из яблочек рябины и кизильника, из плодов калины и боярышника — их семена — проходят через организм птицы за несколько минут

без изменений. Земля под деревьями, где после кор-
межки отдыхает стая сви-
ристелей, бывает сплошь
устлана этими семенами.
Для голубей же эти от-
ходы — настоящий дар,
и они, толкая друг друга,
жадно клюют даровое
угощение.

В самое холодное вре-
мя года свиристели жи-
вут исключительно на
ягодных соках и чувству-
ют себя, видимо, неплохо.
Когда смотришь, как сви-
ристель торопливо сры-

вает и глотает замороженные в камень ягоды, то
невольно ощущаешь мурашки на собственной спине
и начинает ломить зубы. Ладонь немеет от горсти
стылой рябины, а ведь птице надо согреть эти ле-
дяшки внутри себя своим же теплом. Чтобы лучше
представить себе зимнюю трапезу свиристе-
ля, на-
до на морозе и на ветру за полминуты про-
глотить полпуда фруктового мороженого, да еще за-
пить его ледяной водой или заесть скрипящим снеж-
ком, потому что птицы эти даже на таком сочном
корме много и часто пьют.

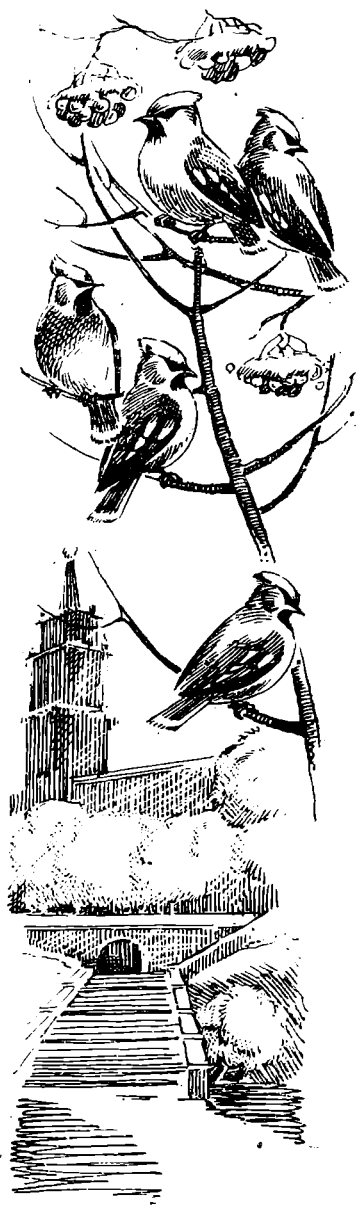
Кажется, именно в питье кроется одна из при-
чин того, что в морозное бесснежье стая за стаей,
как в паническом бегстве, покидают места, где
вкусного урожая хватило бы на всех свиристелей
планеты.

Если нечего пить, свиристелей не удержать и
свежим виноградом: улетят, не возвращаясь. Так
было в морозный, засушливый ноябрь 1975 года по
всему Черноземью. Тогда в одну ночь без ветра
ушли с неба низкие тучи, похолодало и вечерний
туман замерз на кончиках веточек тополей и кле-
нов. Полуденное ноябрьское солнце снова немного
согрело мир, и ледяные капельки снова стали пре-
вращаться в сверкающие капли воды. Прямо с при-
садистых кустов боярышника свиристели взлетали

на макушки деревьев и, повисая вниз головой, проглатывали подтаивающие льдинки, пока те не успели превратиться в капли и упасть на землю.

Когда обсохли веточки, стая нашла еще один выход из положения и продержалась на хороших кормах еще два дня. На дороге тракторы и автомобили чуть ли не в пыль искрошили лед промороженных луж, и хохлатые птицы несколько раз на день прилетали утолять жажду на серое с пылью ледяное крошево, как на настоящий водопой. И не имеет значения, в каком виде будет вода: жидком, сыпучем, твердом.

Получая столь скудную энергию в ту пору, когда ее надо больше, чем в другие сезоны, свиристели умеют беречь ее, расходуя дневной запас только на собственный обогрев и перелет к месту ночевки и обратно. Ни игр, ни лишних полетов, ни громких криков. И характер у птиц спокойный, уравновешенный.

Они все делают вместе: вместе отдыхают, вместе ищут корм и кормятся, вместе пьют, толпой налетая на маленькую лужицу, вместе ночуют и никогда не ссорятся. Как и у скворцов или ласточек, свиристель-одиночка — большая редкость. А стаю летящих свиристелей издали вполне можно принять за скворцов, хотя это птицы разных сезонов. Но в последние годы большие стаи скворцов все чаще остаются зимовать в городах Восточной Европы. У свиристелей также согласован каждый маневр стаи, но по сравнению со скворцами их можно назвать асами: то они плавно тянут над городскими кварталами, разыскивая еще не ощипанные рябины, то до предела снижают скорость полета на виражах, то вдруг с такой стремительностью проносятся в густом переплетении ветвей, что не уследить взглядом. И по этому мастерству безошибочно угадываются лесные жители, которые и в таежной чаще так же проворны, как и в светлом редколесье.

Но такое с ними случается редко: на воздушные игры нужна лишняя энергия, а тут как раз наоборот — все подчинено жесткой экономии ее. Поэтому так малоподвижны, вроде как ленивы или необыкновенно степенны свиристели, так доверчивы и непугливы. В лишних движениях теряется драгоценное тепло, хотя птицы великолепно одеты для любой непогоды. Проглотив порцию рябиновых яблочек, взлетают всеми на высокое дерево и спокойно сидят там несколько минут, лишь ветер встрепывает их артистично зачесанные назад хохолки. Но теперь в городах самые высокие места не макушки тополей, а телевизионные антенны на крышах новых полунебоскребов. И антенны такие, что на каждую может, не теснясь, сесть добрая сотня птиц. Садятся не как попало, а все грудью к ветру и на одинаковом расстоянии друг от друга, сосед от соседа, словно в парадном строю.

Ярких красок у свиристеля немного, но спутать его по внешности с другой птицей нельзя, да и по голосу тоже. Бархатисто-черное пятно под клювом и такой же черноты полоска через глаз, лимонно-желтая лента на конце хвоста и узкая кайма то-

го же цвета на сложенном крыле. Недлиный хвост снизу прикрыт чисто-каштановыми перьями. Остро-зачесанный хохол с красноватым оттенком, а остальное перо того не имеющего точного названия цвета, как цвет дорожной пыли или осенних туч, едва подсвеченных закатным солнцем. Края рга очерчены беловатой линией, придающей взрослой птице некоторое сходство с птенцом-слетком. Но самое замечательное в наряде свиристея — это несколько ярко-красных пластиночек на кончиках семи перьев крыла. Такого оригинального украшения нет больше ни у одной птицы в мире.

Красив свиристель. Красота хохлатой птицы отражена во многих ее названиях. Немцы называют ее шелкохвостом, англичане — воскокрылом, на Украине она — омелюх за особое пристрастие к ягодам омелы, которую и разносит по белу свету, но только в одном направлении, в южную сторону.

Одно русское название тоже дано за красоту, другое — за голос. Однако зимой и осенью свиристели не только свиристыят. Кроме приятной серебристой трельки есть у них и другие сигналы: тихая, трескучая, как у ополовничков, трель, какие-то журчащие звуки, которыми птицы обмениваются, когда спокойны и сыты. Однако эти сигналы настолько тихи, что их удается слышать, лишь случайно очутившись в самой середине стаи.

Я бывал на родине свиристея, но знаю лишь ту половину их жизни, которую они проводят в скитаниях. А там, в северных лесах, это совсем другие птицы. Там они настоящие лесные жители, здесь чувствуют себя свободно в шумной городской обстановке. В Заполярье, в пору солнечных ночей, они ничего, кроме насекомых, не едят, здесь, кроме ягод, мороженных яблок и почек, в рот ничего не берут. Там у каждой пары своя территория, здесь нет пар, здесь для всех стай все общее, и никогда не бывает между ними ссор из-за корма.

Когда-то редкие гости городов, прилетая почти из года в год в те места, где зимой рады всякой птице, свиристели должны были научиться чему-то еще, кроме как рябину глотать да клевать про-

мороженные яблоки. И научились. Стали чуть ли не выпрашивать по балконам и окнам свой привычный корм, стали вместе с городскими воробьями булку и каши есть на кормушках. А это уже еда посытнее. Поэтому теперь чуть ли не в любой день зимы где-нибудь да услышишь на улице, как потихоньку свиристят две-три птицы, не пожелавшие лететь с остальными в поисках лучших мест. Но когда придет апрель, их не удержать на лишний день ни пучком калины, ни иным лакомством.

Многие свиристели уже не первую зиму прилетают в наш город, ведя с собой новичков, не знакомых с городской обстановкой. Они немного пугливее стариков, но рядом с бывалыми птицами быстро преодолевают свою боязнь, словно тут и родились. Ночевать, однако, все до единого улетают в лес. Потом там, под соснами, где хотя бы раз останавливалась на ночевку стая свиристелей, поднимется густая поросль молодых рябинок, посеянных зимними странниками — хохлатыми птицами-красавцами.

ЧЕРНЫЙ ОТШЕЛЬНИК

В августовском бору мало звуков: где-то мяукает последняя иволга да потихоньку дятел постукивает на сосне. Днем жарко, как в середине лета, но уже не летние здесь ароматы и цветы не те. Вместо колокольчиков густой синью привлекает взор стройная горечавка, цветут скрипун — заячья капуста, молодило и ажурный вереск. Еще не зажглись на бересклете оранжевые фонарики под розовыми абажурчиками, но краснеют среди его зелени несколько листочков осенней окраски. Тоненькая рябинка, десятки раз обкусанная лосями, согнулась под тяжестью трех или четырех кистей. Здесь царствует сосна, выше себя она уже никого не пустит, пока будет жива сама.

Но зато под ее пологом внизу расстилается такой ковер рослого папоротника-орляка, какого в дубравах не увидишь. Взрослый лось стоит в этих

зарослях, а со стороны кажется, будто прилег зверь на мягкую лесную постель и вдруг поплыл по ней. Широкие, чуть пожухшие крылья орляка словно связаны меж собой паутиной, припорошенной легкими семенами березы. Под этими разными крыльями-листьями свой особый мирок. Когда идешь через эти мягкие заросли, выскочит на миг и снова юркнет назад то славка или пеночка, то певчий дрозд с тихим цыканьем взлетит на ветку, чтобы оглядеться, то вдруг с негромким квохтаньем метнется черная длиннохвостая птица и, не дав рассмотреть себя как следует, умчится прочь, ловко лавируя между стволами.

Всегда он таков, черный дрозд: чаще услышишь его, чем увидишь, особенно вблизи. Подробности его жизни и поведения мне известны меньше, чем повадки других дроздов, недавних поселенцев наших лесов — белобровика и рябинника, непостоянного в отношении места жительства дерябы, не говоря уже о давнем знакомце — певчем. Он и внешне среди прочих дроздов стоит особняком: у каждого в наряде своя пестрота, а он черен весь, как березовый уголь на изломе, и только клюв у взрослого самца весной да кольцо тонкое вокруг глаза шафранно-желтые. И больше ни пятнышка на нем иного цвета или оттенка. У самки нет ни черного, ни желтого, ее перо цвета темных сушеных опенков, с едва заметными пестринками по груди.

Других дроздов весной и осенью редко увидишь вне стаи, а этот всегда в одиночку, как отшельник. Только в середине лета молодняк из нескольких соседних семей еще кое-как признает общество друг друга. Вместе двух взрослых птиц даже в пору перелета я не встречал ни разу. Никогда не видел и дневного перелета черных дроздов, тогда как другие часто летят через открытые пространства не только ночью, но и днем. Черный же не покинет лесной остров до наступления темноты. В этом он схож со своими дальними сородичами — соловьем и зарянкой.

Его гнездо, если даже в нем нет ни яиц, ни птенцов, можно опознать среди гнезд прочих дроз-

дов с первого взгляда: средний слой готовой постройки сложен на сорочий манер из земли вперемешку с сухими травинками и тонкими корешками. И через год, а то и дольше по уцелевшим на пеньке остаткам гнезда можно уверенно сказать: здесь жил черный дрозд. Он как-то больше других старается быть ближе к земле и строит гнездо то на низеньком замшелом пне, то в развилке ольховых стволов, то в

густой сосновой ветке, обломанной последними снегопадами, в корнях разлапистого выворотня, в основании куста лещины и на крутом берегу лесного ключа.

У черного отшельника и особая манера петь. Всего раз за много лет удалось увидеть его поющим, как юла, весной: на самой макушке молоденького кленочка, оставленного посреди большой вырубki. А так даже в апреле, когда на березах только-только зарождается зеленая дымка, прячется этот дрозд в самую чашу и там поет. Певчий, деряба, белобровик, наоборот, даже в эту пору повыше, повиднее садятся, поэтому и слышно их дальше, и поют, как состязаются друг с другом.

Черный дрозд поет не просто хорошо, поет дивно, покоряя звучностью и чистотой голоса. Колена длинной песни хотя и похожи друг на друга, но высвистываются без повторов, почти без пауз, в одном и том же флейтовом регистре размеренно, спокойно, неторопливо, без резких выкриков и трескотни. Этим звукам трудно найти подходящее сравнение, трудно передать словами, хотя выразительность вечернего речитатива завораживает слушателя, словно таинственное заклинание. Певец нико-

му не подражает, все у него свое. Посредственных исполнителей нет, хотя у кого-то, может быть, вариации и беднее. Но это дело возраста. К тому же этот небольшой недостаток незаметен благодаря безупречному звучанию каждой ноты. Да и сама обстановка концерта такова, что песня только подчеркивает гармонию лесного покоя на весенней вечерней заре.

И так у него это красиво выходит, что хочется слушать приятный, простой напев без конца, как колыбельную. Иногда звучит он в особом «инструментальном сопровождении», но только один из участников птичьего дуэта сидит на дереве, а второй кругами летает над ним. В густом молоденьком березнячке, на краю лесного болотца, свистит черный дрозд, а в небе в розовых лучах заката носится токующий бекас, и размеренно, раз за разом, падает оттуда дрожащее гудение, словно птица цепляется на лету невидимую басовую струну. Так может продолжаться до звезд, а потом дрозд замолчит, оборвав песню, бекас же еще немного покружит в темноте.

Все наши дрозды — птицы ранние и ко дню летнего солнцеворота управляют вывести птенцов дважды. И в июне, после первых птенцов, вместе с другими дроздами запоет и черный, потому что в

новом гнезде, на том же участке сядет снова наспивать яйца дроздиха. В это время легче, чем весной, скрыть гнездо от постороннего взгляда, и оно может быть даже построено на кустике бузины, как это бывает у славок, и в его стенки вместе с сухими травинками будет вплетено несколько зеленых.

Но уже и обстановка, и птичье окружение не те. Длиннее стали зори, больше стало голосов, чем в апреле, и за ними не всегда услышишь рулады черного дрозда, который ничего не изменил в своем пении.

А сейчас, на границе лета и осени, молчаливы и тихи эти певцы весенних зорь и останутся такими до самого предзимья. Будут до заморозков ворошить пахнувший прелью опавший лист, подбеленный снизу грибными прожилками, и доставать из-под него жирных слизней, упругих дождевых червей, вялых жуков и клопов, нашедших в лесной подстилке убежище на зиму. Темп этой охоты-поиска бывает порой таким, что кажется, будто птица торопливо считает листья, пока они не слежались, чтобы успеть выполнить эту работу до снега.

У ручных, вскормленных в неволе дроздов сама собой проявляется эта манера ворошить и переворачивать любые листья: а вдруг под ними что-то есть. А хозяин не перестает умиляться любимцем: «Вот как умен — я читаю, а он мне страницы переворачивает. Только спешит очень».

КАСАТКИ ИЗ ГАРАЖА

Метровой толщины стены старинного дома начинены воробьиными гнездами, из-под стрехи железной крыши свисают обрывки бечевки, пакля, там тоже гнезда. С раннего утра все свободные от семейных забот воробьи собираются на клене и, приводя в порядок свое оперение, кажется, стараются перекричать друг друга. Потом в это чимканье вплетается визг стрижей, стенания кольчатой горлицы, трель зеленушки, колокольчик большой синицы, свист и бульканье скворца и минорная пе-

сенка пеночки-веснички, которая уже вторую неделю никак не хочет улетать из города в лес.

Разноперая и разноголосая компания будит меня по утрам каждый день на две-три минуты раньше, чем накануне. Не открывая глаз, можно по их голосам угадать, какая погода, не случилась ли какая-нибудь птичья беда.

Другое окно квартиры выходит во двор гаража, и вскоре рев моторов, лязг и стук оттуда заглушают даже горластых воробьев. Но однажды слух уловил в этой мешанине живых и механических звуков журчащее щебетание касатки. Поблескивая вороненым пером, пела на проводе ласточка, которую называют деревенской и к которой мы привыкли как к сельской жительнице. А эта пела в самом центре большого города.

Через несколько дней на этом же проводе уже прихорашивались две птицы — семья. А потом я увидел, как перед началом рабочего дня касатки старательно клевали утрамбованную на асфальте лепешку грязи и носили комочки земли в гараж. Трудно сказать, что заставило этих сельских птиц поселиться в такой обстановке, где даже гнездо построить по обычным стандартам касаток непросто. Но эти все-таки построили и вывели птенцов, которые уже с первого дня жизни имели право называться горожанами.

В отношении корма для себя и своих детей эта пара была ничуть не в худшем положении, чем те, которые гнездились в селах, на лесных жордонах или под мостами. По крайней мере у них не было конкурентов, и они ловили на соседних улицах мух, на которых никто больше не охотился. Ранним утром, пока ночная свежесть не позволяла мухам проявлять свою назойливость и они смиренненько сидели на стенах, согреваясь в первых лучах солнца, ласточки носили их птенцам одну за другой. Нацелившись на муху, касатка подлетала к стене, повисала перед ней в воздухе и, вспугнув крыльями муху, тут же схватывала ее клювом, не дав сесть снова на теплую штукатурку.

В сильный ветер, когда мухи не летали, а сидели, вцепившись всеми шестью лапками в асфальт,

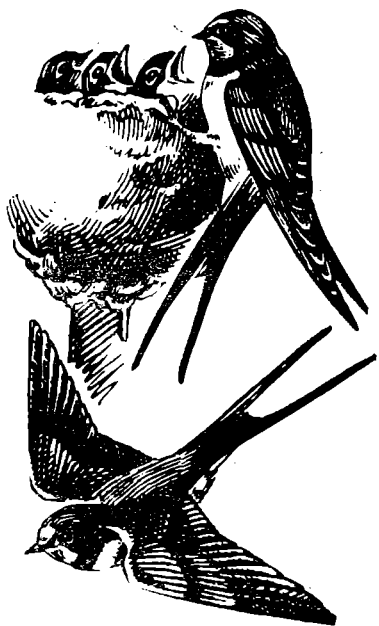
пара ласточек летала на ближнюю площадь и на бреющем полете носилась среди прохожих, успевая подхватывать вспугнутых ногами насекомых. В такую погоду на пастбище ласточки со стадом охотятся, в городе пришлось прибегнуть к нашей помощи.

На площадь и назад к гнезду, независимо от обстановки, касатки летали всегда одним путем, словно подчиняясь правилам дорожного движения: огибали углы, никогда не перелетали через невысокие здания и заборы, за исключением одного, который огораживал двор гаража. То есть они не стремились спрямить путь, хотя для них-то это ничего не составляло. Я говорил знакомым, смотрите, вот та ласточка сейчас повернет за угол направо, а через полминуты вылетит снова и полетит до перекрестка по этой стороне улицы. И она поворачивала и вылетала, не свернув ни разу в другую сторону.

Подросших слетков родители одного за другим выманивали из-под крыши и усаживали на провода сначала во дворе, где сами любили посидеть вечером, потом на ближайшем перекрестке, потом — поближе к площади, куда летали охотиться. Корма птенцам требовалось больше, и надо было сокра-

щать время полета за ним и обратно. Птенцы вели себя, как и подобает в таком возрасте: не самовольничали, друг от друга не улетали. В самую жару, после полудня, они пересаживались в тень на ветки тополя, и родители находили их в густой листве по голосам и сами отдыхали там же, уверенные в полной безопасности. Ведь все окрестные дворы прямо-таки кишели бездомными кошками, но, пока было светло, птичьи враги сами прятались по темным углам.

Когда солнце начинало клониться к закату, пустели и наполнялись прохладой улицы, одна из взрослых ласточек (отец или мать) по очереди уводила весь выводок снова к гнезду на ночевку. Подлетит к одному, пощечечет что-то, трепещет перед ним, и он летит следом до самых ворот гаража. Отведет одного, тотчас же летит за следующим. Ни разу не видел, чтобы домой полетела сразу вся четверка короткохвостых касаточек.

Усевшись рядом на потолочной балке возле гнезда, они еще долго не спали и как на привычных соседей смотрели сверху на людей, возившихся в железной утробе автомобиля, стучавших, зажигавших шипящий огонь сварки, пиливших и точивших металл. Они нисколько не пугались шума и постепенно начинали дремать, прикрывая глаза. Снаружи в эти часы все равно делать было нечего. Утихомиривались и прятались даже воробьи, и только визгливая стайка стрижей гоняла кругами над тесным двором.

Короткая ночь была для этой семьи не короче, чем для других, да и днем удавалось вздремнуть спокойно, потому что на городской улице нечего было опасаться нападения ястреба или иного пернатого хищника. В этом тоже было неоспоримое преимущество перед загородными сородичами.

С чем было похуже, так это с материалами для гнезда, особенно для второго. Всюду асфальт, а ведь касаткам, для того чтобы слепить стенку гнезда, кроме земли нужны и травинки. Тогда и работа идет побыстрее, и постройка получается полегче, но зато и покрепче. В гаражном дворе земли кое-как удавалось наскрести возле мойки автомобилей, но скреплять комочки было нечем, и приходилось лепить их поплотнее, как делают это воронки. Для второго выводка и вовсе подобрать было нечего, и пришлось насиживать яйца снова в том же гнезде, хотя у касаток так уж заведено — для каждого выводка новый дом.

Как ни тепло и дружелюбно относились шоферы и слесари к парочке касаток, но гаражный бокс на ночь надо было закрывать. Ласточки уже сидели под крышей, окончив рабочий день, когда запирались ворота. Утром они терпеливо ждали, когда откроют маленькую дверцу, и тут же вылетали наружу. Но, когда появились птенцы, то нельзя было держать касаток взаперти четыре утренних часа до начала смены, а в выходные дни еще дольше. И кто-то нашел единственно правильный выход — выбил стекло из самого верхнего оконного глазка. Касатки сразу обнаружили новый выход и стали летать только через него. На второе лето стекла, кажется, не стало в тот же день, как только первая ласточка защелкала на проводе.

Пара моих соседей вовсе не была оригиналами-одиночками. Еще в нескольких больших городских гаражах уже несколько лет гнездятся касатки. И вряд ли кто из их потомства вернется когда-нибудь в село: велика у этих ласточек привязанность к месту рождения. Да и чем плоха здесь жизнь для них? Ночью и в любую непогоду над головой крыша, гнезд никто не разоряет, ястреб летом сюда не показывается, кошкам до гнезда

тоже не добраться, и нет никаких конкурентов. Городские ласточки, воронки, живут рядом, но у них иной режим, и они охотятся иначе.

СЕРДИТАЯ СИНИЧКА

Стоит на соседней улице береза, которой не повезло с первых лет жизни: растет криво, ствол весь в шрамах, сломана макушка. Но в остальном эта береза как все березы: в один день со всеми начинает гнать сладкий сок, цветет и зеленеет тоже. Осенью навещают ее кочевые чечетки, и тогда тротуар бывает усеян рыжеватыми чешуйками растрепанных птицами сережек. Вот и сегодня снег под березой припорошен этими чешуйками, но тербит сережки одна-единственная птаха ростом даже меньше чечетки. Подвесившись вниз спиной, она тщательно выбирает коротким клювиком березовые орешки, потом начинает трепать скрученный сухой лист, склевывает что-то с коры и перепархивает через дорогу, на ясень, где чинно сидят красавцы снегири.

Здесь, на солнечной стороне, видна ее расцветка: белые с черной скобочкой щеки и узенькая черная полоска по желтой груди выдают принадлежность к синичьему роду. Спинка цвета осино-вой коры, а сложенные крылья, хвост сверху и шапочка на голове чистого лазоревго цвета. Эта голубизна сравнима только с утренним цветом зимнего неба, за нее и называли маленькую синичку лазоревкой.

Весом вполовину меньше большой синицы, она не выглядит вдвое меньше той за счет густого пера: как пестрый зелено-желто-голубой шарик, шныряет и кувыркается она между ветвей. И почти всегда одна, реже — вдвоем, а увидеть зимой троих вместе почти невозможно. И только осенью, в сентябре, когда кочуют даже домоседы, собираются вместе десятка два-три лазоревки и вдоль лесных полос, по садам, перелескам, приречным ивнякам, избегая открытых мест, летят в ту же сторону, что и большинство настоящих перелетных птиц.

Зимой они дичатся другой синичьей родни и все больше особняком держатся и, несмотря на маленький рост, ни перед кем не заискивают, когда дело касается корма.

Наоборот, лазоревка сама не терпит других синиц на кормушке, не торопится взять семечко, не спешит уступить место ни смелым большим синицам, ни робким гаичкам, а те и не пытаются дать ей отпор. Маленькая задира не бросается в драку, а проявляет свое недружелюбие молча, встопорщив на голове перо и чуть приоткрыв коротенький клювик. И этого оказывается вполне достаточно, чтобы быть хозяйкой положения.

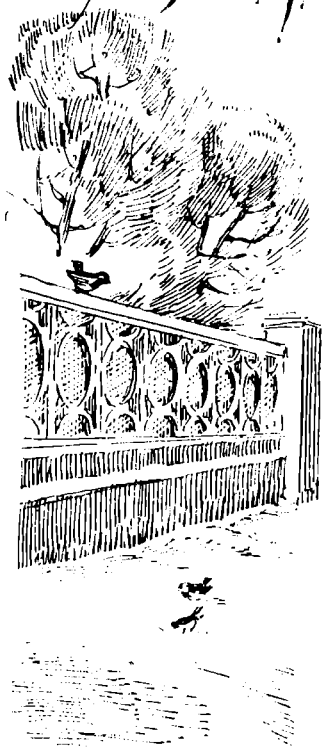
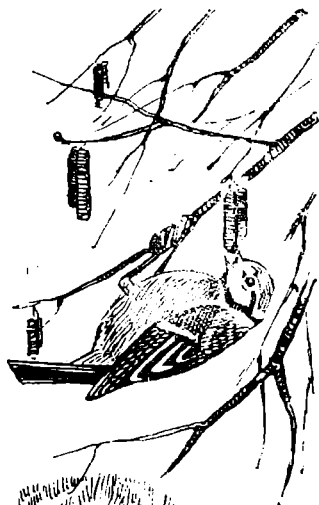
Не падка лазоревка и на кормушки, словно не манит ее легкая жизнь. Больше своим трудом кормится, и не только по деревьям. То она целыми днями в сухих бурьянах шарит, долбит толстые стебли лопухов, чертополохов, лебеды. То в речных тростниках шуршит да так громко, будто кабан там возню поднял. Сидя над лункой, невольно насторожишься, когда услышишь за спиной громкий шорох в густых зарослях, ожидая появления кого угодно, но только не парочки лазоревки, которые занимаются своими синичьими делами. Никогда не пропустят пучок сухих листьев: коль не осыпались осенью, коль остались на ветке, значит, наверняка внутри есть что-то съедобное — или гусенички, или паучишка зимовать забрался. И нет, наверное, ни одного дерева, на котором не было бы зимних яичек тлей. Клюв лазоревки великолепно приспособлен для того, чтобы снимать их с коры.

В марте начнут лазоревки возвращаться в гнездовые места и присматривать подходящие для жилья дупла и домики. В те дни и зазвучат в лесу их короткие песенки, нехитрые и незвонкие, будто исполнители не очень довольны солнцем, приближением весны, соседством других птиц. Весенняя трелька лазоревки — одна из самых простых птичьих песен, хотя по ее родству с большой синицей, по красивой внешности от нее ожидаешь услышать напев побогаче. И не только песня проста у лазоревки, у нее и других сигналов немало

меньше, чем у общительного большака. Так что дело не в наряде.

Гнезда построят только в апреле, по всем сибирским правилам: в них будет мох, много шерсти и немного перышек.

Однажды в лесных полосах Каменной степи я наблюдал, как строили лазоревки гнездо. (А в тех местах плоховато с нужным материалом.) Моя неподвижность быстро успокоила птиц, одна из них осмелела настолько, что, спрыгнув мне на голову, стала дергать изо всех птичьих сил волосы. Наверное, ей удалось вырвать несколько, потому что через минуту, уложив добытое, она вернулась и начала дергать еще усерднее. Но на этот раз я не удержался от смеха, и напуганная птица с сердитым криком отлетела в сторону и долго не могла успокоиться, выговаривая что-то в мой адрес. Пришлось заглаживать свою вину и принести птицам клочок зимней собачьей шерсти, которую они тут же всю до волоска и прибрали. Другая пара нашла заячьи останки и чуть ли не доверху набила дупло теплой русачьей шерстью. В таком гнезде яйцам и птенцам были ни почем.

ночные весенние заморозки. И настолько уютным получилось то гнездо, что когда я заглядывал в него, то казалось, будто синичка получает огромное удовольствие от сидения в нем, а не просто исполняет родительский долг. Но такова уж синичья манера сидеть на гнезде до последнего, рискуя собственной жизнью ради еще не родившейся. Можно потрогать лазоревку-наседку, можно взять ее в руки, надеть кольцо и посадить назад — птица не шевельнется. Вот когда зимой лазоревка попадает в руки, она отчаянно щиплет пальцы коротеньким клювиком, стараясь освободиться. А тут ни малейшего сопротивления, как парализованная. Но это спасительная неподвижность, которая не раз отводила смертельную опасность.

ЗЯБЛИК

В ту весну, уже в середине марта, в лесу появились зяблики. Прилетели они тихо. И не раскатистой песней заявили о своем возвращении, а каким-то робким «пинь», и только в самый полдень, когда свершалось равноденствие, как сигнал весенней победы разнеслась в прозрачном лесу заливающая трель зяблика. Он не в одиночку прилетел: до самого этого места вместе с земляками и сородичами держался. Но рассыпалась по опушкам дружная стайка, и с этого момента первым неприятелем зяблика стал такой же зяблик, потому что нельзя второму зяблику находиться на занятом участке. Всякой другой птице можно, а зяблику нельзя.

Они могут быть родными братьями из одного гнезда, могли бок о бок прожить почти год на родине или скитаться на чужбине, может быть, и потом, осенью, снова станут неразлучны, но сейчас они как враги. Скромным и смирным выглядит красавец зяблик, пока на его территории нет другого самца. Залетев на чужой участок, этот третий очень редко признает права хозяина на владение с одного предупреждения и сам направляется на потасовку.

Но чем ближе к выводу птенцов, тем спокойнее воспринимается непрошеное вторжение. Когда самка сидит на гнезде, самец нападает на чужака, когда тот совсем близко подлетит. Но нападает вроде бы нехотя, без той первоначальной задиристости и ярости. Противник тоже не особенно сопротивляется, но и улетать не спешит. А самка, глядя на поединок, и не шевельнется в гнезде, не то чтобы помочь супругу, словно уверена, что ничем серьезным ее семье это уже не грозит.

И потом уже, особенно в ясные, теплые дни, эта вроде бы незатейливая песенка слышна все чаще и в центре большого леса, и в центре большого города. Зяблики всюду. Когда идешь вдоль лесных полос Каменной степи в мае, удалые песни зябликов звучат беспрерывно, как встречный парадный марш. Поет каждый. Поет в полный голос и с таким азартом, что лучше и громче уже невозможно. Пятнадцать песен в минуту; пожалуй, предел. Пусть каждая песенка звучит меньше трех секунд, но в ней есть начало и конец. В по-

зе поющих дрозда, теньковки, зарянки видны степенность и спокойствие, в позе зяблика — страсть и напряжение.

Но проходит и неделя, и другая, и третья, а не видно, чтобы зябликов занимали другие дела, кроме пения. Никто не хлопочет с гнездом, да и семьи еще нет ни у одного. Может быть, поэтому научное название птицы дословно переводится как «зяблик холостой, 'неженатый». Но это до поры до времени: в апреле по тем же дорогам полетели стайки самок, которым только оставалось выбирать, кому-какой по душе. Но и после заключения брачного союза они не станут заметнее и почти не изменится поведение певцов. При необыкновенном великолепии самца его подруга отличается, наоборот, невзрачностью и однообразием наряда. Сходство лишь в светлой полоске на крыльях, которая при взлете должна означать сигнал: «Внимание!»

Но эта неприметная ни серая, ни зеленая птичка — искусная мастерица, и, осмотревшись, она сразу принимается за дело. В первый или в десятый раз строит самка гнездо, оно получается одинаково аккуратным, удобным и теплым. По искусству гнездостроения с ней могут состязаться только щегол и пересмешка, но по искусству маскировки гнезда — никто. На каком бы дереве ни было прилажено гнездо, оно выглядит не более как маленький нарост в основании сука или обломка ветки. Но иногда отлаженный наследственный механизм все же дает осечку. Построила одна из самок гнездо на кустике бузины из ваты — и все обошлось без приключений. Другая соблазнилась кучей грачиных перьев, оставленных тетеревятиком еще зимой. На рыжем стволе сосны такой черный шар выглядел как явная приманка. И результат сказался быстро: первый же грабитель содрал его вместе со всем, что там было.

А бывает там пять-шесть голубоватых яиц с почти черным узором. Не отлучаясь с гнезда, самка высидит из них пятерых-шестерых птенцов. А вот кормят детей они обязательно вдвоем. Когда же молодняк покидает дом, то половину выводка берет себе докармливать и воспитывать отец,

половину — мать. Да только новые заботы отодвигают это воспитание, и пара еще торопливее, чем в первый раз, строит новое гнездо. Тут уже и самец не остается безучастным, и, песни песнями, он разбирает старое, полурастоптанное птенцами гнездо, выбирая из него все пригодное, и носит хозяйке. А та с такой же тщательностью вьет новое. И хотя в середине лета миновала угроза всяких заморозков и коварных похолоданий, эта колыбель такая же уютная, теплая, аккуратная.

Песня зяблика не единственное проявление птичьего настроения. Иногда в тихое, солнечное утро вдруг по всему лесу перестают петь все зяблики и вместо заливистых трелей только и слышно жалобное «рррю-рррю-рррю...». Не пройдет и часа, как из-за стены сосен выползет толстая сизая туча, которая будто только и хотела добраться до этого леса, чтобы пролиться над ним нескончаемым дождем. И очень может быть, что за это самое «рррю-рррю-рррю...» и прозвали зяблика зябликом. Правда, это сигнал не только предсказания непогоды, это и выражение иного беспокойства, когда что-то не так возле гнезда.

Потом, закончив семейные дела, зяблики не только перестанут петь, но и сами как сквозь землю провалятся. Собравшись в глухих уголках леса, сменяют они обношенное перо, а перелиняв, вылетят сначала на опушки, потом на поля, где и будут с другой зерноядной птицей кочевать до отлета, собирая семена всяческих сорняков.

СНЕГИРИ НА УЛИЦАХ

Давно не было свежего снега, ни разу ветер не подул как следует, а под ясенями день ото дня все гуще ковер из ржаво-бурых плодиков крылаток, похожих на узкие птичьи перья. Не от мороза и не от январского солнца осыпается урожай, а сидят день-деньской на ясенях снегири и неторопливо лущат семена: чуть-чуть горькие, маслянистые, поэтому, наверное, и очень сытные. И удивительно, как ловко управляют с этой работой пти-

цы своими короткими клювами. Синица, та в лапках зажала бы и расклевала, а снегирь помнет-помнет в клюве — и уже пустая оболочка падает на снег.

Зимой в наших местах корма для снегирей хватает. Правда, рябину свиристели с дроздами раньше оборвут, березовые сережки чижи да чечетки по ветру пустят, на бурьянах стаи воробьев и коноплянок пасутся, но никто, кроме снегирей, не трогает черноклена и ясеня.

Причем они уже давно как-то охладели к местному ясеню, а вот не приедаются им семена чужеземного ясеня пенсильванского. Его особенно много после войны посажено всюду. Есть лесополосы целиком из этой породы, в городе на редкой улице нет этих деревьев. Урожай у него ежегодные: опадает осенью желтый лист — и остаются на ветвях густые кисти побуревших плодов. Сколько-то ветер с метелями оборвут за зиму, а остальные будут висеть до весны, до новых листьев, если только не ошиплют снегири. На иных деревьях столько этого снегирино го угощения, что от них падает густая тень. Как дубы, что не сбрасывают листву на зиму, выглядят эти ясени издали.

Особое впечатление остается надолго, когда видишь снегирей под утренним солнцем на дереве, у которого каждая веточка обросла за ночь мохнатой изморозью. Нет в этот миг птицы красивее снегиря. Его черная шапочка так отливает вороненым блеском, что только искорка в темном глазу выдает птичий взгляд. Красногрудых птиц частенько с яблоками сравнивают. Только такого цвета у яблок не бывает. Скорее у тюльпанов, роз и гвоздик, но не у яблок. Еще своей чистотой и оп-

рятностью отличается снегирь. Сидят, перекликаясь тихими голосами, так что слышно только вблизи. А когда снегирь один, он зовет своих громким свистом, в котором чувствуется немного растерянности, тревоги или удивления.

В стужу у многих птиц как бы пропадает обычная боязливость: кажется, что прямо в руки можно взять озябшего хохлатого жаворонка. А потеплеет — и снова они осторожны, как прежде. Снегирь от холода не меняет ни своего поведения, ни отношения к окружающим. Одет он теплее теплого. Воробей еле ковыляет по звенящему тротуару в поисках крошек, поджимая то одну, то другую лапку, а снегирь сидит на веточке, прикрыв пальцы перьями, и лушит семена. Что ему: корм рядом и его сколько угодно. Но все-таки и эта птица, уроженец северных лесов, становится все спокойнее день ото дня в шумной городской обстановке.

В начале зимы снегيري сторожко кормятся на окраинах, на тихих улицах. Чуть что — и после тревожного сигнала вся стайка в бегство. Но постепенно смелеют, привыкают к автомобилям, трамваям, пешеходам и, наконец, оказываются на самых шумных магистралях. Десятки людей ждут автобус на остановке, а буквально в метре над их головами спокойно пируют снегيري. К тому же многие птицы прилетают в города не первый раз, потому что сразу появляются на своих излюбленных деревьях и ночевать летят тоже на постоянные места. Они и новичков с собой приводят, и те быстрее с ними привыкают к городу.

Тем только и заняты снегيري с утра до заката, что едят. Перерывы бывают только для короткого отдыха, во время которого кто подремлет несколько минут, кто потихоньку споет немного, радуясь яркому солнцу. Потом проглотят по несколько щепоток снежка и снова на то же дерево. Ощипывают его снегيري тщательно, до последнего плодика. И следует отдать должное их аккуратности: при таком свержизобилии корма нет у них той расточительности и беспечности, что у свиристелей. Если они и роняют два-три семени из десяти, то нечаянно, а свиристели больше половины отлич-

ных ягод, сорвав, бросают без видимой причины. И уж пока есть корм, они никуда от него.

Но зимой в одну ночь может рухнуть снегириное благополучие: налетит выюга со штормовым ветром, на одних улицах сугробы навалит, другие выметет дочи́ста и оборвет остатки урожая ясеней и кленов. Утром снегири, прилетев на знакомые деревья, не найдут на них ничего и, подкрепившись тем, что удастся собрать с тротуаров и дороги, исчезнут как один. А те, которые залетят после них, поклюют мороженных почек и тоже задерживаться не будут.

Пройдет январь, а дальше, что ни день, будет солнце подниматься все выше, будет греть стволы деревьев и растить сосульки, будет создавать птицам песенное настроение. Я не знаю, как поет этот земляк королька у себя на родине, у гнезда, а в зимнем парке его негромкая песня звучит как песня гостя, который сам вызвался исполнить что умеет, коль никто из хозяев не решается. Обычно в маленькой стайке поет одна птица, которую никто не перебивает, никто не поддерживает и, кажется, никто не слушает. Голос у певца не из громких, и среди сидящих на соседних ветках птиц удастся узнать его по вздрагиванию хвоста и перышек на шее.

Всегда, слыша снегириное пение, сначала смотришь на красногрудых самцов, но почти всегда обнаруживаешь, что поет буроватая самочка. Поет не просто похоже, а совершенно неотличимо (сами-то они, конечно, отличают). А когда самка одна, то ее песня кажется даже звучнее, чем у самца. В песне нет никаких различимых колен, и по ее строю ожидаешь, что вот-вот в ней проскользнет что-то и чужое. Нет, у снегиря все свое, хотя и напутанное. Если у него и есть дар пересмешника, то в природе он не проявляется.

ПОПОЛЗЕНЬ СТРОИТ ДОМ

Даже при самом дружном наступлении весны, когда мать-и-мачеха чуть ли не в один день зацветает на пригреве и по оврагам, зима еще держится в густых лесах, где снег туго поддается яркому солнцу и теплomu ветру. Еще и подножия стволов не обтаяли как следует, а возвращающиеся птицы уже спешат захватить гнездовые участки не только у опушек, но и в еще не пробудившейся чаще. Кто прилетает на старые места, где все знакомо, кому-то впервые в жизни придется занимать территорию и отстаивать право на владение ею.

Занять участок — это не значит сразу строить на нем гнездо. Может быть, его и некому и не для кого будет строить. У зяблика иногда от первой песни до постройки гнезда месяц проходит. Но еще не все зяблики возвратятся в родной лес, а у семьи поползней уже все готово: и дом, и гнездо в нем.

С гнездовыми делами поползень опережает всех лесных птиц, кроме таких же домоседов, вóрона и неясоти, да, кажется, еще и белоспинного дятла. Чуть ли не в самый первый погожий денек апреля, когда солнце быстро подбирает снег из-под деревьев, когда лишнее тепло стекает по стволам к их подножиям, самка принимается за дело. Поползень скор во всем, и гнездо строит с той же поспешностью, с какой потом будет собирать корм птенцам. Дупло было выбрано заранее, еще зимой. Прежде всего вход в него надо сделать по своему росту. Птица набирает полный клюв земли и, забравшись внутрь, начинает обмазывать края дупла. Даже если и без того леток — только-только в него пролезть, как, например, дупло дятелка, самка все равно, пусть самую малость, обмажет края глиной, сделав круглое отверстие чуть овальным. Только после этого она будет уверена в безопасности жилья для нее самой, яиц и птенцов.

Занятую обмазкой птицу снаружи не видно, к подножию дерева не падает ни комочка. Лучше

всего, конечно, обмазывать глиной, но чаще всего поблизости, кроме песка или легкой супеси, нет ничего. Сырая-то обмазка из такого материала еще кое-как подержится, а высохнет — осыплется сама по себе. Но у поползней и из песка не осыпается, потому что в каждый комочек птица немного слюны добавит, как ласточки добавляют к любому грунту, и держатся их домики годами.

Слизнув наскоро несколько капель кленового сока (может, сама сделала подсочку рядом, а не дятел), поскакав торопливо по стволу в поисках съестного, самка заканчивает обмазку и начинает заполнять дупло другим материалом. Если оно слишком просторно или глубоко, она носит в него такие вещи, которые другая птица ради любопытства или игры в клюв не возьмет. Присмотрев вблизи полуистлевший пенёк, откалывает от него куски почти в палец, едва протискивается с ними в дупло, бросая их внутри как попало. Скорее всего делается это для лучшей вентиляции, а может быть, для дренажа: в дупло может и вода натечь со ствола.

Третий и последний этап работы еще проще: строительница сдирает с сухих веток маленькие кусочки коры и кладет их внутри так, чтобы получился неглубокий лоток. Ничего, кроме коры, хотя рядом сколько угодно травяной ветоши, прошлогоднего опавшего листа, мха. Никакого отдыха, пока не будет закончена работа, и еще не заметно, чтобы солнце начало клониться к закату, а уже положен на место последний кусочек. Самка в конце строитель-

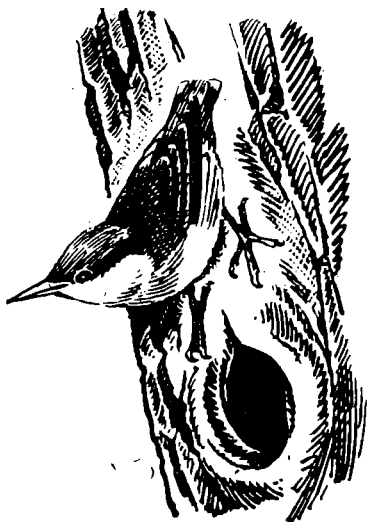

ства выглядит такой же энергичной и бодрой, как и в начале дня, хотя все было сделано без какой бы то ни было помощи со стороны самца.

Сам же поползень лишь изредка подлетал к дуплу, смотрел, не залезая внутрь, потом громко и протяжно свистел. В его весеннем свисте слышится или восхищение работой, или удивление, или тревога.

Он не лентяй, его забота — охранять территорию, и этот свист вовсе не выражение изумления, а весенняя песня. Вот что не вяжется ни с обликом, ни с поведением голубоспинной ловкой и энергичной птицы, так этот самый свист. От него ждешь особого, громкого и задорного выражения настроения, чувств, прав, а вместо этого, пусть звучное, но разочаровывающее «тююю-тююю-тююю». Есть среди наших певчих птиц посредственные и вовсе никудышные певцы, но и у дубоноса, у серой мухоловки, у рябинника их невыразительное цыканье и щебетание легче назвать пением, чем свист поползня.

Пока шло строительство, я сидел рядом на пеньке, слушал поющих белобровиков, ходил смотреть, откуда птица берет материалы для обмазки, и писал этот рассказ, ничто в моем поведении не смутило и не заинтересовало пару: смотри, пожалуйста. Впечатление было такое, что птица спешит, не обращая ни на что внимания, потому что ей некуда положить совсем готовое яйцо. Птенцов в гнезде родители кормят с одинаковым спокойствием в близком присутствии одного или двад-

цати человек. Правда, сначала по стволу немного побегают, присмотрятся, как бы запоминая, кто где сидит или стоит, от кого чего можно ожидать, а потом и не оглядываются.

Смел этот рыжебокий лесник до отчаянности. То, что держит он в клюве, можно отнять лишь силой, а так не бросит, как ни пугай. Самые сильные из птичьего мира вроде и должны быть самыми бесстрашными, но заставить их бросить с трудом пойманную добычу можно без особых стараний. Поползень что взял, то сам и съест, или спрячет, или детям отдаст, но не уронит, хоть стреляй.

Синицу, воробья, свистеля только голод, да и то в самые суровые зимы, может толкнуть на то, чтобы залететь в поисках корма в помещение. Зарянка находит спасение от ночных морозов в открытых подъездах. Поползень и в самое благодатное лето запросто залетит в комнату, если есть что взять со стола. Зачем?

Все, кто делает запас на трудное время, начинают собирать и прятать его в тайники, когда эти черные дни уже не за горами. Поползень в середине лета, в июле, собирает и прячет на деревьях все, что съедобно и может храниться в таком же виде хоть до весны. Одна парочка, воспитав и отпустив свой выводок, переносила на свои сосны сначала несчетное количество вишневых косточек, потом арбузных семечек, потом подсолнечных. Вскочив на стол, они ловко выклевывали из нарезанных ломтей арбуза спелые семена, стараясь взять сразу два-три. Темп работы при изобилии корма был таким же, как зимой на кормушке. Наверное, эти птицы ничего не умеют делать «абы как».

ОВСЯНКА ЗАПЕЛА

Наверное, очень давно, как остров, стоит эта роща. Уже от пней тех дубов выросли столетние деревья, и с давних времен знают ее здешние и пролетные птицы. По дороге вдоль ее опушки всю зиму возили сено на скотный двор. Всякий раз,

хоть немного, а натрясут на снег птичьего корма, всегда на возу что-то для воробья найдется. Но только воробьи сюда не летали — ястреба побавивались (он и на самом деле отсюда свои налеты совершал), да и под коровьими мордами у яслей всего хватало.

А сегодня и издали видно, что поскакивают по дороге птицы вроде бы и воробьиного склада, но хвосты у них чуточку подлиннее. Вспугнутые, не полетели прочь, а, взлетев, сразу рассыпались по веткам ближних дубов. Тут уж совсем стало ясно, что не воробьи это: и посадка иная (чуть сутуловатая), и у каждой грудка ярко-желтая, и голос, как тихое поскрипывание по морозному снегу. И прошел бы я мимо, потому что вовсе не редкостная, даже зимой, наша овсянка, но остановился: запела овсянка. Сначала одна, негромко и неторопливо, потом еще две или три птицы повторили в том же темпе и в том же ритме простой напев. В стайке не было ни единой самки и вряд ли кто из этих двадцати останется жить именно здесь, но пели сразу чуть ли не каждый четвертый. Такое услышишь только весной.

Песня овсянки проста, даже проще синичьей. В ней всего две, реже три ноты. Первая четко повторяется пять-шесть раз, второй, она чуть выше, заканчивается песенка. Но и при этой простоте мастерство у певцов неодинаково, хотя каждый поет с одинаковым усердием. Сидя на ветке, птица запрокидывает голову кверху, и вылетает из раскрытого клювика звенящая трелька с явным минорным оттенком.

В первые дни весны во многих лесах и рощах овсянка чуть ли не единственный певец. Потом, когда начнут заливаться яблики, пеночки, коньки, скромный овсяночий напев как бы теряется в лесном многоголосье. Однако ж на вечерней заре, когда смолкнут ко сну эти соседи, овсянка еще попоет вместе с сумеречными певцами — дроздами и заряночкой. В их песнях ни трескотни, ни вызывающего задора, у всех как бы легкая грустинка и какие-то нежные чувства, обращенные к затаившейся где-то внизу безмолвной самочке. В сгу-

щающихся сумерках будто тает желтый цвет пера на груди певца, последний раз, замирая, звучит его «синь-синь-синь-синь-синь-синий», а потом, как легкое поскрипывание по снегу,—«ц-тррр» несколько раз — и все. Овсянка — лесной певец. Много раз слушал я в городских садах соловья, камышевок, даже дроздов, но никогда — овсянку.

Потом прилетят самки. Они и будут строить гнезда. Их гнездо не верх птичьего мастерства, но и тут есть чему удивиться. Глубокое, с толстыми дном и стенками, оно выстлано изнутри шерстью. Если нет шерсти в гнезде, а рядом сидит птица, похожая на овсянку, или даже овсянка, то это не овсянкино гнездо.

И теперь, и прежде птица в глубь леса не забивалась, возле опушек и просек гнездилась, где всегда могла подобрать для постройки сколько угодно конского волоса. А когда стало мало лошадей, овсянок не убавилось, потому что с материалом для гнезда стало еще проще. И сейчас снабжают ее шерстью лось, олень, косуля, барсук или еще кто-нибудь. На тропе, по которой ходят олени к весеннему водопою, не раз удавалось увидеть в пору строительства гнезд, как разные птицы подбирали упавшие зимние волосы, и среди них всегда была овсянка с целым пучком шерстинки, которые, как длинные усы, торчали по обе стороны клюва.

Овсянка — лесная птица. И если учесть, что в лесу даже после сильных дождей не бывает луж, то в овсянкином гнезде, пусть оно построено vro-

вень с землей, не бывает сыро в дождливые дни, ведь на волосе не задерживается ни капли и ни капли он не впитывает в себя. А когда сама птица сидит на гнезде, согревая птенцов или яйца, то под ней и в ливень сухо, потому что вода по перу скатывается на края гнезда.

Как и все, кто строит гнезда на земле, овсянка обладает огромной выдержкой. В этом ей немало помогает расцветка пера, похожего сверху на лесную ветошь. Как неживая затаивается на гнезде самка и не выдает себя ни единым движением, даже если опасность совсем рядом. Самец, может быть, и сменит ее на несколько минут, но ему лучше бы и вовсе не садиться на гнездо, потому что ярко-желтое пятно на голове у него может любому выдать место, которое до вылета птенцов надо хранить в тайне.

Остановившаяся в роще стайка далеко уже не полетит, а скорее всего, перемахнув через поле, займет соседний лесок. Птицы поделят его по правилам и нормам своего овсяночьего этикета, и в первое же солнечное утро каждый запоет на избранном месте уже в полный голос. Каждый будет петь на виду не только потому, что спрятаться негде. Всяк садится повыше, уже нисколько не таясь. А снега в лесу еще выше, чем по колено.

Только подножия стволов обтаяли немного от стекающего вниз солнечного тепла. Мох зеленеет на них, божьи коровки вылезли из-под куска коры, паучок шуршит, бегая по подсохшему дубовому листику: маленький островок жизни среди еще сильного королевства зимы. Так и кажется, что вот-вот, оборвав песню, спустится на него желтогрудая птичка, покопается клювом, выискивая съестное. Но ни один из певцов не смотрит вниз. Все в ожидании. Они и сами не знают точно, когда прилетят в этот лес овсянки-самки. А если бы и знали, то все равно не полетели бы встречать: место занято, и оставлять его нельзя, иначе вернешься уже не хозяином.

Но самки и не заставляют долго ждать себя. Дня через три-четыре после того как запоют самцы, прилетят первые. И как-то сразу после этого начнет слабеть песенный накал.

С марта до середины июля, до вылета вторых птенцов, поют в лесах овсянки. Потом бывает перерыв до осени, до сентября. Но осенняя песня так тиха, что не слышна уже за десять шагов, да и сама птица прячется в чаще еще не пожелтевшей листвы.

Но когда останется на дубе десятка два-три сухих листьев, с которыми уже не может справиться холодный ветер, опустятся на ветки овсянки и сами станут как осенние листья. Только тихое и осторожное «ц-тррр, ц-тррр» выдаст их.

ЛЕСНЫЕ ЧАСИКИ

Невидимый тепловатый парок поднимается над полями, над подсыхающими косогорами и дорогами. Густеет от весеннего дыхания земли белесая дымка, скрывая горизонт и распевающих в вышине жаворонков. Над бором тоже поют жаворонки, но небо над сосновым царством синее-синее. От снегового плена освободились только первые с опушки ряды сосен, а дальше в глубь леса ни пройти ни проехать: залита талой водой дорога, а сверни с нее — провалишься выше колен. Но зимы тут

уже нет, потому что с берез и кленов дятлы пьют сладкий сок и угощают других птиц, потому что на обтаявшей верхушке высокого муравейника уже нет свободного места даже для одного муравья, потому что звенящие песенки овсянок, синиц, зябликов, восторженный свист поползней забивают жавороночьи трели.

А поближе к опушке в светлом молодом березнячке раздается негромкое, но и не робкое «тень-тинь-тянь-тень-тинь-тень-тянь...». Будто бьют по звонкой наковаленке три крохотных молоточка, будто падают с трех сосулеч чистые капельки, будто завела весна живые часики для отсчета прибавки времени своим светлым дням. Сколько раз еще до самого осеннего равноденствия, до начала золотой осени услышишь в лесу и даже на городских улицах четкие ритмы теньковок, но первая встреча с крошечной птахой-кузнечиком в заснеженном весеннем лесу будет долго помниться до мельчайших подробностей.

Неторопливо перескакивает по ветвям березы зеленовато-серая, светлогрудая пичуга. Наклоня головку, к чему-то присматривается, что-то склевывает с коры, поправляет перо и тенькает, отбивая хвостиком такт собственной песни. Вспорхнула, поймав на лету комарика, и снова затенькала в том же темпе: ни быстрее, ни медленнее. Потом словно откашлялась негромко и опять «тень-тинь-тень-тянь-тинь-тень...» раз эдак сто или больше подряд. Потом перелетела на соседнее дерево, а с него вернулась на ту же березу, выбрав ее, стало быть, как центр будущего гнездового участка.

С этого дня в любую погоду будет слышна в лесу самая простая песенка. А когда отпуют все лесные птицы, еще долго после них, до самого отлета, будут вести свой бесконечный счет теньковки. Весной начнут чуть ли не вместе с самыми ранними певцами, а кончат последними. Но к осени сбиваются с ритма самые точные цветочные часы, с большими перебоями и не так чисто звучат птичьи.

Теньковка — единственная из наших пеночек, кто выводит птенцов дважды в лето. Строитель-

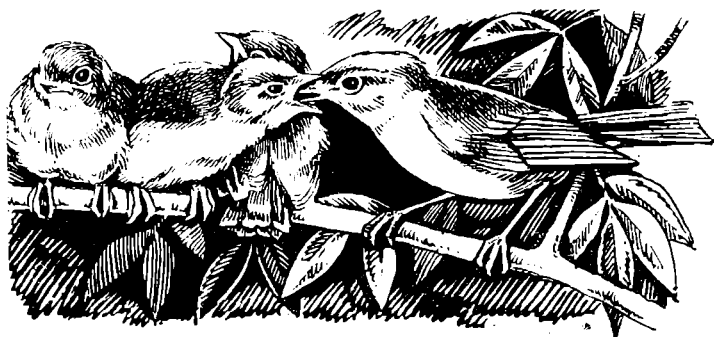
ство гнезда много времени не занимает: самка в одиночку справляется с этой работой за день, сооружая из сухих травинок на земле или низеньком кустике гнездо-шар. Вход в него только один, и самка потом сидит в нем всегда головой к отверстию. Она всегда первой заметит того, кто намеренно или нечаянно приближается к гнезду, незаметно выскользнет из него, не пытаясь защищать ни яйца, ни птенцов. А разыскивать ее постройку все равно что искать мышиную норку, прикрытую листиком земляники или копытня.

Проста и приятна песенка теньковки, но в ней совсем нет мелодичности, тогда как у другой нашей пеночки, веснички, она из самых благозвучных и мелодичных, хотя и состоит всего из трех ясно различимых колен, звучащих без четкого деления. Весной эта песенка поется не только на гнездовом участке, но и в местах, для пеночек совсем не подходящих, где нет ни травинок, где один асфальт, где дома вдесятеро выше деревьев, посаженных вдоль улиц. Не пугаясь ни пешеходов, ни троллейбусов, словно сама себе, поет весничка, шмыгая в густой листве коротко подстриженных лип или тополей.

Весничка — певец не из последнего десятка и словно знает это сама. Ведь среди певчих птиц од-

ни перестают петь, как только найдут себе пару, другие — как только будет построено гнездо, третьи — как только вылупятся птенцы. Соловей или певчий дрозд не будут петь даже в минуты, свободные от кормления птенцов, а самец веснички поет постоянно. Поет, правда, реже, чем в начале мая, но с тем же чувством. Жаль, что не удастся проследить до тонко-

стей послегнездовую жизнь весничек, но доподлинно известно, что супруги делят выводок между собой, хотя неизвестно, кого берет себе мать, кого — отец. Может быть, здесь и кроется разгадка причины пения в то время, когда песня уже не нужна ни как территориальный сигнал, ни как приглашение самки.

Интересно и то, что песенка веснички удивительно невеселая. По своему строю, по звучанию она больше подходит для последних дней лета или начала осени, когда в природе уже чувствуется приближение покоя, когда по утрам туманная пелена все чаще скрывает даль и небо, когда в неподвижном лесу слышно, как падает с березы зажелтевший листик. Вот тогда в утренней тишине вдруг неожиданно раздастся нежная, чуть замирающая трелька веснички. И будь она пусть самую малость бодрее и громче, непременно нарушилась бы гармония между задумчивостью и покоем леса, первой желтизной и пряностью упавших листьев, поздним цветением вереска, легким туманчиком и созвучным всей этой обстановке мнорным напевом пеночки.

Ее гнездо на земле, но в нем всегда сухо. Даже после многодневных проливных дождей оно не бывает залито, потому что сверху на этот шалашик положены несколько прошлогодних дубовых листьев. А та вода, что скатывается с этой кровли, тут же просачивается в рыхлую лесную почву, на которой никогда не бывает луж. Гнез-

до теплое, изнутри как следует выстлано перьями лесных птиц. Ранним утром, когда на травах лежит густая роса, когда и комары сидят, оцепенев от холода, веснички, оставляя гнездо с птенцами, закрывают этими перьями вход, и внутри сохраняется живое тепло. Согревается воздух — и перья снова будут уложены внутрь, а оттуда на большой зеленый мир будут смотреть пять пар маленьких черных глаз.

Когда нет семьи, все пеночки — птицы-одиночки: ни взрослые, ни молодняк не собираются в такие стаи, как зяблики, дрозды или касатки. Кажется, в одиночку прилетают, в одиночку и улетают. Но на весеннем пролете самцы весничек в тех местах, где никто из них не гнездится, держатся стайками и, останавливаясь где-нибудь на короткий отдых, токуют все сразу, хотя поблизости не видно ни одной самки.

Поющих теньковку или весничку не всегда отыщешь взглядом даже в редкой кроне зеленеющего дуба, зато, услышав трещотку, можно смело идти без особых предосторожностей на ее голос и с десяти шагов разглядеть в лесном сумраке все подробности окраски оперения. Прежде всего над глазом заметна узкая желтая полоска — «бровь». От нее и второе название пеночки: желтобровка. Птица поет, патрулируя небольшой гнездовый участок. Она облетает его на высоте четырех-пяти метров, перелетая с места на место особым порхающим полетом. Опутившись на сухую веточку, она тут же издает стрекочущую трель. Похоже, что каждая такая песня-трель дается певцу невероятным напряжением: трепещут не только перышки на горле, в такт им дрожат крылья и зеленоватый хвостик. А когда эта песня поется на лету, кажется, что птица вот-вот в изнеможении остановится в воздухе и упадет, обессилив. Другие пеночки на лету не поют никогда.

Прилетает трещотка еще позднее теньковки и веснички, улетает раньше их, поет меньше. Вылетят птенцы из гнезд — и конец пению. Только очень редко какой-нибудь из молодых самцов прощещет что-то отдаленно похожее на отцовскую трель.

Никто его не поправит, никто не подучит, но следующей весной он будет свистеть ничуть не хуже других, и всем трещоткам будет понятен этот родовой сигнал: «Место занято, и я здесь хозяин». Он правильно определит границы своего участка и, если заладится с семьей, то сам его не покинет и не пустит сюда третьего.

В свое наземное гнездо-шалашик трещотка никогда не положит ни перышка. Выстелит его изнутри звериной шерстью, а пером ни-ни. У веснички в гнезде одни перья, у теньковки — не более десятка, у этой — ни одного. В этом отношении желтобровка не исключение. По крайней мере у двадцати из наших лесных певчих птиц лоточек гнезда выстлан травинками, мочалом, шерстью, но не перьями. Да и туговато с этим материалом в майском лесу: даже холостая птица еще не линяет. Только ястреб ошиплет свою добычу, прежде чем съесть или нести к гнезду. Зато шерсти в эту пору можно набрать всякой: оленьей, лосиной, заячьей, лисьей, коровьей, собачьей.

Вот и весь рассказ о скромных пеночках, из которых у теньковки два названия, и оба даны за голос, у веснички — одно, у трещотки тоже два: за голос и за внешность.

НА ПУСТЫРЕ

Строится город, растет, раздвигая границы и занимая новые земли. Поэтому на застраивающихся окраинах есть большие и маленькие пустыри, зарастающие летом сорняками и бурьяном, местными и привезенными из-за океана. Эти чужеземцы нередко дают, глушат разную лебеду, полынь, чертополохи и другие сильные травы. Вот уже несколько лет на всех сорных местах в дождливые годы и в засуху встают могучие заросли американского сорняка циклахены, листьями похожей на дурнишник. Обходит ее скотина, не едят дикие животные. Семян у нее много, но они еще меньше полынных. Кому нужны такие?

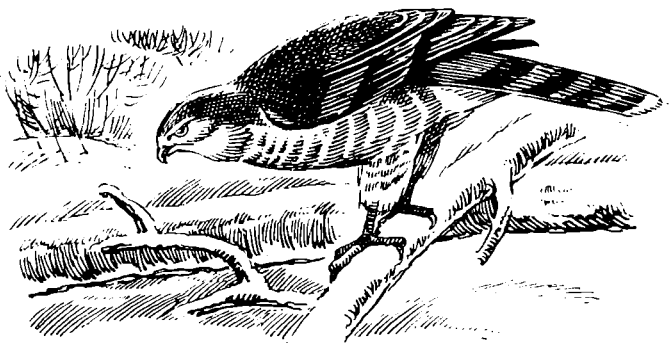
Оказывается, нашлись любители и на них.

С шоссе издали видно, как над изрытым полем бывшего аэродрома взлетает темное облачко и, меняя очертания, опускается снова. А поближе еще одно облачко взлетает. В нем сотни полторы одинаковых птичек, ростом чуть меньше воробья. Сделав круг, все вместе опускаются на снег, на циклахену. Одни выбирают семена на веточках, другие подбирают опавшие и оброненные. На самых верхушках сидят трое то ли сытые, то ли им корм не по вкусу. Снова взлетает и садится стайка, и снова трое, как дежурные, оглядываются по сторонам.

Не сытые это птицы, а добровольные сторожа. Под солнцем, как загар, видна краснота грудки, выдавая старых самцов. Кто-то из них подает сигнал тревоги, и остальные репела (так воронежские птицеловы и любители птиц называют коноплянок) все, как один, срываются с места и не кто куда, а единой стайкой выполняют общий маневр. Почему тревога, кого увидели сторожа? В небе никого, лиса на такой открытой пустоши не будет

днем гоняться за птичками, человека они не боятся, да и далеко он. Охотятся на пустыре три разбойника-птицелова, три ястреба-репелятника. Это лесные охотники, но в лесах сейчас мало птиц, голодно там ястребам. А в поле они лишены своего главного преимущества—внезапности нападения. Гоняться за репелами, чечетками, зябликами в открытую и бесполезно; и небезопасно, потому что всегда на пустырях и вороны, и сороки что-то находят и для себя. Им, конечно, не репелов жалко, а просто

они сами ястреба ненавидят и не упустят случая сорвать его замысел.

Поэтому двое хищников затаились в куче корчеванных пней, третий — в корнях под обрывчиком, и все трое, распушившись и спрятав лапы от мороза в перо, ждут терпеливо в засаде, когда стайка подлетит ближе, на расстояние верного броска. А если выдержка изменит одному — репела-сторожа начеку. Но все-таки перепелятник на то и ястреб, что перехитрить его даже с большим опытом трудно, и рассыпаны под косматыми пнями перышки зяблика, двух чижей и репела. А один из хищников даже дремлет, прикрыв желтые глаза. Значит, сыт.

Не одни ястреба берут дань с мелких птиц. Каждое утро прилетает на пустырь серый сорокопут. Ночует он в соседнем лесочке, а едва становятся различимыми лисьи следы на снегу — он тут как тут. Разбойник-одиночка частенько садится вызывающе открыто то на самую макушку сосенки, то на красный прут вербы. В солнечный денек он даже попоет немного в свое удовольствие. Но мирные птицы прекрасно знают его наклонности.

Наметив жертву, сорокопут бросается на нее и гонится, пока не схватит. Не спасают никакие увертки. И если даже напуганный снегирь или чечетка забивается в густой куст, надеясь найти там спасение, то певчий хищник не лезет за ней следом, а старается вспугнуть обреченную птаху, раз-

ворачивая крылья, как всплескивая ими. И добивается успеха.

Он по-ястребиному смел до наглости и может напасть на жертву буквально в двух шагах от человека. А вот вороны и сороки, так ненавидящие ястребов, к сорокопуту относятся равнодушно. В его наряде только три цвета: черный, белый и голубовато-пепельный. Черная маска скрывает выражение глаз и придает птице действительно малость разбойничий вид. А в полете сорокопут и впрямь чем-то напоминает сороку, хотя их трудно спутать, даже видя впервые.

Но у сорокопута нет ястребиной манеры брать добычу коротким броском из засады или подкрадываться к ней на бреющем полете, прижимаясь к самой земле. К тому же он и не такой обязательный птицелов, как перепелятник. Сидя на макушке дерева или, как пустельга, останавливаясь в воздухе, сорокопут внимательно осматривает места, где на снег может выскочить полевка, мышь, землеройка, и нападает на зверька так же, как летом ловит жуков и кузнечиков. Чтобы съесть такую добычу, сорокопут насаживает ее на колючки боярышника или лоха. Все, конечно, в один присест не съесть, но мороз заставит ловить новую, превращая в ледышку остатки старой.

Коноплянка, наверное, как и щегол, птица исключительно зерноядная. Как и щегол, взрослые птицы летом щиплют сочные листья лебеды и ма-ри. У них в первых гнездах птенцы вылупляются до середины мая, когда, особенно если весна прохладная, мелких насекомых еще очень мало, но зато уже есть семена пастушьей сумки, веснянки, осины, вязов. Нежные гусенички и мошки идут только на самые первые день-два. Поэтому еще и в июле, когда, кроме ласточек и воробьев, прочие птицы покончили с гнездовыми делами, можно услышать песенку коноплянки и подсмотреть, как самка строит новое гнездо.

Это не просто обычная оседлая птица, это один из самых близких наших соседей, потому что предпочитает гнездиться в садах, скверах, на огородах, а если есть где спрятать гнездо, то и в самом цент-

ре города. В Каменной степи коноплянка ежегодно устраивалась перед самым входом в институт. Присевший отдохнуть на скамью мог раздвинуть листву кустика и увидеть спокойно сидящую в гнезде птицу, а позднее и пятерых ее птенцов. И тут же, хоть рукой до него дотянись, на кончике низенькой елочки истоиво распевал красногрудый и в красной шапочке репелок. В его песне нет начала и конца, воспроизвести этот напев невозможно, но слушать его приятно, потому что нет в нем резких звуков и трескотни. Нет в песне мелодии, но она мелодична. И чем старше певец, тем длиннее и богаче его песенка.

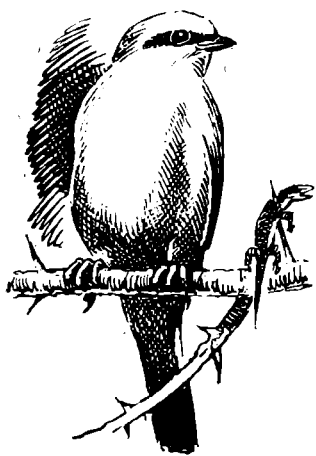
Такого мастера и сейчас можно издали узнать в любой стае, будто оставило закатное зимнее солнце розовый цвет на его груди: обламываются блеклые края перьев, открывая спрятанную под ними красоту. Поэтому и поют птицы у всех на виду, словно красуясь своим нарядом.

Призывный голос коноплянки понятен чечеткам и чижам. Услышав его, они сворачивают со своего пути и подсаживаются к стае. Но долго все-таки не задерживаются и улетают искать своих. Не раз стайки полевых воробьев и коноплянок смешивались в одну на кормежке, но звучал чей-то сигнал тревоги — и воробьи улетали в одну сторону, а коноплянки — в другую.

ЖУЛАЙ

— Май в Черноземье — самое разноголосое время года. Где-нибудь в прибрежной дубраве минуты тихой не бывает по несколько суток подряд. Река прямо содрогается от грома лягушачьего надсадного кваканья. И, наоборот, в унисон друг другу стонут дальние, но тоже бесхвостые родичи лягушек — жерлянки. А когда с рассвета начинают выражать свои чувства, права и настроение все певчие и непевчие птицы, то невольно сомневаешься: а слышат ли они друг друга, слышат ли сами себя?

Надо привыкнуть, чтобы уловить стрекочущую

трель пеночки-трещотки и минорный, замирающий напев веснички, цыканье дубоносов, осторожные и вместе с тем поспешные песенки горихвосток и овсянок. И вдруг где-нибудь на опушке, на поляне, но обязательно у светлого места услышишь, что кто-то вполголоса, а может, даже еще тише, словно эхо, повторяет маленьких певцов. Зазвенела синица, и мгновенно в том же ритме прозвучал ответный коло-

кольчик. Только начала свой капельный счет пеночка-теньковка и смолкла, услышав, как рядом затенькал почти ее голосом, точно подражая всем интонациям, тот же пересмешник. Потом без передышки он передразнил лазоревку, конька и закончил собственным тихим скрежетанием, в котором слышалась явная то ли недоброжелательность, то ли раздраженность.

Не эхо отвечало птицам, а самый маленький из сорокопутов — жулан, пересмешник высшего дара. Пепельного цвета голова, коричневая спина, черный с белой каймой хвост, а грудь с нежной, как у лепестков яблони, розовинкой. От клюва через глаз, скрывая его очертание, — короткая черная полоска. Она придает маленькой птице выражение суровости, замкнутости и решительности. И на самом деле жулан, как и его большой собрат, — настоящий отшельник. Вороны, орлы, совы и то собираются стаями, но не жуланы. Даже когда у него гнездо и семья, то чаще видишь его в одиночку. А если гнезду грозит опасность от врага, борьба чаще кончается в его пользу. Ничего не скажешь, смелая птица!

Обычно на его участке других мелких птиц, соседей, или очень мало, или совсем нет, потому что у этого красивого пересмешника и певчей пти-

цы наклонности профессионального хищника. Ему нужна большая, свободная территория, где он мог бы охотиться, кормить птенцов, не делясь со славками, овсянками, зябликами и прочими конкурентами. Может быть, на это и направлено его пересмешничество, чтобы напрямую заявить о том, чтобы держались подальше. Ведь все коротенькие и бесконечные, тихие и громкие песни означают сигналы владения каким-никаким, а участком.

Жулан мгновенно запоминает голоса своего окружения и, патрулируя свой участок, повторяет их в разной последовательности. Вот что смог выложить с одного места такой мастер: соловья (да не одно колено), пересмешку, лесного конька, щегла, вертишейку, желтую трясогузку, скворца (его собственный крик у гнезда), большую синицу, мухоловку серую и белошейку. Каждому на собственном языке тихо, но внушительно сказал, что место принадлежит его семье.

Самцы прилетают поздно, а самки — еще позже, в конце мая. Они сами строят гнезда на кустах, на невысоких деревцах — прочные гнезда с толстыми стенками. Ничем не различимые внешне, они несут яйца разных цветов: у одной скорлупа яиц телесно-розовая с пояском из пятен розового цвета, у другой — зеленоватая с почти зеленым ободком, у третьей — цвета топленого молока, у четвертой — почти белая с сероватым крапом. Рисунок у всех одинаков, но не встречалось, чтобы у двух соседей был одинаковый цвет. Такое в мире птиц, не говоря о кукушке, — большая редкость.

Есть у сорокопутов манера накалывать на шипы боярышника, груши и других колючих растений добычу, которую не могут проглотить целиком. Но наши жуланы чаще обходятся без этого, а если и нанизывают на колючку кузнечика, стрекозу-коромысло или корявого жука, то лишь затем, чтобы половчее разделать, а никак не про запас на черный день. Ведь в июле такой запас через пару часов высохнет на солнце, как щепка, а поймать кого угодно по своему вкусу можно в любой момент.

Так что многое у жулана в жизни, в повадках не так, как у других птиц. Он и хвостом качает, когда сердится или волнуется, не вверх-вниз, а вправо-влево, как маятником.

ТРЕВОЖНЫЕ ДНИ ГОРИХВОСТОК

Покинул гнездо последний птенец горихвосток, опустело дупло — птичий дом, и день за днем припоминалась семейная жизнь двух незаметных лесных птиц: от первой весенней песни до вылета нового поколения.

В одну из безлунных майских ночей, перед самым рассветом, когда почему-то молчали все соловьи, короткая, мягкая и чуть минорная трель перебила унылое гудение ушастых сов и стенания жерлянок на маленьком болотце, словно что-то очень хорошее и приятное приснилось невидимой пичуге. Нет, не приснилось, потому что снова и снова, чаще и чаще стала раздаваться из черных крон та же трелька. А по мере того, как светлело небо на северо-востоке, как потом разгоралась заря, терялась короткая песенка в пробуждавшемся лесном хоре, как теряется капель в журчании ручья, но в светлом оконце четко вырисовывался силуэт тонконогой птицы с мелко дрожащим хвостом.

Вот это почти беспрестанное дрожание хвостика выдает горихвосток, поют они или молчат, спокойны или волнуются, собирают корм или отдыхают. А первый луч осветил на сухой сосновой ветке такого красавца, что среди прочих лесных птиц нарядом с ним поспорят немногие. Широкая черная полумаска на щеках и горле скрывает выражение черных глаз. Ярко-оранжевая грудь, белая лысинка над клювом, рыжий хвост. Все остальное сверху строго серого цвета.

И с той первой песенки уже каждая ночь потом кончалась, а новый день начинался той песенкой. По ней нашла его самка с таким же ярким хвостом, но сама блекло-бурая, как прошлогодний лист. Но зато ее большие черные глаза были особенно выразительны, будто специально

для них была сложена чуть печально звучащая песенка. Она и построила в том дупле, которое нашел до ее возвращения самец, гнездо. Не будь в этом уголке леса корявого дубка с глубоким и объемистым дуплом, он не стал бы петь здесь ни дня.

Тихий уголок леса понравился не одним горихвосткам. Мало-помалу здесь образовалась настоящая птичья колония. В нескольких шагах от дуба в трухлявом обломке выдолбила дупло гайчка, на пеньках устроилась серая мухоловка и дрозд-белобровик. Крикливые рябинники свили гнезда повыше. Пара горлиц, которым не было дела ни до кого из соседей, выбрала место на горбатой липке, согнутой в одну из зим тяжелым снегом. Овсянка, пеночки, соловей и лесной конек расположились ниже всех и незаметнее всех, спрятав гнезда в траве на земле.

И хотя все это были мирные птицы, никогда не посягавшие на чужое, спокойно в этой разноперой колонии бывало нечасто. То кто-то прогонял третьего лишнего, нарушившего неприкосновенность границ семейного участка, то появлялся здесь враг, одинаково опасный для всех, то возникал переполох по иному поводу. Рябинники волновались чаще и больше других, иногда и без всякой видимой причины, и это беспокойство как-то передавалось и другим соседям. Однако песни звучали здесь чаще, чем сигналы тревоги и крики беды.

Когда в гнезде горихвосток было уже два яйца, большая беда случилась с самыми близкими соседями, гайчками. Их ветхое и тонкостенное жилье взломал большой пестрый дятел и с самым невинным видом утащил из него всех шестерых еще слепых птенцов. Обездоленные гайчки долго не улетали от бывшего дома. Кто-то из них иногда присаживался на край гнезда белобровиков, когда дрозды улетали за кормом, и, наклонив голову, смотрел на чужих птенцов. Казалось, что вот-вот из круглого глаза капнет крохотная слезинка.

А на следующий день в дупло горихвосток всего на один миг заглянула чужая птица — и в гнез-

де рядом с тремя бирюзовыми яичками осталось еще одно, но только чуть бледнее цветом, чуть крупнее. Это нанесла свой роковой визит кукушка, несколько дней до этого высматривавшая, где живут нужные ей воспитатели ее птенца. (Когда-то она и сама выросла в семье горихвосток.) И если гаички волновались одни, не в состоянии препятствовать дятлу в его черном деле, то на кукушку набросились все — от пеночек до крикливых дроздов-рябинников, однако все ограничилось только трескотней, щелканьем и прочим выражением угрозы.

Улетела кукушка — и как-то разом успокоилась птичья колония. Наверное, скоро забыли об этом и сами горихвостки, и, когда самка снесла последнее, седьмое, яйцо, она крепко уселась в гнезде насиживать все восемь. Она сидела там и днем, и ночью. Но днем ей все-таки приходилось несколько раз вылетать буквально на две-три минуты, чтобы наскоро поест.

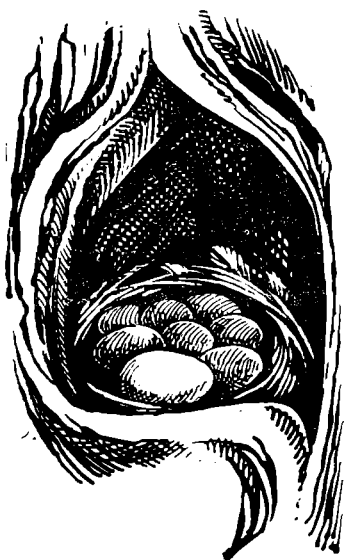
А самец был все время на страже, и, когда вблизи пробежала белка, он подавал короткий сигнал тревоги. И не зря. Клок длинных зимних волос на одном ухе, какой-то пощипанный хвост придавали этой белке отчаянный вид готового на все грабителя. И действительно наклонности у нее были не из лучших: этот рыжий зверек сумел найти и разграбить превосходно спрятанные и замас-

кированные гнезда соловья и зяблика и, видно, был незаурядным специалистом в этом деле. Он ли виноват или кто еще, но у горихвосток дня за четыре до вылупления первого птенца таинственно исчезло одно яйцо.

Потом в их доме появилась новая напасть, о которой самец ничего не знал: через какую-то щелочку или трещинку в дупло проникла рабочая колонна черных муравьев-лазисов, живших под поваленной березой. Самка только успевала склеивать их одного за другим, даже не обращая внимания на то, что я светил на нее сверху солнечным зайчиком. В этот день она покидала дупло всего раз или два, да и то для того, чтобы поправить перо.

Муравьи, не найдя ничего нужного, ушли другой дорогой и больше не возвращались, а под горихвосткой закопошился первый птенец, кукушонок. И только через сутки после этого вылупился ее собственный, потом трое сразу. Узнал об этом событии и самец. До того момента, как раскололась скорлупа кукушечьего яйца, он в дупло и не заглядывал. А теперь то и дело то на край присаживался, то трепетал перед входом, как бабочка-бражник, а потом начал кормить. Он приносил в клюве такую мелочь, что с двух шагов казался, будто нырял он в дупло ни с чем.

Кукушонок рос быстрее: у него и шея длиннее, и рот шире, и раскрывал он его чаще, и доставалось ему больше. Но вот как он ни старался, как ни возился, как ни подсаживал на край гнез-

да слепых горихвосток, ничего у него не вышло. У гнезда не было края: его стенки были выстланы так, что как бы переходили в стенки дупла, и птенцы и яйца скатывались назад. Это не то что у камышевок, раз — и в воду. Будь дупло немного попросторнее, и судьба собственных детей горихвостки была бы предрешена.

Казалось, будут расти в тесном доме впятером. Но вышло все иначе. Сначала кукушонок затоптал самого слабого и хилого, а потом и его самого придавили втроем так, что он голову поднять не мог. И горихвостки выбросили прочь и его, и своего. Потом погиб еще один, и на двух потерявших бирюзовый цвет яйцах-болтунах лежали только два птенца, у которых на месте будущего хвоста уже обозначился пучок рыжих перышек. Этот пучок так потом почти и не подрос, пока птенцы сидели в гнезде. Полностью оделись они пером, выросли крылья, а хвосты оставались хвостиками. Если бы и хвост у каждого рос, как крылья, да если бы в гнезде сидел весь выводок, то был бы он у каждого измят и истрепан еще до того, как молодые горихвостки увидели мир.

Пока птенцы сидели рядом, разница всего в один день между их появлением на свет была заметна. С той же разницей, сначала старший, через день — меньший, покинули они дупло, а в лесу стали как две капли воды похожи друг на друга. Заботу об одном взял на себя самец, о другом — самка. Но семья продолжала существовать. Лишь через несколько дней все они расстанутся. Может быть, навсегда. Тогда и кончатся родительские тревоги, потому что сейчас

не то что белка или сойка, а даже полевка и большой дубовый усач, жук совсем безобидный, кажутся им врагами. А времени для второго выводка у этой запоздавшей пары уже не осталось.

*

Но вышло так, что благополучно улетел и возвратился на следующий год только один из птенцов, а судьба второго стала известна примерно через месяц. Кто-то, собирая грибы у того болотца, нашел и принес мне сухую птичью лапку с кольцом, надетым птенцу на десятый день его жизни.

СПУТНИКИ РУССКОЙ ЗИМЫ

К концу долгой ночи густой морозный туман, выжатый холодом из такого прозрачного воздуха, закрыл не только редкие звезды, но и саму луну. А когда пришло утро, солнце в несколько минут растворило белесую пелену, и она осела сверкающей игольчатой изморозью на деревьях, на речных тростниках, на каждой травинке. И вместо привычной вчерашней картины под голубеющим небом у белой садовой изгороди призрачными видениями проступили сухие бурьяны. И вдруг, как охапка живых цветов, стряхивая с сухих стеблей тусклую искру, рассыпалась по ним в своем жизнерадостном великолепии стайка щеглов — птиц тропической яркости и красоты и... одних из самых верных спутников русской зимы.

Щеглы не собираются большими стаями, как другие зимние кочевники, хотя бы те же свиристели, чижи или чечетки, но охотно принимают в свою компанию всех, кто отстал от своих или заблудился в одиночку на воздушных дорогах, если он такой же щегол, пусть даже из чужих краев. Не прекращая заниматься своими делами, настойчиво зовут они к себе летящего мимо, а когда тот опустится рядом, успокаиваются, словно им несколько не интересно, откуда он. Эта общительность не покидает щеглов до весны, когда насту-

пает пора уединения и каждая пара строит гнездо и выводит молодых подальше от своих.

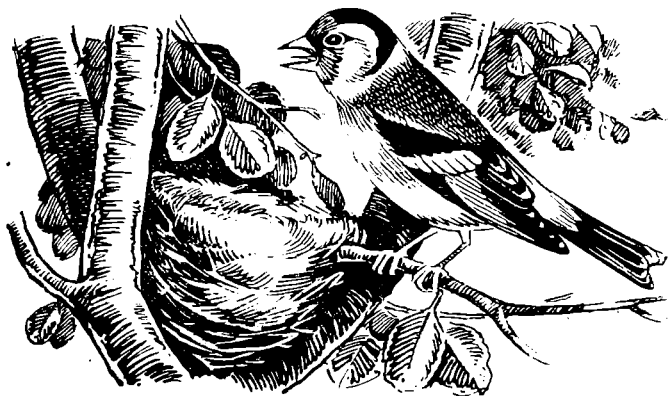
Щегол любит петь. Это одна из самых песенных птиц, хотя в природе, особенно весной, щеголиная песня теряется в свисте и шелканье других пернатых певцов. Но зимой или в самое унылое предзимье пение одного-двух мастеров живо напоминает обаяние апрельского утра где-нибудь на опушке синеющего цветочным разливом леса. Щеголиной песне по силе звучания и выразительности далеко до песни даже первогодка-соловья. Но ведь любой из соловьев, отпев свои пять-шесть недель, смолкает до будущего года, а щегол в ноябре или феврале поет с тем же азартом и вдохновением, как и в самые волнующие дни весны.

Пережить даже самую теплую и малоснежную зиму птицам в наших местах не просто. Многие чуть ли не на полное иждивение человека переходят еще с осени, но щегол не зависим ни от ко-

го, как и положено при такой красоте. Ему не нужны никакие кормушки, не нужны насекомые, ягоды. Его пища — семена бурьянов. Причем нет у него никаких конкурентов, потому что больше никто не решится выбирать семена из цепких или колючих лопухов, бодяков, чертополохов. И даже тот снегопад, что ломает в лесу столетние сосны или гнет до земли молодой березняк, не придавит, не согнет их жесткие заросли.

Взрослому щеглу, наверное, никакой

иной пищи, кроме растительной, и не надо. Осенью и зимой — семена. Весной только что проклюнувшиеся ростки трав и только что завязавшиеся семена одуванчиков. Летом — еще молочные орешки березы и сочные листья спизой или белой мари. И похоже, что никто больше щеглов, гусей и поросят не любит этот обычный придорожный сорняк. По несколько раз в день слетаются щеглы, взрослые и молодняк, пощипать листья мари. Есть, видимо, и другие травы, а может быть, и деревья, листья которых едят эти расписные птицы, но мне удалось подсмотреть их только на мари и засушить на память остатки необычного птичьего пиршества. Однообразие корма и в неволе никогда не угнетает щегла и не лишает его жизнерадостности.

Кажется, что среди наших птиц нет никого зернояднее дубоноса, но и этот толстоклювый аристократ выкармливает птенцов в гнезде нежными гусеничками листоверток. Никто не видел такого корма в клюве щегла-отца. Он и сам убежденный вегетарианец, и птенцов вскармливает мягкими молодыми семенами. Ко времени появления на свет первого выводка еще и лист на деревьях не дорос до нормы, но уже поспели семена ранних одуванчиков, пастушьей сумки, вязов, тополей, осины. Что нужно еще? Щеглиные семьи первыми начинают теревить совсем зеленые березовые сереж-

ки и по несколько дней не улетают с облюбованных деревьев.

Непритязательность к пище позволяет щеглу и птенцов выводить наравне с самой ранней птицей: поползнем, хохлатым жаворонком. Уже в середине мая покидают теплые гнезда сероголовые щеглята. Далеко не каждая из местных оседлых птиц решится на такое.

Вторые гнезда, которые щеглы строят в июне, такие же уютные и теплые: в них птица в любую погоду поддерживает нужный микроклимат. И постройка, и насиживание выпадают на долю щеголки, хотя окраска и расцветка ее наряда не хуже, чем у самца. У того чуть ярче красный и черный цвета, а остальные три: белый, коричневый, желтый — одинаковы у обоих. У птенцов же только желтая полоса на крыле, как у родителей, а все остальное серое или почти серое. Клюв особого цвета, как костяной, и чуть отожжен до легкой черноты с конца.

Щеглы не лесные птицы, а скорее жители опушек: их немало и в садах, лесных полосах, в скверах и просто на улицах больших и малых городов. После листопада их гнезда открываются в самых неожиданных местах, где летом никто и не подозревал, что прямо над головой живет не очень-то молчаливая птичья семья. А если кто и слышал торопливое щеглиное «ци-пиканье», вполне мог подумать, что это подает голос отвыкшая от вольной жизни певчая птица, сидящая в клетке на окне или балконе в окружении городских воробьев.

ПТИЧЬИ ХИТРОСТИ

Будущее птичьей семьи, судьба ее у большинства птиц зависит прежде всего от того, как хорошо будет спрятано гнездо от всех посторонних взглядов. Насчет чужого гнезда, яиц в нем и птенцов у всех грабителей просто: они у кого угодно норовят потянуть. На хозяина замахнуться не смеют, а в гнездо прямо при нем лезут, потому что не всякий и отпор может дать даже при равных си-

лах. Особенно осторожным и осмотрительным приходится быть тем, кто живет отдельно от своих, кто строит открытые гнезда, кто и сам в драку никогда не полезет.

Скворец, касатка, воронок издавна настолько привыкли к человеку, что не только гнезда свои строят на виду, а без всякой опаски на виду у всех и птенцов кормят, не прибегая ни к каким уловкам, чтобы отвлечь от них чужое внимание. Смотрите, мол, сколько угодно. Да и сами птенцы ведут себя так, что не заметить их просто нельзя.

Но есть такие, у которых ни родители, ни дети не выдадут место, где устроено гнездо, пока выводок сидит в нем, его надо кормить и кормить, давая каждому его порцию через несколько минут, иначе захиреют птенцы. Где один-два рта, там проще, а где четверо-пятеро, а то и полный десяток есть хотят ежеминутно, там только носить поспевай.

И вот, если птицы, не желая раскрывать местонахождение гнезда, прилетают к нему с кормом и видят рядом человека, которому, может быть, и дела нет до птичьей жизни, но его не прогнать и не отвести, они поступают по-разному. Одни после долгого ожидания сами съедают то, что принесли детям, другие все-таки находят лучший выход из опасного и затруднительного положения. Решения бывают настолько оригинальны, что усомниться в наличии рассудочной деятельности у этих птиц просто невозможно. И примеров тому, не похожих один на другой, немало.

Живет на речных лугах веселая птица — варакушка, самая близкая родня соловью. Но прилетает месяцем раньше, чем он. Певец не блестящий, но приятный и тоже поет ночами и на разливах, и когда вода войдет в берега. Громко поет, с задором, но манера исполнения иная: нередко в разгар пения взлетает на несколько метров вверх. Гнездо тоже на земле строит, но обнаружить его невозможно, потому что над ним небольшой травяной навесик для лучшей маскировки.

Когда-то у меня хватало времени на фотогра-

фирование птиц, и сделал я на берегах Битюга несколько удачных портретов самки варакушки. Она то с гусеницей в клюве, то без нее садилась на сухой прошлогодний бурьян, на зеленые травинки, негромко и беспокойно покрикивала, ставя хвостик торчком. Время шло, один кадр был заманчивее другого, а когда кончились все ролики пленки, я отошел в сторонку. Но

птица не изменила поведения, и невольно подумалось, а не раздавил ли я нечаянно гнездо.

И вдруг в траве мелькнула ярко-синяя с белой звездой грудка самца. Потом он еще раз там же выскочил на миг. Пока самка «позировала» почти полтора часа кряду, он работал за двоих да так, что птенцы были сыты и сидели в гнезде тихо-тихо. Он тоже следил за мной и не показал, куда носил корм. А наступала пора сенокоса, и на битюгских лугах трава стояла выше пояса: попробуй разглядеть, что делается даже за полшага от тебя.

У жуланов было наоборот. Там красавец сокопуд, усевшись на сухую веточку прямо перед моим лицом, сердито и громко кричал на меня, угрожающе размахивал черно-белым хвостом и, наверное, едва сдерживался, чтобы не налететь с ударом.

Его голос звучал и рассерженно, и тревожно, но этот сигнал действовал на самку как предупреждение, что ей и гнезду угрозы пока нет. И она, скрываясь в колючей гуще шиповника, спокойно кормила птенцов, и ни один лист не дрогнул от неосторожного движения, не раздалось ни звука, словно и птенцы были немые от рождения. Сколько бы раз человек ни останавливался око-

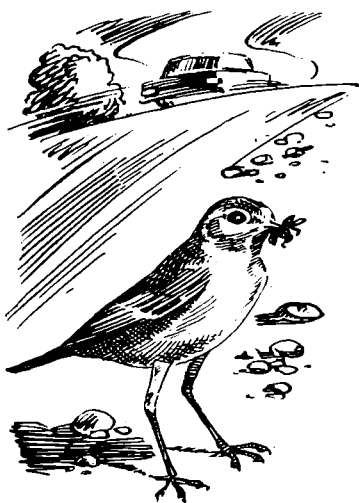
ло того куста, всегда перед ним возникал рассерженный самец. Но когда рядом оказалась сорока, на нее бросились оба родителя с явным намерением прогнать прочь, а вовсе не отвлечь внимание на себя.

Горихвостки, убедившись, что место гнезда раскрыто, уже через несколько минут стали нырять в дупло с кормом и брать приношения, которые я оставлял под деревом. Им больше ничего и не оставалось делать: вход в дупло один, и к нему никак не подобраться скрытно.

Вот почему больше всего меня поразила парочка каменок. Этих подвижных, энергичных птиц нигде много не бывает, но они везде. В городе, в поле, в овраге или карьере, на свалке строительного мусора, даже в лесу находят каменки место для гнезда, лишь бы была неглубокая щель, дыра, трещина.

И у них вход в гнездо один, тут тоже стороной не проскользнешь. Эта пара заняла узкую нишу-щель под краем асфальтового полотна дороги. Тракторы, мотоциклы, большие и маленькие автомобили их не пугали, но как только ими заинтересовался человек с фотоаппаратом, они заволновались. Птицы садились на столбики ограждения, тревожно и возмущенно чекали, но даже не смотрели в сторону гнезда.

Под уклон, не сбавляя скорости, неслись тяжелые машины, и лучше было перейти на другую сторону шоссе. Каменок это не успокоило, но тут же случилось то, чему сразу не поверишь. Едва переднее колесо грузовика закрыло одну из птиц, как она мгновенно ис-

чезла, будто раздавленная в лепешку огромной тяжестью. Это мгновение было очень коротким, но, поймав его, каменка с кормом успела под прикрытием колеса нырнуть в нишу-норку, опередив щелчок фотоаппарата. Так и пошло у каменок: автомобиль — птенцы получают корм, пуста дорога — снова волнуются родители.

Интересно, что птицы ждали автомобиль только со своей стороны, а те, что шли на подъем по медленнее по моей стороне, вроде бы годились для прикрытия. Быстрота реакции была у них необыкновенна, на раздумье не тратилось и доли секунды.

ДРОЗДЫ НА ОСЕННЕМ ПОЛЕ

У золотой осени далеко не все деньки золотые. Иногда так затянется лихое ненастье, что ни свежая зелень сосен, ни теплые краски берез и кленов не могут избавить от чувства, что уже не будет до весны ни тепла, ни солнца, ни синего неба. В лесах еще сохраняется какая-то приветливость и осенний уют, а в чистом поле до низких туч, кажется, можно рукой дотянуться с невысокого кургана. Мгла то редет ненадолго, то густеет до сумерек, скрывая неясный горизонт. В такой обстановке и карканью ворона будешь рад, пожалуй, не меньше, чем песне жаворонка. Да нет вокруг ни ворона, ни вороны, ни вездесущей сороки. Никого.

Лишь неясные, маленькие тени мелькают по невысокой озими. Заметно только движение, а кто перескакивает вдоль зеленых рядков, зверьки или птицы, не разобрать сквозь туман. Поближе, еще не совсем различимые, угадываются силуэты крупных дроздов. Скачут, обгоняя друг друга, все в одну сторону и, словно спотыкаясь, тычутся клювами в раскисшую землю. Еще несколько шагов в их сторону, и вся стайка уносится прочь, а из тумана раздается негромкий сторожевой крик-треск, за который эти отменные весенние певцы получили довольно неблагозвучное название — дерябы.

Среди своей пестроперой дроздовой родни деряба до мелочей похож на певчего, от которого на первый взгляд отличается не более, чем капля от капельки: различия едва заметны в мелких деталях рисунка и оттенка фона. В птичьем мире нечасто встречается, чтобы при разном росте было такое поразительное сходство во внешности. Такие пары есть у сов, цапель, ястребов. Дерябу-одиночку в стае певчих дроздов можно было бы принять за птицу-переростка.

Сходство не только во внешности. Одинакова у обоих исполнительская манера: весной каждый поет так, чтобы всем было и видно и слышно. На своем участке деряба выбирает сосну повыше и с ее макушки дарит лесу неторопливую песню. У него сильный, красивый, чистый и глубокий свист. В песне четких колен, как у певчего, нет, но все звуки ясные, размеренные, громкие и мягкие. Словно рассказывает птица не словами, а свистом о том, что видно ей сверху. Выше поет только лесной жаворонок юла, а все прочие — на нижних этажах леса. А в чистых сосняках, кроме этих двух солистов — дерябы и юлы — да тихой овсяночки и таинственного козодоя, никто больше не живет и не поет. А друг другу они не мешают, потому что чаще поют в разные часы.

Деряба не такой отшельник, как черный дрозд, но в гнездовую пору с одного места не услышишь сразу двух певцов. И лишь однажды в жизни довелось мне попасть на апрельской заре в группо-

вое поселение деряб. Несколько пар их наподобие рябинников объединились в небольшую колонию. Тихий весенний вечер в птичьей общине напоминал последние минуты перед концертным выступлением ансамбля флейтистов: слух невольно улавливал в птичьих свистах нечто похожее на обрывки знакомых и незнакомых мелодий. Впрочем, сравнение голоса дрозда с флейтой не совсем удачно: звук этого инструмента и слабее, и резче.

И еще одно сравнение: у певчего дрозда, правда, у самого мастера, нет-нет да и услышишь в песне явно чужое колено, хотя и обработанное по своему, у дерябы — никогда.

Нет у этого крупного дрозда той привязанности к постоянному месту, которой отличается большинство лесных птиц. Бывало, что по несколько весен подряд в самых дроздовых урочищах не слышали его песен, не видели птенцов. А вообще-то к месту, к участку леса пара привязана всего три месяца: ровно столько, сколько требуется, чтобы вырастить два выводка. И свободного времени между первым и вторым нет ни дня: еще майские слетки не покинули гнездо, а самка уже строит по соседству новое — для июньских.

У гнезда деряба и осторожен, и отважен. Ему часто удается и гнездо выстроить, и птенцов в нем выкормить буквально в шаге от тропы или проезжей дороги и остаться никем не замеченным. Но когда гнездо обнаружено и ему грозит опасность, пара, защищая свое будущее или настоящее потомство, смело бросается на любого врага. Даже ворона не выдерживает их атаки. Наглая разорительница чужих гнезд удирает от пары дроздов, которые вместе, вдвоем, и весят-то меньше ее.

В высоте расположения гнезда на дереве нет никакого стандарта, но при его строительстве помимо размеров соблюдается еще одно правило: оно, в отличие от построек других дроздов, снаружи обязательно отделяется мхом и лишайниками. И даже после того, как отслужит оно свой срок, по этой отделке можно безошибочно узнать его хозяина.

Одними из последних перелетных птиц глубо-

кой осенью покидают наши места дерябы. Пролетят гусиные караваны, исчезнут скворчиные ватаги, грачей убавится, а они все еще здесь. И эта остановка в поле не случайная задержка в пути. Здесь сейчас и сытнее, и безопаснее, чем в лесу. Однако же не всякая лесная птица осмелится вот так кормиться в чистом поле, а дерябы чувствуют себя и вдали от деревьев так же уверенно, как грачи или скворцы. Из серьезных врагов сюда может лишь чеглок налететь, но он осенью ищет добычу помельче. Для перепелятника поле и вовсе не место охоты. А четвероногому хищнику на ровном месте и совсем невозможно подобраться к сторожким птицам.

САДОВАЯ ОВСЯНКА

Последние дни весны и первые дни степного лета безветрием, безоблачностью и преждевременным зноем были так похожи друг на друга, что если бы в один из них не зацвела бы белая акация, не началась бы в тополевых рощах густая пуховая метель — в другой, не прорезался бы в конце третьего узенький серпик молодого месяца на темнеющем небе, не перестал бы петь соловей — на четвертый, то вроде бы и нечем было бы отличить день сегодняшний от вчерашнего.

Сохла земля, на утренних зорях сухими оставались травы. Но не от жары и бездождья смолкали пернатые певцы: то у одного, то у другого в гнездах появлялись птенцы, и день ото дня становилось меньше свободного времени. К тому же как следует кормить птенцов — значит себя ограничивать до предела. А ведь для того, чтобы петь с прежним пылом и в полный голос, надо быть сытым самому. Но нет-нет и у самых занятых находится момент или возникает необходимость для оповещения соседей, что участок еще занят, хотя бы раз-другой повторить свой весенний напев. Делать это надо в самом начале дня. Вот и звучат по утрам голоса, которых ни в полдень, ни под вечер уже не услышишь.

Лишь перепела в полях бьют и на рассвете, и в самое пекло, и в сумерки, и при луне, и без нее. Песней встретит в небе солнце полевой жаворонок — и к земле. А на низкотравном склоне степной балочки, где вроде бы, кроме сусликов, и жить некому, в тишине раннего утра прозвучит немного меланхоличная, но приятная на слух, коротенькая песенка садовой овсянки. Одна из самых простых птичьих песен, в ней всего четыре слога: три коротких на одной ноте, последний пониже и протяжнее. Строй песни, как у нашей обыкновенной овсянки-желтопузика. Но та колокольчиком звенит и берет ноты повыше, а у садовой голос глуше, но зато помягче и понежнее.

Не заметно у нее и того напряжения, с каким исполняют свои песни певцы такого же роста, когда буквально все тельце пичуги до кончиков хвоста и крыльев трепещет в такт трелям. А если к тому же ей в соседи достанутся соловей, зяблик да с ними чечевица и кто-нибудь из голосистых славков, то рядом с этими мастерами словно еще тише и вроде бы обиженно звучит неторопливое, минорное «вирь-вирь-вирь-вьюуу». Это впечатление усиливается, когда смотришь на певца вблизи: его круглые глаза обведены тонким белым кольцом, которое придает птице выражение робкой смиренности и доверчивости. Да и на самом деле садовая овсянка спокойнее и доверчивее многих мелких птиц.

В песенке всего четыре слога. Может быть и три, и шесть. Но у каждого они звучат по-своему. У одного — с заметной хрипотцой и жужжанием, у другого — почти так же чисто и вопросительно, как у чечевицы, но потише, у третьего — как приспущенная гитарная струна, у четвертого — жестко: «дю-дю-дю-дюуу», а его сосед перед каждой нотой как форшлаг поставит, а после четвертой ноты торопливо и негромко добавит «кли-кли», придающее песенке большую выразительность. Эти оттенки различают не только сами овсянки, их хорошо улавливает наш слух.

Садовая овсянка — птица вовсе не садовая и тем более не лесная. Это название книжное. Я слу-

шал сотни их на опушках лесных полос, но ни разу не видел, чтобы хотя бы одна из них случайно проникла под лесной полог, словно боясь неведомого тенистого мира, где ей тесно и мало солнца. Ей вполне достаточно кустика таволги, терна или боярышника, чтобы следить с него за границами своего участка и петь негромкую сторожевую песенку. На том участке под кустиком типчака, ковыля или полыни на земле самка построит гнездо, и в полдень хоть какая-то тень упадет от нескольких травинок на птицу или ее птенцов, защищая их от палящих лучей степного солнца. Хотя жару сама овсянка переносит, видимо, неплохо: зимовать-то улетает не куда-нибудь поближе, а в африканскую саванну.

Среди мелких птиц садовая овсянка — одна из самых спокойных и непугливых. На поющего самца, не делая резких движений, можно смотреть, не прячась, буквально с трех-четырех шагов. Он будет продолжать свое пение, но в его поведении все же будет проскальзывать некоторая нерешительность, словно не знает птица, что лучше: оглететь в сторонку или остаться на месте. А односложный сигнал тревоги у гнезда с яйцами или птенцами звучит, как робкий вскрик, и настолько похож этот звук крайнего беспокойства на интонацию первого слога песни, ее начала, что кажется, будто вот-вот она пропоется целиком. Этим сигналом она скорее привлекает внимание к тому месту, где гнездо, нежели защищает его: ни отпугнуть, ни отвести настоящую или мнимую опасность эта овсянка не умеет.

А самые опасные в ее жизни, вернее в жизни ее потомства, — несколько страдных дней сенокоса.

Жихают косы, под корень сбривая травы, снося головы тем, кто не улетел, не убежал, не спрятался под землю. Лишь шелковистый типчак — как заговоренный против стального лезвия. Но не он, уцелев сам, защитит пятерку овсянкиных птенцов от косы. Лежат они в тесном гнезде, не поднимая головок, пока не подлетит мать или отец с кормом. В этой неподвижности их спасение. А то, что

накроет всех легким валком скошенной травы, так это даже не полбеды.

Иногда где-нибудь на песчаном пустыре за городской окраиной среди пернатых соседей тихой овсяночки окажется и хохлатый жаворонок. Талантливейший из пересмешников, он с первого раза и на всю жизнь запомнит ее песенку. И однажды в погожий денек бабьего лета в его негромком щебетании вдруг прозвучит на том пустыре овсяночье «вить-вить-вить-вьюу». Прозвучит не громче и не тише и так же просто, как поет овсянка. Но в чужом исполнении да еще на пороге осени откроется вдруг чарующая прелесть этой простоты. Сама-то овсянка к тому времени уже и до Африки долетит, а голос птицы останется на ее родине. И еще не раз повторит его домосед-жаворонок и осенью и в самом начале весны, до возвращения заморской гостьи.

ПОЛЕЙ ПОДНЕБЕСНЫЙ ПЕВЕЦ

Говорят, одна ласточка весны не делает. Конечно. Весну за месяц до первых ласточек делают жаворонки, а потом уже весна делает и много ласточек, и других птиц. И нередко раньше всех перелетных пернатых появляется поднебесный певец Русской равнины — полевой жаворонок. В лесу уже насвистывают синицы, барабанят дятлы, восторженно орут сойки и скрипят снегири, а над белым простором заснеженных полей — тишина и солнце. Но где-то на косогорчиках снег не выдержал его лучей, и зачернели по буграм проталины... Тогда и раздается из белесо-голубой дымки негромкое жавороночье «чирр». Раздается не как приветствие, а как осторожный вопрос: нет ли кого из своих? Нет. Он первый.

Не забыты родные места, не забыты песни. Их никто не слышал на чужбине, а здесь уже невозможно без них, и, не присев даже отдохнуть с дороги, жаворонок заявляет о своем прилете короткой распевкой. Он еще не выбрал места, где будет гнездо, еще нет самок, еще и соседи не прилете-

ли, поэтому и нет полной песни. К тому же еще не раз налетят с холодной стороны низкие, хмурые тучи, снова забелеют поля чистым снегом, и те, кто увидел такое впервые, могут в растерянности повернуть назад. Но настанет такой день, когда с утра до вечера ни одно облачко не заслонит солнце. И тогда чуть ли не с рассвета (будто и не спал совсем) польется сверху бесконечная звучная песня. В полях нет эха, и кажется, что эти переливчатые трели ударяются о зеркала весенних снеговых озер, отскакивают от них снова вверх и в стороны. А это почти разом запели десятки голосистых вестников весны. С того дня и до середины лета будут звенеть над полями и речными долинами знакомые чарующие напевы.

Полевой жаворонок может петь и на земле, но старается этого не делать. Круто взмывает он вверх, начиная песню с первыми взмахами, и отвесно, не смолкая ни на секунду, поднимается на сотню метров, а то и выше. А там, трепеща крыльями, он будто повисает в невесомости, и никакому ветру не столкнуть его в сторону. Есть у нас кроме жаворонков четверо-пятеро птиц, которые тоже могут петь на лету. Но весь их полет с песней длится несколько секунд, а потом эти певцы, словно в изнеможении и при последнем дыхании, падают вниз, чтобы отдышаться. Слушая жаворонка и глядя на него снизу, думаешь, что поднялась птица на такую высоту не только для того, чтобы выразить свои чувства, но и отдохнуть в полете и пении.

В лесах наших весной на каждой опушке поют два-три десятка разных певцов, отличных, хороших и «так себе». А жаворонок местами не только единственный певец, но и единственная полевая птица. А там, где бьет еще и перепел, всякий третий голос будет даже лишним.

Когда-то распевал жаворонок в бескрайних придонских ковыльных степях, где только сурки пересвистывались. Но когда стали эти степи полями, птицам не стало хуже. Наоборот, это даже избавило многих из них от врагов, особенно тех, которые были охочи до яиц и птенцов.

Поющий жаворонок бесстрашен. Я не раз видел, как на аэродромном поле жаворонок был равнодушен к взлетающим и садившимся самолетам, начиная от Ан-2 до огромных реактивных машин. Были случаи, когда вихри от двигателей даже срывали птицу с места, а она не прекращала пения, и по мере того как слух вновь начинал воспринимать земные звуки, первым из затихающего рева возникал жавороночий напев в том же темпе, в тех же тонах, в том же вдохновении, как будто рядом пронеслась не огненно-грохочущая громада, а на миг налетел легкий ветерок. Может быть, он и сам рос при таком громе, и его собственные дети привыкнут к этому еще в скорлупе яйца. Но скорее всего не боится он ни грома небесного, ни огня земного.

Летом сорок второго на колонну ребят-детдомовцев налетели несколько «юнкерсов». С воим полетели на дорогу бомбы, но ребята, повидавшие уже войну в Подмосковье, побывавшие под обстрелом и бомбежкой, мигом рассыпались по сторонам. Каждый лежал лицом вниз, невольно считая взрывы, и, когда грохнула последняя бомба, в необыкновенной тишине каждый услышал поющего жаворонка. Он пел и до налета, но никто не обращал на это внимания, а теперь ему поверили, что все обошлось благополучно. И в самом деле, никто из нас не был даже поцарапан,

и через несколько минут снова пылила боконогая колонна к переправе. Только на небо поглядывали почаще, но в нем пели жаворонки, будто и не было на земле войны.

Поет он и тогда, когда совсем рядом на том же поле охотятся лунь, пустельга или кобчик, словно это его самые добрые соседи. Но есть у него один смертельный враг, от которого может спасти только высокая рожь или пшеница — маленький сокол чеглок. Высоко поднимется поющий жаворонок, еще выше парит невидимый никому чеглок. Наметив жертву, он с такой скоростью падает вниз, почти сложив острые крылья, что жаворонок просто не успевает оценить опасность этого нападения. Оборвав песню, он чуть ли не камнем падает на спасительную землю (больше и деться-то некуда), стараясь спрятаться между комьями пашни. Но и чеглок достигает земли почти в тот же миг и никогда не промахивается. И попадают в его когти только поющие самцы. Самкам взлетать незачем, песен у них не бывает. А потеряв таким образом супруга, любая из них справится с воспитанием выводка в одиночку.

Говорят, что и ночью поет этот жаворонок, но мне ни разу не доводилось послушать ночную песню. Однако верно то, что он первым встречает над полями солнце и последним провожает светило вечером. Вот поэтому и кажется, будто ночевал он где-то под самыми звездами. К тому же среди всех полевых жаворонков вечерних певцов немного. В густеющих сумерках, когда зажигаются на лиловом небе первые звезды, слышен один там, где утром и днем пели десять. И голос певца иногда

еле доносится до земли, потому что птица взлетела на такую высоту, на которую днем и не поднимется. Вот поэтому и думаешь, когда смолкает, что поднялся он еще выше.

Когда в конце лета едешь ночью на автомобиле по полевой дороге, кого только тут не встретишь: то полевка перебежит, прижимаясь к земле, то сова болотная сидит с такой же полевкой в когтях, то хорь сверкнет двумя зелеными огоньками в придорожной траве. Но чаще всего чуть ли не из-под самых колес свечой взлетают полевые жаворонки и мгновенно исчезают в темноте ночи. Что они тут делали? Спали на открытом месте? Купались в дорожной пыли, пока никто не подсматривает? Или иные дела приводят их на дорогу, где днем не видно ни одного?

Во всем остальном жаворонок — чисто земная птица. Не последний из асов, он никогда не гоняется за летающими мошками, а собирает мелких насекомых только с земли и травы. К насекомым добавляет разные семена. И гнездо на земле, в маленькой ямке. Птенцы в нем не засиживаются и, еще не умея летать, уходят. И окрас жавороночьего пера такой, что заметить его на земле среди сухих былинки не просто. Спит на земле, а купается только в пыли. И когда закончится время песен, когда будет воспитан второй выводок, жаворонок словно забудет небо: внезапно испугнутый, пролетит немного над самой землей и опустится снова.

Не слышал я никогда, чтобы пел полевой жаворонок осенью, как поют его сородичи — юла и хохлатый. Осенью, задолго до начала перелета, полевых жаворонок вообще можно обнаружить только случайно, вспугнув с травы или со стерни. Их предотлетные стайки собираются по краям полей, по вершинам безлесных балочек и пастбищам. Отсюда они и улетают, негромко перекликаясь друг с другом в полете. Похожи эти голоса на весение, с которыми прилетают первые птицы. Но обстановка не та, и даже над зеленым полем озими они воспринимаются иначе: а не остался ли кто из своих случайно на этих просторах?

Бегают быстро и ловко, то пригнувшись, то вытянув шею вверх и топорща на голове коротенький хохолок. И больше, кроме когтя, у него ничего нет особенного. А вот коготь заднего пальца особый: он раза в два длиннее самого пальца, прямой и острый. На передних пальцах обычные короткие коготки, а этот как кинжал. Такой коготь у всех жаворонков. А живет их у нас еще четыре: домосед и подорожник — хохлатый, рослый степной, самый маленький из жаворонков, но довольно посредственный из певцов — малый, и юла — лесной. Но их всех вместе в несколько раз меньше, чем полевого.

КАК СПАЛОСЬ, ВОРОБЬИ?

После долгой вьюжной ночи день выдался на редкость ясным. Ветер так тщательно протер небосвод снегом, что даже над городом не было дымки, и солнце успело немного согреть тротуары, стволы деревьев и стены домов. По узеньким карнизам, по подоконникам на пригреве плотными гирляндами уселись воробьи и дремлют. Какие-то смельчаки даже искупались перед этим в лужице. Они просыпаются чаще других и, встряхнув мокрое перо, засыпают опять. И остальные то один, то другой откроют глаза, устроятся поудобнее, потянут крыло и, распушившись, зажмуриваются снова. Так что чей-то глаз открыт всегда, кто-то готов в любой миг подать сигнал тревоги.

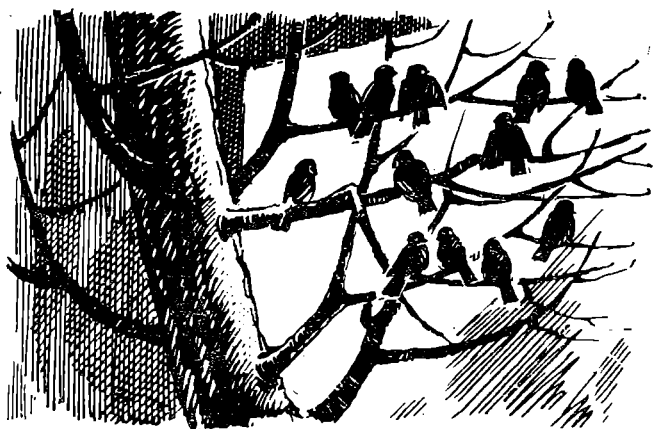
Ночью, что ли, не выспались? Которые в гнездах, под крышами, в щелях разных ночуют, те выспались с комфортом. А эти восемнадцать часов просидели на голых ветках под ветром и снегом.

И не потому, что спрятаться негде было, а такова родовая привычка воробьев, сохранившаяся еще с того времени, когда жили они только на берегах теплого Средиземноморья. И каждый вечер летом и зимой тысячи птиц слетаются еще засветло на пять тополей перед большим магази-

ном, и, пока не уснут, сплошной гам их голосов стоит над улицей: какие из-за места ссорятся, какие верещат от незаслуженной обиды, какие предупреждают, какие просто так чимкают.

Вроде бы все свои собрались сюда, но мира тут не было, всегда находились задиры, которые постоянно искали ссоры. Ни один из соседей не был им по душе, и если он не покидал облюбованного места сам после угрозы, его без дальнейших предупреждений сдергивали с ветки за крыло или хвост. Да еще с минуту держали в таком положении на глазах у остальных. Однако никто за него не вступался, и задиры продолжали терроризировать смирных птиц до самой темноты и успокаивались последними. У ворон на ночевках тоже находятся такие, кто, не желая спать в такую рань, мешает и остальным, дергая их за перья. Но у них это выглядит, как довольно безобидное озорство, в котором нет ни злости, ни грубости.

Веток на деревьях больше, чем воробьев, но выбрать надо такое место, чтобы сидеть было удобно, чтобы в случае тревоги можно было взлететь не ударившись, чтобы самому утром чистым проснуться, чтобы ветер под перо не забрался. Никогда не сядут плечом к плечу, а так, чтобы сосед до соседа клювом не дотянулся. И, устроившись,

сунут короткие клювы в перья, распушатся, и тогда уже молчок. Раскачивает ветер тополя, а на ветках, как сухие листья, тысячи воробьев качаются. Только не шуршат и не падают. Не падают потому, что мертвой хваткой держится за веточку каждая птица во сне, не затрачивая на это никаких усилий. Так уж устроены ноги у них.

Больше всего собирается их в ясную погоду, а в дождь или сильный снегопад многие где-то прячутся. Но как только устанавливается погода, они возвращаются снова. Никогда еще не было так, чтобы на ночь остались пустыми тополя. Одеты воробьи беднее синиц или вовсе привычных к холоду снегирей, но просиживают напролет самые морозные ночи. И не мороз, а гололед страшен для них, когда ожеледь садится не только на ветки и провода, но и на птичье перо. Тогда падают на асфальт обмерзшие воробьи десятками и уже не взлетают снова.

Слетаются на эти тополя воробьи вовсе не для того, чтобы погреться в свете магазинных витрин. Здесь так же холодно, как и на любой другой улице, и мороз так же рисует на стеклах свои фантастические сады. Если кто вспомнит то время, когда по проспекту ходили трамваи, а вместо лип по обе стороны его стояли тополя, то собиралось на них тогда в сто раз больше воробьев вдоль всего квартала. И так орали они тогда, что заглушали лязг трамваев. А сейчас от этого сборища осталось немного. Еще тысячи две ночуют во дворе за углом, еще собираются у вокзального перрона, на приго-

родных платформах, где можно «погреться» разве только в свете прожекторов пронсящих электровозов.

Утром воробьи разлетаются быстрее, чем собирались с вечера. Крика утром меньше и озорства тоже меньше. Разлетаются не поодиночке, не враспынную, а стайками, как радиоволны в мультфильмах: взвывают к макушке дерева, замрут на миг и срываются разом, как сигнал с антенны. Следом — другая группа, за той еще и еще. Каждая в свою сторону.

А однажды зимой залетела в город кочевая стая скворцов. Где ночевать всем? На незнакомых чердаках? Выручили городские воробьи, каждому из которых можно безоговорочно доверять, не опасаясь никакого подвоха. И четыре сотни скворцов не стали искать лучшего места, а устроились на тех же тополях, на лепке капителей, но только повыше воробьев. В их общине больше солидности и порядка: совсем нет драк и ссор. Засыпают позже воробьев, просыпаются раньше. Просыпаются и поют в темноте. Середина января, а тут можно уже послушать флейту иволги, лягушечье кваканье, свист коршуна, писк потерявшегося утенка и что угодно еще. Утром они улетают вслед за воробьями и все разом. С ними и воробьям, кажется, стало безопаснее, потому что перестал прилетать сюда сыч, который по ночам брал дань головой с воробьиного племени. Из скворцов и ночью всегда кто-нибудь не спит, всегда кто-нибудь на чеку.

Появление скворцов на воробьиной ночевке озадачило и неясить. Она считала птичье стадо своим и брала из него ровно столько, чтобы быть сытой. Хищница не потерпела бы здесь второй такой же охотницы. Ей теперь приходилось дольше выжидать с вечера, чтобы уgomонились и скворцы. Сова проявила действительно охотничью мудрость, не став кидаться на еще не уснувших птиц, чем быстро испортила бы собственное благополучие.

Но в феврале 1976 года, в снежную и морозную зиму, в город залетела целая стая ушастых сов, отчаявшихся скитаться в поисках мышей. Начало той зимы, не морозное и не снежное, было насто-

ящим бедствием для всей четвероногой мелочи: мышей, хомячков, полевок, землероек. Их не ловил только тот, кто не хотел. Но потом все круто изменилось, мороз и глубокий снег спасли зверьков от истребления. Зато стали голодать и вымерзать тепло одетые совы, жившие прежде только мышьиной охотой.

Воробьиная ночевка, обнаруженная ушастыми совами, была буквально разгромлена за несколько вечеров. Отощавшие, изголодавшиеся хищницы, едва дождавшись темноты, не опасаясь света фонарей, бросались с крыш домов на еще не спавших воробьев, а те, перепуганные, разлетались кто куда. Большого урона воробьиному племени это не нанесло, но напугало сильно, и воробьи, как один, впервые за много лет покинули тополя и стали прятаться на ночь.

Год прошел после совиного налета, а ночевка восстанавливалась медленно. Те, кто помнил сов, вовсе перестали прилетать сюда, и к витринам магазина собирался, в основном, молодежь, еще ничего не знавший о ночных хищниках. А как только замерзла вода в тростниковых зарослях, где ночевали скворцы, десятка полтора жизнерадостных пересмешников снова присоединились к воробьям.

-

ДЛИННОХВОСТЫЙ ДРАЧУН

Ночь над весной была ясной, но безлунной, тихой и не по времени теплой. Только что прилетевшие соловьи еще помалкивали, не орали в холодной воде лягушки, зато пели над черной в звездах рекой и над черным с остатками разливов лугом первые ночные певцы — веселые птицы варакушки. Они неплохие пересмешники, но в их пении мало знакомых дневных звуков, а может быть, они и не любят такого разнообразия, как скворцы днем. И перед самым рассветом, когда о новом дне напомнила горихвостка, отправился я спать, зная, что никто, кроме птиц, не побеспокоит тишину лесного весеннего утра.

А проснулся не от барабанной дробы дятлов и автоматных очередей сорок, не от хрустального перепева зарянок: кто-то совсем рядом, не считаясь с неприкосновенностью рассветного часа, что-то сколачивал или приколачивал. И по тому, как стучал этот неведомый, было понятно, что либо у него нет настоящего молотка, либо он никогда его в руках не держал, либо не было у него ни одного прямого гвоздя. Стучал он с таким упорством, что казалось, будто не спал всю ночь, а только и ждал светлого часа, чтобы досадить кому-то или всем. Встал я, нашел коробку с хорошими гвоздями, вышел из домика босиком на серебряную росу...

Пели зяблики, гудел на высокой сосне клинтух, ошарашенно засвистел поползень, но никто нигде не стучал, не заколачивал гнутые и ржавые гвозди в сучковатую доску. Да и не могло никого быть возле наглухо забитых с осени домиков. Но едва залез я снова под неостывшее еще одеяло, как тот, словно дразня и досаждая, застучал снова: тюк-тюк-тюк, тюк-тюк... тюк... тюк... тюк-тюк... Крадучись шагнул я к двери и в узкую щель увидел утреннего дебошира: трепеща против окна веранды, раз за разом с воинственным видом ударял клювом в стекло самец белой трясогузки.

Я знал, что парочка этих птиц поселилась под крышей фанерного домика, что утвердили они свое право на владение территорией раньше других, но полагал, что после этого у птичьей семьи теперь настало самое мирное время. Однако же самец, установив отношения с соседями, увидел как-то свое отражение в оконном стекле. Оно не отозвалось на его предупредительный крик, не свернуло в сторону при нападении. С яростью соперника и отвагой хозяина раз за разом ударял самец клювом в стекло, а прищелец не отступал и не сдавался. Может быть, первый результат несколько озадачил птицу, а возможно, она поняла, что дерется не с настоящим соперником, а стычка с собственным отражением как-то поддерживала семейный престиж или давала выход неизрасходованной энергии и природной задиристости.

Так или иначе, а схватки с «призраком» повторялись каждое утро. Днем самец нередко летал мимо окна, но ни разу не напал на собственное отражение.

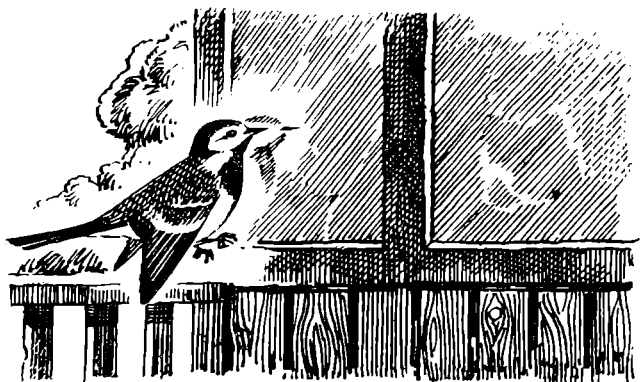
Самка внешне равнодушно относилась к его дракам с «тенью». Ранним утром, бегая по заиндевевшей травке, она выбирала подходящие былинки для гнезда и носила их под крышу, а он то стоял поодаль, распушившись от холода, то с воинственным криком бросался к стеклу.

Из травинки и тонких травяных корешков самка сложила гнездо точно на том месте, где было ее первое гнездо в прошлом и позапрошлом годах, и положила в него яйца. В те весны за всей ее жизнью под крышей можно было наблюдать с расстояния, с которого можно читать книгу: как дремала она, когда по шиферу барабанил дождь, как переворачивала под собой яйца, как улетала и возвращалась после кормежки.

В первый же год гнездо этой пары обнаружила кукушка, но в то лето у нее ничего не получилось: слишком узка оказалась щель в крыше, чтобы хотя бы клювом дотянуться до гнезда. Зато через год доступ к гнезду стал свободнее, и в нем родился кукушонок.

Самка всегда входила в гнездо с одной и той же стороны, поэтому край гнезда в этом месте оказывался примятым, и это облегчало кукушонку выбрасывать яйца и птенцов трясогузки. Он, положив на спину обреченного, крутился по гнезду, пока не подходил к стоптанному краю. Там, сделав последний рывок, выталкивал птенца или яйцо на бортик гнезда. Так что трясогузка еще и сама упрощала паразиту задачу, как разделаться с собственными детьми.

Самец не кормит самку на гнезде и не заглядывает в него ни разу, но с самого первого дня кормит детей. И знает, как это делать, принося им самых нежных гусеничек. Птенцы и головы-то поднять не могут как следует, а он терпеливо стоит над гнездом и ждет, когда хоть один приоткроет рот. И в этом отношении он как-то заботливее и сердобольнее самки, потому что иногда нет-нет

да сунет порцию в клюв даже тому, кто выброшен из гнезда кукушонком.

Пока кукушонок сидел в гнезде, обе трясогузки относились к нему одинаково. Одинаково волновались за него, одинаково исполняли свои родительские обязанности. Правда, самка еще и грела приемыша-злодея, и ночевала с ним, чтобы не замерз, а самец только кормил. Но когда кукушонок стал летать, самка день ото дня все больше охладевала к нему, а самец продолжал кормить с прежним усердием. Но настало утро, когда к молодой кукушке никто не подлетел с кормом, хотя семья не распалась и трясогузки не покинули своего участка. Они и так пестовали его вдвоем дольше, чем выращивали бы своих собственных птенцов, и бросили кормить, как перестали бы делать со своими.

Как ни мыкался кукушонок в то утро — пищал, взлетал на сосны, скакал по земле, бросался к серым мухоловкам, он оставался голодным. Кажется, вот-вот он сам увидит и схватит свою первую добычу и с этого шага начнется самостоятельная жизнь кукушки. Но он увидел издали на куче мусора одну из трясогузок и так припустился к ней, как, наверное, и взрослая кукушка не улетает от опасности. Это была самка. (Я легко узнавал ее по надломленному перу в хвосте). Она не стала притворяться, что не узнает эту большую пеструю птицу, но и не проявила никакого состра-

дания. Зато самец побегал-побегал возле кучи, поймал жирную синюю муху и отдал воспитаннику. Потом еще несколько раз покормил, пока кукушонок не перестал свистеть, довольный. Но так бесконечно продолжаться не могло: птицам надо было линять, и не в их желании было отсрочить это, и кукушонок, не добившись больше сочувствия даже от приемного отца, исчез.

Кажется, вскоре после его исчезновения и пара трясогузок перестала быть семьей. А может, это только показалось.

СЧАСТЛИВОГО ПУТИ!

Спокойная и теплая зима оказалась щедрой на снегопады, но без свирепых буранов, вьюг и метелей. И тихо, как никогда раньше, в эту зиму в наших лесах. Не слышно даже стука домоседов-дятлов: пусты кузницы лесных мастеров. Но вот на прошлой неделе, после последнего снегопада, как-то почти без ветра разошлись низкие тучи, и таинственно и едва слышно зазвенел сосновый лес. Грело солнце темно-зеленую хвою, таял на ней снег, превращаясь в искристые льдинки, и вместо капель соскальзывали они с сосновых лап, чуть позванивая. Звон везде, а откуда он — не сразу поймешь. И в этом безмолвно-звнящем бору вдруг тонкий-тонкий свист, и тоже непонятно откуда. А пока присматриваешься к пустым, под белыми шапками кронам высоченных сосен, этот свист словно бы уплывает в сторону. Свист знакомый, но хочется увидеть и хотя бы одного его обладателя, чтобы убедиться, куда путь держит в такую пору.

Сбросив шапку (жарко!), бреду, проваливаясь на каждом шагу, по едва заметному старому оленьему следу, присматриваясь к каждому дереву. А разглядеть в густом переплетении заваленных снегом ветвей таких маленьких птиц, как корольки, на тридцатиметровой высоте не просто, потому что нет в наших местах птиц меньше их ростом. За океаном есть, а у нас нет. И знамениты не только тем, что малы, а еще и тем, что первыми, едва про-

пустив солнцеворот, отправляются на родину, в северные еловые леса.

Из тех пернатых гостей, которые оживляют зимние леса Подворонежья, они и прилетают первыми задолго до наступления зимы. Прилетают как по устойчивому расписанию за неделю до осеннего равноденствия. Еще об осени напоминают только редкие желтые пряди в зелени берез да молодые, крепкие маслята, а они уже тут. Когда пробираешься с грибной корзиной по густому сосновому молодняку, тоненький свист-писк предупреждает, что корольки где-то рядом. А постоишь минуту-другую — и уже чуть ли не на расстоянии вытянутой руки перепархивают в игольчатой гуще зеленоватые тонкоклювые пичуги с ярко-желтой или оранжевой полосочкой на голове.

Шмыгают безбоязненно совсем рядом, но даже вблизи не видно, что же они склевывают с хвоянок, с самых тонких веточек. Потому-то и кажется, что только от избытка энергии порхают и кувыркаются беззаботные и жизнерадостные птицы. К тому же нам все маленькие существа кажутся игривыми и беспечными, если даже занимаются самыми серьезными делами. А вся добыча корольков как раз по их росту и редко соблазняет других птиц, покрупнее. Да и специалистов так обшаривать сосны тоже, наверное, нет. Потому-то они на других деревьях и не задерживаются, а, встретившись в лесу с разноперой синичьей ватажкой, быстро с ней и расстаются. В густой колючей кроне легче увернуться и от внезапного нападения врага всех мелких лесных птиц — перепелятника.

Родное дерево — ель. В наших борах ели нет, и спасает его только сосна. Даже купается корольек на соснах. Когда поникают их мохнатые ветки под тяжестью снеговых шапок, прямо на деревьях, не спускаясь вниз, барахтаются каждый в пригоршне снега, как в большом сугробе, корольки. Искрится белая пыль, медленно падая вниз, и никто на это не обращает внимания, никому невдомек, чем занята стайка маленьких птиц на верхнем этаже леса.

Что можно собрать с веточек после того, как их несколько месяцев секли снега и дожди, облепляла

изморозь, трясли все ветра, леденили морозы? Оказывается, немало и насекомых, и пауков, не подыскивая никаких убежищ, переживают на сосне любые зимы. А крепкий мороз даже гарантирует этой мелюзге больше шансов на выживание: окоченевшие лапки их мертвой хваткой держатся за кору или чешуйки почек. В оттепель эта хватка ослабевает, и ветер многих на снег стряхивает, а то и совсем уносит из родного леса.

Как-то после обильного снегопада ветер следом принес и тепло, и странную картину довелось увидеть в сосновом лесу. По чисто-белой пелене полуметровыми прыжками как сумасшедшие скакали корольки. Снег был испещрен следочками лапок и кончиков крыльев. А ведь годами не увидишь королька ни на земле, ни на снегу. Он и пьет-то там наверху то росу, то капли дождевые, то несколько снежинок проглотит. А причина этой «пляски» оказалась проста: ветер то ли сбил с деревьев, то ли с собой принес крылатых медяниц — крошечных, похожих на тлей насекомых. Едва перебирая ножками, медленно копошились они на сыроватом снегу, не в состоянии ни спрятаться, ни улететь. И разве могли корольки желать лучшего угощения, хотя собрать его было непросто. Ведь для того, чтобы быть сытой и пережить долгую ночь, птице надо было собрать тысяч десять насекомых, каждое из

которых вместе с крылышками едва весит четыре десятых миллиграмма. Бешеный темп, ни секунды отдыха — вот они, и беззаботность, и жизнерадостность корольков.

И ежегодно, в любую погоду все светлое время корольки тратят на поиски корма. Вздремнуть, остановиться, как синицы, некогда. Запаса никакого тоже быть не может, потому что все съеденное за день сжигается за ночь в организме, температура которого и во сне близка к сорока градусам. И только потом, когда, чувствуя приближение весны, забарабаният в лесу дятлы, нет-нет да и посидит несколько минут спокойно непоседа-королек, будто задумается: «А не пора ли домой?»

Не до песен им даже в приветливые солнечные дни. Только пересвистываются потихоньку, чтобы никто из семьи не потерялся, не отстал. Как семьей прилетели по осени, так и назад поворачивают вместе, едва день перевалит за восемь часов. Улетают, хотя зиме еще быть да быть, и что у нее еще в запасе приготовлено, никому не угадать, ни зверям, ни птицам.

Проводил я корольков до самой опушки. Посвистели они чуть погромче и возбужденнее, сорвались разом с сосен и тут же скрылись из виду. То ли над самым снегом полетели, то ли сразу высоту набрали, чтобы ястреб сверху не ударил.

Счастливого пути!

СО Д Е Р Ж А Н И Е

<i>От автора</i>	5.
------------------	----

АРИСТОКРАТЫ

<i>Зимняк</i>	9
<i>Гости из Заполярья</i>	12
<i>Черноглазые совы</i>	16
<i>Зимние игры ворон</i>	20
<i>Чайки над разливами</i>	26
<i>В грачиной державе</i>	30
<i>Белокрылая крачка</i>	34
<i>Охотник на змей</i>	38
<i>Морские орлы над Хопром</i>	41
<i>Горлица</i>	47
<i>Камышовый лушь</i>	50
<i>Черные стрельы</i>	54
<i>Птица сирий</i>	60
<i>Вальдшнеп</i>	64
<i>Мирные соколки</i>	67
<i>Таинственная птица</i>	69
<i>Пернатый новосел</i>	73
<i>Охотник на медведек</i>	76
<i>Аристократ неба</i>	80
<i>Синеперое чудо</i>	85
<i>Сарыч</i>	90
<i>Зимний скиталец</i>	95

ПЕВЦЫ

<i>Возвращение соловья</i>	101
<i>Белобровик</i>	105
<i>Поют черноголовки</i>	108
<i>Скворцы прилетели</i>	111
<i>Осенняя песня юлы</i>	114
<i>Зарянка</i>	118
<i>Состязание пересмешников</i>	123
<i>Зеленушка</i>	127
<i>Маленький хозяин городского сквера</i>	129
<i>Живые гирлянды</i>	136
<i>Хохлатые странники</i>	140
<i>Черный отшельник</i>	148
<i>Касатки из гаража</i>	152
<i>Сердитая синичка</i>	157
<i>Зяблик</i>	160
<i>Снегири на улицах</i>	163
<i>Поползень строит дом</i>	167
<i>Овсянка запела</i>	170
<i>Лесные часики</i>	174
<i>На пустыре</i>	179
<i>Жулан</i>	183
<i>Тревожные дни горихвосток</i>	186
<i>Спутники русской зимы</i>	191
<i>Птичьи хитрости</i>	194
<i>Дрозды на осеннем поле</i>	198
<i>Садовая овсянка</i>	201
<i>Полей поднебесный певец</i>	204
<i>Как спалось, воробьи?</i>	209
<i>Длиннохвостый драчун</i>	213
<i>Счастливого пути!</i>	217

ИБ № 819

Леонид Леонидович Семаго

АРИСТОКРАТЫ НЕБА

Рассказы, очерки

Редактор Э. И. Баранников. Художественный редактор Л. Р. Карюков. Технический редактор Г. Я. Баклыкова. Корректор Т. Д. Бунина.

Сдано в набор 25.07.80. Подписано в печать 11.12.80. ЛЕ11295. Формат 84x100¹/₃₂. Бумага типографская № 3. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 10,92. Уч.-изд. л. 10,3. Тираж 30 000 экз. Заказ № 6306. Цена 85 коп.

Центрально-Черноземное книжное издательство. 394730, г. Воронеж, ул. Цюрупы, 34.

Областная типография Управления издательства, полиграфии и книжной торговли, 394071, г. Воронеж, ул. 20 лет Октября, 73а.

Семаго Л. Л.
С30 Аристократы неба. Рассказы, очерки. ---
Воронеж, Центр.-Черноземное кн. изд-во,
1981. — 222 с.

ИСБН

В своей третьей книге воронежский литератор, кандидат биологических наук, посвятивший более тридцати лет изучению птиц, знакомит широкий круг читателей с интересными открытиями и находками в уникальном мире пернатых.

Сочетание тонкой наблюдательности натуралиста с мягким лиризмом повествования придаст рассказам Л. Семаго яркий, своеобразный колорит.

С 47212—050
М161(03)—81 Р—81

Р2

85 коп.